

**Лариса Григорьевна Михайлова Марк Боурн Джо
Л. Хенсли Рональд Энтони Кросс Бонита Кейл
Роберт Янг Патриция Элизабет Каннингем
Рудольфо Анайя Максим Борисов Алексис де
Токвиль**

**Сверхновая американская фантастика, 1996 № 08-
09**

Сверхновая американская фантастика (журнал) - 20

Fantasy & Science Fiction

СВЕРХ / 1996 НОВАЯ

8-9

американская фантастика

Рудольфо Анайя

Пол ди Филиппо

Рональд Энтони Кросс

Винта Кейл

FineReader 12 <http://lib.rus.ec/b/437197>

«Сверхновая американская фантастика, 1996 № 08-09»: Издательство
«Ладомир»; Москва; 1996
ISBN ISSN 1029-2675

Аннотация

Ежемесячный журнал «Сверхновая американская фантастика» — русское издание американского ежемесячника «Magazine of Fantasy and Science Fiction». Выходит с июля 1994 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ. Выходит с июля 1994 г.
(N 20-21 с начала выпуска)

Колонка редактора Привет, пришельцы!

Среди главных ветвей древа фантастики продолжает стабильно зеленеть та, что несет на себе произведения об инопланетянах и жителях сопредельных с нами миров. Может, оттого значительная или — говоря языком социологии — репрезентативная часть этих представителей внеземного разума имеет зеленый цвет кожных покровов? Но и без шуток, «инакость», взгляд (или хотя бы попытка взглянуть) на земные события и ценности извне — неотъемлемая составляющая огромного большинства фантастических произведений. Поэтому вновь и вновь мы встречаем на страницах книг и на телеэкране тральфамадорцев и минбари, разведчиков и послов, исследователей и торговцев, а то и просто туристов из разных концов нашей необъятной Вселенной. Это когда-то певали: «Всю-то я Вселенную проехал...» Сейчас мало кто сомневается, что тут до полного охвата еще очень далеко. И темой номера «Сверхновой», лежащего перед Вами, стало посещение нашего уголка Вселенной разными пришельцами. А также создание коллективного бессознательного образа инопланетян.

Сегодня каждый ребенок имеет представление о том, какими могут быть пришельцы из космоса: складывается родовой образ существ, обладающих сверхъестественными силами, но способных откликнуться на добро, общаться с людьми на равных. Не одному поколению фантастов, однако, пришлось потрудиться, чтобы от «Войны миров» Герберта Уэллса прийти к «Миру-кольцу» Ларри Найвена и Ойкумене — Лиге миров Урсулы Ле Гуин.

Наиболее наглядный пример — телесериал «Вавилон-5». На обозримом участке пространства — космической станции — пытаются разрешить свои конфликты довольно демократическим путем послы некогда воевавших разумных рас. Здесь также заметно сращение темы инопланетного разума с мистической струей в фантастике, не столько ищущей ответов, сколько направленной на выработку умения задаваться правильными вопросами.

А где-то по дороге родился образ благорасположенных «галактян»,

дарящих нашей планете суперменов. Он питает массовое сознание и проникает даже в совсем неразвитый ум. Но, как ни парадоксально, высоконравственная наполненность даже стереотипного представления о «пришельце из космоса» заставляет самозванцев отступить, как это происходит с Зивом из рассказа Бониты Кейл «Прибежище Энни». Умственно отсталая, но «адаптированная» к жизни героиня рассказа, которой нравится быть «Растительницей», самозабвенно растит в себе будущего ребенка бездомного Зива, сказавшегося инопланетянином. Тема самоотверженности, взаимопомощи в связи с темой пришельцев высвечивается на удивление постоянно и стабильно. И у других авторов данного номера — Марка Бурна и Рональда Энтони Кросса — мы вновь возвращаемся к ней, хотя с большой долей сомнения можно говорить об однозначности этики пришельцев. Разочарование застрявших на годы на Земле завсегдаев кафе Мэри не может оставить равнодушным никого, а вот отрешенность сияющих тили заставляет мучиться другую Марию, из рассказа «Путь, ведущий в Тили-таун», неразрешимым вопросом — стоит ли обретение непостижимых высот власти над материей и сознанием гибели и страданий иных, пусть и более примитивных мыслящих существ планеты? Еще одна инопланетянка, вынужденная приспособляться к земным формам жизни, ценой своей энергии спасает умирающего ребенка в рассказе «Ведьма Элвина» Джо Л. Хенсли, известного прежде всего своим участием в сборнике Харлана Эллисона «Опасные видения» в 60-е годы, закрепившем новую психологическую струю в НФ.

В рубрике «Десять световых лет спустя» еще один рассказ Роберта Янга (см. «Великан, пастушка и двадцать одна корова» в № 5-6 «Сверхновой» за 1996 год), где пришелец — наш, земной, но из некоего тревожного будущего, сопоставление с которым делает неотразимо притягательными обычные семейные отношения, привязанность родителей и детей. У Каннингем в рассказе «Удовлетворение гарантировано» действуют герои, свойственные жанру фэнтези — юная ведьма, единорог, рыцари, прекрасная леди — но в результате игры писательницы со стереотипами получилась вещь если не о пришельце, то уж во всяком случае о страннице по нашему миру, где для того, чтобы выжить, вовсе недостаточно обладать даром перевоплощения, необходимо также уметь воздействовать на коллективные образы в сознании людей.

С этого номера мы начинаем публикацию романа Рудольфо Анайи «Благослови меня, Ультима», которую надеемся завершить в № 12 за 1996. Героиня Анайи Ультима стала со времени появления романа в 1972 году именем нарицательным в американской литературе, надеемся, что роман не оставит равнодушным и российских читателей.

В рубрике «Translated into Russian» вас ждет рецензия Максима Борисова на недавно вышедшую трилогию Дэна Симмонса «Гиперион», «Падение Гипериона» и «Эндимион».

Лариса Михайлова

Проза

Марк Бурн Поломка¹

Марк Бурн работает в планетарии орегонского музея науки и промышленности. Он преподает астрономию, пишет для астрономических журналов и разрабатывает программы для музеев. Бурн создал программу «Звездный путь: „Наука Федерации“», — национальную передвижную интерактивную научную выставку, где свое место занял и журнал F&SF. При всем при том он выбрал время приехать в Сиэтл и пройти тренинг в Клэрионе — творческой мастерской писателей Запада.

«Поломка» — первая публикация Марка Бурна.

Старый-престарый негр, сидевший за отделенным невысокой перегородкой соседним столиком, поглощал свой суп страшно медленно. Ложку он держал всеми пальцами, — так ребенок хватает палку, зажимая ее в кулачок. Бун наблюдал, как ложка с точностью микротомы скользила у самой поверхности коричневатой пленки супа. Затем плавно поднималась ко рту, как бы увлекая за собой руку. Лысая голова почерепашьи выдвигалась вперед. Толстые, прорезанные глубокими морщинами губы вытягивались в трубочку, прикрывая желтые зубы. И громко всасывали суп из ложки. Далее весь цикл повторялся снова, за прошедшие полчаса их уже завершилось около десяти.

Взгляд старика оторвался от ложки и остановился на Буне. Белки глаз мутноваты, а зрачки — черны как космос и глубоки как время. Множество морщин тянулось от глаз старика и складывалось на его лице в древнюю карту усталости и ожидания.

Смущенный ответным вниманием, Бун быстро скрылся за потрепанной обложкой «Собаки Баскервиль». Но как и до того, слова там просто лежали на странице, в них было не больше значения и жизни, чем в пятнышках от мух. Слова увяли и умерли вместе со всем остальным. Вместе с с Эммой. Вместе с ним самим.

Он обвел взглядом придорожное кафе, которое в силу обстоятельств стало его пристанищем на эти прошедшие четыре часа. Обитые апельсиново-оранжевой искусственной кожей кабинки-отсеки были заняты ничем не примечательными посетителями. Пожилые пары и утомленного вида одинокие мужчины поглощали одинаковую похлебку. Мистер Кофе клокотал на поцарапанной хромированной стойке прилавка, и кусочки пирога вращались на подносе под стеклом. На часах с рекламой напитка «Доктор Пеппер» была половина восьмого. Голоса под сурдинку из радио с кухни перекрывались песней из музыкального автомата, какой-то гнусавой тягомотиной — ковбой страдал по потерянной милашке. Господи! Пнуть бы этот чертов ящик незаметно по пути в туалет.

— Пообедать не желаешь, милоч? — спросила остановившаяся перед столиком женщина в не очень свежем переднике. На вид лет сорока пяти — пятидесяти. Седеющие волосы были, верно, некогда темно-каштановыми. Высокая, худая, боевитая особа. Приглядевшись, Бун

1 © Mark Bourne. Brokedown. F&SF. March 1993.
Перевела Л.М.К.

решил, что она выглядит все же моложе своих лет — должно быть, ей около шестидесяти. Женщина стояла перед ним, стандартно улыбаясь, держа наготове ручку и маленький белый блокнотик. На голубом пластиковом прямоугольнике над кармашком значилось: Мэри Элис.

Бун пододвинул свою чашку.

— Нет, спасибо. Просто еще кофе.

— Тебе надо поесть, голубчик. Мой клубный сэндвич лучше любого другого, где еще такой найдешь?

— Спасибо, не нужно.

— Как тогда насчет кусочка пирога? У меня есть чудесный пирог со свежими яблоками, а в холодильнике — двойной шоколадный сюрприз. Могу тебе сдобрить пирог мороженым. Бесплатно.

Бун сосредоточенно собирал указательным пальцем крошки от крекера.

— Только кофе.

— Ладно, уже вот-вот должен подоспеть Юл Баркер. Он держит гараж возле шоссе. И твой грузовик отремонтирует в лучшем виде. Может ты захочешь остаться на ночь в мотеле «Звездный свет»? У Лисбет Крэншоу комнаты всегда в полном порядке.

— Возможно.

Сам-то он намеревался ночевать в гостинице «Y» в Литтл Роке.

— Юл и вправду здорово разбирается в моторах и прочих железяках. Он тебе все наладит. — Она сунула чек в кармашек передника. — Угощаем за свой счет. Несладко так подломиться, как ты. Так не забудь, пирог совсем свежий. В общем, скажи, если что-нибудь будет нужно, милоч.

Дальше она направилась к старику-негру и предложила ему еще супа.

Подломился — правильно сказано. Могут ли чувства подломиться? И тогда, если поменять масло в черепной коробке, не вернет ли это его снова на путь истинный? Есть ли присадка Джиффи Луба для души? Лаура так долго была механиком его строя мыслей, а игра на сцене позволяла выводить шлаки из своего психического радиатора. Сейчас у него нет ничего.

Господи! Занюханный, все себе прощающий великомученик. Бун ненавидел, когда не мог совладать с метафорами.

В окно были видны неоновые мигающие рекламные оранжевые сполохи на ветровом щитке его пикапа. «Кафе старо-Юга — поешь вволю!» — надпись вспыхивала и гасла, как закупоренная в бутылке гроза. Солнце расплавилось над осенним плато Озарк, и там, где дорога подходила к хайвею номер 7, неслись огоньки автомобильных фар: на север к Юрика Спрингс, либо на юг к Литтл Року. Всем им нет никакого дела до Дюваля в штате Арканзас с населением 935 человек. И он, Бун, тоже бы промчался мимо, кабы его чертов грузовичок окончательно не отказал чуть южнее Сент-Луиса.

Мэри Элис вернулась с кофейником. С материнским участием она наполнила чашку Буна, затем вытащила из кармана передника полную пригоршню пакетиков с подсластителем и сухими сливками. Бун медленно размешивал свой кофе. От Мэри пахло гамбургерами и жареной картошкой.

— Что чита'м, милоч?

Он показал ей книгу обложкой.

Мэри одобрила.

— Правда, детективов с убийствами я страсть как боюсь.

— Она заметила еще две книжки рядом с блестящей хромом коробочкой для салфеток. — Мне вообще-то всегда нравились истории с превращениями и всякими чудесами. Разве они не прелесть?

Мэри Элис хитро усмехнулась, ставя кофейник на стол.

— Слышал про эти летающие тарелки по радио? Кто-то смазал пятки и доложил о них полиции штата в Литтл Рок.

— Если не привиделось, — без энтузиазма произнес Бун.

— Да точно, их прям повсюду видят, должно бы уж, кажется, надоесть. Но вот проходит несколько лет, и какой-нибудь малец снова рассказывает, будто видел как в лесу приземлился марсианин, так вся округа с ума сходит. К тому же впридачу призрачные кладбищенские огоньки. В сам'деле, даже свой снежный человек тут у нас есть, чуть к северу отсюда. Зовут его Момо, то есть — Миссурийский Монстр. Ну разве не глупость?

Бун все цедил свой кофе, желая только чтобы словоохотливая официантка поскорее убралась.

— Много читаешь, — сказала Мэри. — Ну, это просто в сам'деле хорошо.

Она снова наполнила его чашку, затем вернулась на кухню — двойные двери захлопнулись за ней.

Около восьми вечера публика в кафе ужалась до двух метателей дротиков, молодой парочки на высоких стульях у стойки и пожилой женщины, которая выглядела как типичная классная дама на пенсии. Старый негр макал соленые гренки в суп и медленно их разжевывал. Казалось его взгляд устремлен куда-то на миллион миль вперед. Крутилась пластинка с Хэнком Вильямсом. Холмс в книге, как водится, всадил пять пуль в собаку Баскервильей. Бун отправился в туалет освободиться от кофе, и почувствовал после этой процедуры такое облегчение и ясность, словно проспал по меньшей мере часов шесть.

Мэри Элис все-таки принесла Буну сэндвич и огромный кусок яблочного пирога с мороженым. Она повторила, что это за счет заведения, потому как она собирается закрываться и не любит, когда остается еда.

— Не понимаю, куда это запропастился Юл, — проговорила она. — Постоянно названиваю ему домой, но там не отвечают. И в гараже то же самое. Может, он отправился поохотиться сегодня? — В голосе звучала неуверенность.

Ровно в девять вечера Мэри Элис повернула дверную табличку надписью «Извините, закрыто». Один дротикометатель ушел, пожелав всем на прощание спокойной ночи и звякнув колокольчиком над прозрачной входной дверью. Второй уселся на свободное место за стойкой. Затем все попрощались с юной парой, и те тоже ушли, держась за руки и улыбаясь.

— Ну до чего ж хорошо они вместе смотрятся, — произнесла «классная дама». — Этот мальчик Байеров вытянулся как тростинка. А Энни Лаура прелестна как майская роза.

— Только вот с папашей не повезло, — подхватил второй игрок.

— Да-а, — протянула женщина. — Допился до могилы.

— Да-а.

Музыкальный автомат зашипел и заглох. Бун почувствовал себя как

на чужих похоронах. Он оставил на столе четверть доллара и поднялся, натягивая куртку.

Мэри Элис окликнула его из-за стойки:

— Собираешься в «Звездный свет»? Могу тебя подбросить. Или вот Билли, ему как раз по пути.

— Да, как раз по пути. — Билли (это оказался метатель дротиков) начал шарить по карманам в поисках ключей от машины.

— Да нет, спасибо, я... — Бун запнулся. Собственно, у него не было ни денег, ни планов насчет ночлега. Как и в тот раз, недалеко от Омахи. Проклятье. — В грузовике устроюсь. Не впервой.

Ночь обещала быть прохладной, может и дождь пойти, а грузовик конечно, не самое лучшее место для отдыха.

Мэри Элис отставила в сторону бутылочку аэрозоля для протирки.

— Ладно тебе, милочка. У меня есть наверху свободная комната с раскладушкой и одеялами. Если хочешь, можешь переночевать там. Это тебе, конечно, не «Звездный свет», но уж получше чем ночлег в вонючем грузовике под дождем.

Бун видел участие на лицах вокруг, (кроме, может быть, старого негра). Он был тронут. Почти позабытое чувство.

— Хорошо, — проговорил он, — тогда я занесу вещи.

— А я поставлю еще кофе, — обрадовалась Мэри.

Бун вышел на асфальтированную площадку для парковки. Неоновая вывеска вспыхнула с жужжанием еще раза два и потухла. Наступила тишина. Воздух был прохладный, наполненный терпкими ароматами осени. Собирался дождь. Дёрен и акации вибрировали от стрекота цикад под шепот ветра.

— Прошу прощения, — произнес над ухом чей-то голос. Бун вздрогнул от неожиданности и посторонился. Средних лет пара с маленьким ребенком прошествовала мимо него и вошла в кафе, проигнорировав табличку «Закрыто». Вскоре припарковался еще один пикап и старый додж-дарт.

Бун вытащил из кабины свою дорожную сумку, затем откинул заднюю дверцу, чтобы добраться до коробок в спальном отделении грузовичка. Он извлек ту, на которой значилось «Детская». Там хранились любимые вещицы Эммы. Улыбка чуть тронула его губы.

А дверцы машин все хлопали и хлопали. Под туфлями и ботинками хрустел гравий. И всякий раз, как открывалась дверь кафе, звенели колокольчики. До Буна доносились приветствия.

— Здорово!

— Сто лет тебя не видел!

— Как жизнь, старая развалина?

— Слыхали сегодня по радио...

Бун уложил сумку на коробку и понес в дом. Мэри Элис опускала жалюзи, но он успел заметить, что большинство мест за столиками было занято. Кафе быстро наполнялось — и за целый день в нем не было столько народу.

Упали первые капли дождя.

«Интересно, куда же я все-таки попал? — подумал Бун. — На библейские чтения или на сборище ку-клукс-клана?»

Чердак был сухим и уютным. Электрический обогреватель уже включен и всюду распространяет тепло. Бун распаковал сумку, устроил на лежаке подушку поудобнее и огляделся. В углу, напротив телевизора,

стояло кресло-качалка. Бун сел в него, оттолкнулся и оно мягко закачалось: рум-рум-рум.

Однажды Лаура купила такое же на распродаже. Сидя в нем, ты погружался в грезы, казалось само дерево волшебным образом источало память о любимых историях, героях и сказочных странах. Матушка Гусыня, Винни-Пух, герои сказок доктора Сьюза, кэрроловская Алиса, Нарния, страна Оз. Лаура замечательно читала вслух под восторженные возгласы дочери в завороченной счастливой тишине. У Буна подкатил ком к горлу. Пора спать, подумал он. Лечь и укрыться знакомым одеялом горечи, которое стянет крепче смиренной рубашки.

«Ток-ток-ток», — постучали в дверь. И тут же послышался голос Мэри Элис:

— Милочек, мы тут собрались внизу. Может, по радио что-нибудь скажут про НЛО. Если хочешь, спускайся и подожди Юла вместе с нами. У нас тут горячий кофе.

Бун сконфузился, будто его застали за чем-то неприличным. С затаенным дыханием и сильно бьющимся сердцем, он застыл в нерешительности.

— Ну, тогда спокойной ночи, — сказала Мэри Элис. — Постучи, если слишком расшумимся, и — до завтра.

Ее шаги затихли внизу.

Итак, он может спуститься вниз и посмотреть, как развлекаются другие. Или, как чаще всего случалось в последнее время, напиться вдрызг и поваляться спать, полным раскаяния и ненависти к себе.

Снизу донесся взрыв хохота.

К черту все. Поборов отвращение, он встал и, спустившись вниз, прошел через кухню в зал кафе, где сидели странные люди, ожидающие НЛО.

Мэри Элис улыбнулась ему, Бун уселся на прежнее место. Она принесла кофе, сахар и сливки. Старика с супом уже не было, и его пустой стул одиноко выделялся в битком набитом кафе. За столиками шла обычная провинциальная болтовня.

Вот вляпался-то. Попал в типичный, захолустный «Наш Городок».

Однако, что-то все-таки было не так. Здесь чувствовался какой-то заряд возбуждения и ожидания чего-то грандиозного: то ли начала феерии, то ли взрыва бомбы.

— Где, черт побери, Юл? — закричал толстяк в клетчатой рубашке и кепке. — Пора бы ему уже быть здесь.

— Никогда он раньше не опаздывал, — добавил кто-то.

— Я заходил к нему домой. Но там никого, кроме собаки.

— А может, он услышал зов? — во всеуслышание спросил Билли. — Может...

Тут он вдруг замолчал, и все повернулись к нему. По радио сообщили, что на улице 65 градусов по Фаренгейту² и облачно.

— Может быть — что? — спросил толстяк.

Билли бросил взгляд на Буна и отправил в рот порцию картофеля.

— Да ничего. Ничего такого.

В разговор встряла Мэри Элис.

— Я хочу, чтобы вы все познакомились с мистером Буном. Его грузовик сломался на шоссе сегодня днем. Едва удалось дотянуть к нам на стоянку. (Тут же со всех сторон посыпалось: «привет», «какой ужас», «как дела?»). Я сказала ему, что Юл отремонтирует грузовик.

— Чёрта с два, — бросил коротышка в коричневом мятом костюме, едва видневшийся из-за стойки. — Юлу и колеса на телеге не выправить.

«Классная дама» строго взглянула на него:

— Перестань, Клод. При чем тут это?

— Но ведь это правда, — возразил он едва слышно. — И мы все знаем это, Рита.

С места поднялся седовласый мужчина и заговорил, тыкая перед собой столовым ножом:

— Знавал я одного такого на войне.

Кто-то недовольно хмыкнул. Седой метнул взгляд на обидчика, и даже радио как-будто заговорило тише.

— У нас после сильного обстрела полетел передатчик. Этот самый солдат должен был его отремонтировать. Он пошел на разведку и не вернулся. А враг был совсем рядом.

Он уставился в пространство, широко раскрыв глаза. Бун постарался представить, какая же картина всплыла у старика в памяти в этот момент, но понял, что не способен.

— Все шли и шли! Отовсюду! Все небо полыхало пожаром, — он опустил глаза, лицо вытянулось от тяжелых воспоминаний. — Потерять столько отличных друзей!..

Он сел, уставясь на свои бутерброды.

— Слыхали мы все это, — сказал Клод и отхлебнул пива. — Может, отдохнешь чуть-чуть?

— Перестань, Клод, — снова сказала Рита.

Тут и Бун, сам себе удивляясь, вступил в разговор:

— А что это была за война?

Клод повернулся на стуле:

— Да какая, черт возьми, разница, что за война. Все они одинаковы.

Ого! Ну извини, засранец.

Рита осторожно поставила чашку на блюдце. Бледность тонких рук и цветочная вязь на платье делали ее похожей на хрупкую старинную фарфоровую статуэтку.

— Пит тоскует по своим друзьям, — она посмотрела на Буна. — Пит — герой войны. — Затем уже Клоду. — Я понимаю его. Мне тоже недостает *моих* друзей.

Боль потери изменила ее голос. Это тронуло Буна.

— Там, где я выросла, у меня было два маленьких друга, — продолжала она. — Близняшки — две горошины в одном стручке. — Она хихикнула, вспоминая. — Родители разрешали нам ходить друг к другу, и мы часто играли во взрослых. А еще у нас было потайное место, куда мы тоже любили наведываться и гдеверяли друг другу секреты. Это была лучшая пора моей жизни, — трясущейся рукой она поднесла чашку к губам. — Затем мы неожиданно переехали. Наверное, из-за войны. Я никогда их больше не видела, но...

— ... но я думаю о них каждый день, — ехидно подытожил Клод.

Бун поискал, чем бы запустить в коротышку.

Клод ударил кулаком по стойке:

— Что толку реветь-то? Может они и уехали, обалдев от твоего

хныканья.

Тут встал толстяк в клетчатой рубашке.

— Всё, хватит, Клод — не знаю, какая муха тебя укусила, но я живо могу вышвырнуть тебя отсюда. Смотри, что наделал, — он показал на Риту, которая уткнулась в розовый платочек. Бун подумал, не улизнуть ли ему отсюда.

Человечек скукожился в своем костюме, как будто хотел спрятаться в нем.

— Простите, — примиряюще сказал он, но потом снова повысил голос. — Черт возьми, Джо, почему каждый раз, когда собираемся вместе, мы вынуждены слушать одну и ту же дребедень? — Он обвел рукой зал. — Билли рассказывает, каким он был замечательным атлетом, пока не отравился газом. Лу Энн любит путешествовать, узнавать новые места, знакомиться с разными людьми. Куда ты сейчас собираешься, Лу Энн? Что-то я не видел твоего чемодана у двери.

Лу Энн — молоденькая и хорошенькая женщина — обиженно отвернулась.

Джон шагнул к стойке. Бун почувствовал, как от напряжения по спине побежали мурашки.

Клод все вертелся на стуле, продолжая представление:

— Вот Джереми — научное светило. Эдит — великая актриса! — Его голос издевательски звенел. — Джон, расскажи как ты потерял семью в уж-жасной аварии и как тебе до сих пор снятся кошмары. О Господи! Почему бы нам не придумать что-нибудь новенькое? Все эти истории уже осточертели! Как и эта вонючая еда!

Он смахнул чашку со стойки. Чашка разбилась прямо у ног Мэри Элис, разбрызгав по полу кофе черной звездой.

От чемпионского удара в челюсть Клод как тряпичный растянулся на полу у ног Буна. Мешковатый коричневый костюм с человеческим лицом.

Бун напрягся, не зная, что делать. То ли броситься поднимать Клода, то ли скорее уносить отсюда ноги. Все принялись охать и ахать.

Джон помог Клоду подняться. Вставая, коротышка уцепился руками за стол Буна. Он помотал головой и тихонько выругался, только Бун смог расслышать. Затем обтер рукавом рот и застонал. «Господи, — подумал Бун. — Его сейчас еще и вырвет прямо на меня.» Бун протянул ему салфетку, но когда Клод поднял голову, выяснилось, что он цел и невредим — ни крови, ни синяков, ни выбитых зубов. Маленький паршивец оказался крепким орешком. Пошатываясь, Клод прошел к дальнему концу стойки, сел и снова помотал головой.

— Пardon, — пробурчал он.

— Ладно, — отозвался Джон, уже сидя на стуле и прикуривая сигарету.

«Хорошие дела», — подумал Бун.

— Эй, Бун, — обратился к нему Джон, затягиваясь сигаретой, — а ты куда направляешься, вверх или вниз?

— Вниз. В Литл Рок.

— М-м. Ты как будто бы городской. Что же ты там забыл?

— Может, работу найду.

— Что за работа?

Бун почувствовал тяжесть в желудке.

— Я... ну, вообще-то я актер. Немного преподавал. А сейчас сойдет любая работа, какая подвернется.

Он принялся теребить салфетку.

Джон кивнул:

— А-а.

— А вы ставили Шекспира? Я так люблю Шекспира, — всплеснула руками Рита.

Бун колебался. Наконец он заговорил, гораздо спокойнее, чем ожидал.

— Кое-что. Я играл в труппе в Майами. — Тут он кашлянул, выдерживая небольшую паузу. — Я... Мы каждый год ставили Шекспира в парке. Один сезон я даже играл Ромео.

— О, пожалуйста, покажите что-нибудь из Шекспира! — Рита даже подпрыгнула на месте и от восхищения зааплодировала.

Все тут же закричали: «Да! Давай что-нибудь» и поощряюще захлопали в ладоши. Бун ощутил на коже знакомое покалывание. Нетерпеливая публика, жаждущая его выступления. Как давно это было. В минувшей жизни.

— И вправду, покажи, что умеешь, — просил Джон, пыхтя сигаретой.

К черту, ничего я больше не умею.

— Да нет, ребята, не стоит.

— Мне кажется, актер — это так романтично, — воскликнула Рита и провела рукой по своим жиденьким волосам. — Всегда мечтала стать актрисой.

— Во-во, — буркнул Клод. — Вылитая Бетт Дэвис. Мэри Элис налила Буну кофе.

— Он еще и читает много, — объявила она. — Все подряд.

О, этого еще только не хватало!

Маленькая девчушка за столом возле двери помахала ему рукой. Лет семь. А может восемь. Светлые золотистые волосы. Похожа на чистенького рекламного ребенка с упаковки туалетной бумаги. Взрослые уже не умеют так улыбаться. А Эмма умела.

— Расскажешь нам сказку? — ее глаза сияли такой же голубизной, что и у Эммы.

Женщина рядом с девочкой наклонилась к ней:

— Отстань от дяди, Рейчел.

Она извиняюще улыбнулась Буну — что, мол, поделаешь — ребенок.

— Да все нормально, — сказал вдруг Бун вслух. Девочка еще шире улыбнулась ему. Погребенные было воспоминания вдруг опять навязчиво вторглись в его мысли. Звук качающегося кресла, запах книг и свежевыстиранной пижамки. Смех маленькой девочки. Пронзительный визг покрышек на мокром асфальте и скрежет раздавленного металла, похожий на треск сминаемой в огромном кулаке консервной банки. Руль, вдавленный в грудь, блестящие осколки, впившиеся в щеки. Дождь на асфальте. Запах бензина. Нелепые мысли о том, что теперь сказать Лауре. Он неловко тянется к Эмме, рука, видимо, сломана. А там пусто. Густая паутина трещин на ветровом стекле. Свет снаружи играет на светлых волосах. Боль, вырубившая его прежде, чем он успел закричать.

Грудь сдавило железным обручем, стесняя дыхание. «О'кей», — сказал он, тотчас же испугавшись произнесенного слова. Обруч давил все сильнее. Он ведь мог еще и отступить. Но что-то подталкивало его, заставляя ступить под юпитеры внимания.

Он стоял в проходе между столом и стойкой. Мэри Элис выключила

радио. Рита в предвосхищении подалась вперед. Клод сидел выпрямившись. На его лице застыло напряжение. В глазах девушки плясал огонек интереса. Люди окутывали его своим теплом. Бун хотелось отплатить им тем же. Но как же больно, Господи, просто невыносимо.

Старые навыки все же понемногу просыпались в нем после длительного тревожного забвения. Он подумал о кресле-качалке наверху и том, другом, что он оставил в своей прежней жизни.

— Я... — он остановился, откашлялся, начал снова. — Я потерял одного человека. Мне очень не хватает... — первый раз в жизни Бун почувствовал себя старым. — Пусть будет для Эммы. — Бун глубоко вздохнул, все еще ощущая давление в груди. — И для Лауры. Она решила, что наш дом стал слишком пуст. Я не знаю, где она сейчас.

Он вынул из кармана куртки зачитанную книжку в бумажном переплете. Уголки страниц завернулись, корешок потрескался, но пахла она чудесно. Именно так и должны пахнуть книги. Бун бережно открыл ее и опять откашлялся.

«Алисе страшно надоело сидеть вместе с сестрой и ничего не делать. Раз-другой она сунула нос в книгу, которую читала сестра, но там не оказалось ничего интересного. „Кому нужны такие книжки“, — подумала Алиса, — „без картинок и без стишков“.

Вскоре он дошел до любимого места Эммы. Продолжая читать по памяти, он взглянул поверх страницы на слушателей. На всех лицах восторг, точь-в-точь как у Эммы. Он остановился на секунду, выдерживая театральную паузу. Взгляды слушателей скрестились на нем. Буш заглянул в сияющие глаза. Рита вспыхнула, но улыбнулась ободряюще. Толстяк Джон кивком выразил свое одобрение, совершенно забыв про сигарету, тлевшую у него между пальцами. Лу Энн мечтательно закрыла глаза: она была уже где-то далеко. А Бун продолжал чтение. В одном месте ему вдруг почудилось, что он слышит смех Лауры. Но среди слушателей ее, конечно, не было.

«... как она соберет вокруг себя других детей, как заблестят и загорятся у них глаза от разных удивительных сказок, может быть даже от этой, про Страну Чудес, и как она почувствует их простые печали, порадует их простым радостям и вспомнит свои детские годы и счастливые дни.»

Он закрыл книгу и сел. Было уже очень поздно, гораздо позднее, чем он думал. Бун почувствовал себя опустошенным, в горле саднило.

Кто-то несмело хлопал, потом сильнее. Бун обернулся. За стойкой сияла как невеста Мэри Элис. Она так заразительно аплодировала, что вскоре к ней присоединилось все кафе. Отовсюду на него смотрели такие дружелюбные, открытые лица, что Буна захлестнула теплая волна доброты и участия. Он поискал глазами девушку. Та улыбалась во весь рот и изо всех сил хлопала в ладошки. Он снова глубоко вздохнул, затем медленно выдохнул, поражаясь тому, как вдруг стало хорошо и легко. Тяжесть в груди прошла. Он чувствовал себя удивительно бодро. Бун закрыл глаза. Пожалуй, в первый раз за много месяцев он не будет сегодня бояться ночи. Прощай, Эмма. Сладких тебе снов.

Резкий звук дверного колокольчика — и стеклянная дверь распахнулась так стремительно, что только чудом не слетела с петель. Существо шести футов высотой в красную полосу ворвалось в кафе. На макушке лопатообразной головы четыре черных стеклянных шара

отражали неоновый свет рекламы, а его шесть — нет, восемь — палкообразных рук дико жестикулировали.

— Летят! — сообщил гуманоид с сильным арканзасским акцентом. — Я подслушал их разговоры. На этот раз без ошибки!

Его вытянутая голова быстро двигалась вперед-назад, но, увидев Буна, замерла. Все вдруг разом стихло. И только кровь пульсировала в висках у Буна.

— Юл, — медленно произнес Джон, сминая очередную сигарету между большим и указательным пальцами. — Ты все испортил.

Удивление Буна сменилось страхом. Он покрылся холодным потом в преддверии чего-то ужасного. Кольнуло сердце. «Господи!» — воззвал он в душе. Но тут вдруг будто чья-то заботливая рука коснулась его лба, успокаивая мысли. Он почувствовал умиротворение. «Не бойся,» — услышал он и понял, что и в самом деле не боится. Никаких слов, только мысли и образы вспыхивали в сознании крошечными фейерверками. Теплые руки обнимали его голову, давая ощущение уюта и блаженства. Беспорядочные картинки перед мысленным взором обрели смысл и превратились в упорядоченную хронику. Мозг Буна был как огромный театр, в котором разыгрывались грандиозные пьесы — комедии, мелодрамы, исторические хроники и трагедии. Он изумлялся величественности представления.

Корабль бороздил просторы космоса. Для пассажиров и команды из перенаселенных центральных регионов галактики это было лишь приятным путешествием. Они направлялись к неизвестным звездам на окраине галактики. Раствориться в новых мирах. Или вновь обрести себя. Позабывать утраченную любовь, войны. Уйти от всего.

Затем катастрофа, поломка (объяснить это трудно). Корабль дотянул до маленького, насыщенного влагой мирка. И вышел из строя окончательно.

С тех пор прошло почти пятьдесят лет. И вот новая жизнь среди людей. Пришельцы вынуждены скрываться под наведенным чужим обликом, притворяясь людьми. Они обречены вечно хранить свою тайну. Рассказать о ней они могут лишь немногим землянам. А кто оказывается неспособным вынести все это, вскоре забывает о странной встрече. Здесь их приветила юная девушка с каштановыми волосами, которую зачаровали рассказы о звездах и людях, живущих там. Девушка заботилась о них, оберегала, пока они ждали, что за ними прилетят. Они же делились с ней тем, что еще оставалось на корабле. Она устроила их жизнь в этом мире и нашла себе место среди них.

Их отчаяние и боль утрат пронзили все существо Буна. Он вдруг сам почувствовал тяжесть этих тысячелетних скитаний, жизни-эксперимента среди чужих миров. Понял, что значит вот такое одиночество, когда ты даже не смеешь не то что раскрыть душу — показать свой настоящий облик; когда целая вечность разделяет тебя и того, кого любишь. Он понял тогда, чего им стоило не умереть, а научиться жить с тем, что у них еще оставалось: призрачное тепло надежды и они сами друг для друга.

Мысли Буна опять поплыли, стали нечеткими, словно та же самая сила, что заставила его прозреть, опять осторожно, но властно вторгалась в его сознание, затуманивая разум. Открывшиеся ему картины понемногу бледнели, пока совсем не исчезли, оставив после себя лишь ощущение легкой грусти. Пришельцы поняли и его боль, но ничего не могли дать взамен, не могли помочь ему. Открыв глаза, Бун встретился взглядом со

старым негром за соседним столиком. Тот пристально смотрел на Буна глубокими черными глазами, и теперь Бун знал, кому он обязан своим озарением и успокоением. Это древнее существо все время было с ним.

Бун подумал о Лауре с Эммой, и последние отголоски тоски вдруг исчезли. Впервые за долгое время тревога и страх отпустили его. «Будьте счастливы, — пожелал он про себя, — где бы вы ни были.»

Маленькое кафе сразу преобразилось. Джон встал и на радостях щелчком запустил сигаретой в конец зала, и та попала точнехонько в мусорное ведро рядом с Мэри Элис.

— Теперь ты точно уверен, Юл?

Юл, лысый, низенький, толстый человечек в клетчатой фланелевой рубашке (именно таким Бун себе его и представлял) энергично закивал:

— Клянусь! Я следил за ними сегодня весь день. Я бы позвонил вам, но боялся... потерять их из виду и, честно говоря, так нервничал, что соображал слабо. Самое главное, — маяк работает, они знают, где мы, и двинутся к нам. Наконец-то они заберут нас всех!

Кто-то за дальним столиком радостно закричал. Где-то засвистели. А от мужского туалета послышался звон колоколов.

В кафе началась какая-то чертовщина. Рита первая начала терять свой облик. Тоненькими струйками потекли вниз световые узоры, искажая ее формы. Когда свет поблек, на месте Риты сидело зеленое растение с золотистыми воздушными корнями и неторопливо пило чай из фарфоровой чашечки.

Джона окутал голубой электрический нимб, и он расплылся наподобие плохого телевизионного изображения. На мгновение Буну показалось, что там, где стоял Джон, возникло что-то большое и коричневое. Это «коричневое» задвигалось и растеклось, как детский рисунок мелом на асфальте после дождя. Когда нимб погас, на месте Джона сидел морж в одеянии времен королевы Виктории и со счастливым видом поглощал устриц. Седой ветеран превратился в яйцо работы Фаберже с сотней колеблющихся усиков. Бун машинально прикрыл рот рукой, почему-то испугавшись, что сердце не выдержит и выскочит наружу.

В очередной раз звякнули дверные колокольцы, и весь этот шабаш прыгающих, летящих, издающих немыслимые звуки и постоянно меняющих обличье невероятных существ повалил на улицу.

Там, где раньше была Лу Энн, Шерлок Холмс изучал через увеличительное стекло следы лап огромной собаки. Великий Детектив поднял глаза и встретился взглядом с Буном. Точеные черты лица расплылись, и вот Бун уже смотрел в круглые золотистые глаза марсианина из рассказов Брэдли. А в ту долю секунды, когда детектив превращался в марсианина, Бун успел заметить тонкорукую нефритовую змейку.

Тень отца Гамлета мрачно философствовала у женского туалета. За кассой классический азимовский робот рассматривал открытки. Железный Дровосек чокался пивом с Котом в Сапогах. Бун поискал Клода и увидел на его стуле бугристое бело-желтое кукурузное зерно размером с человека. Но и в этом обличье оно ухитрилось выглядеть мрачным. Клешней оно обхватило стакан с безалкогольным пивом.

Что-то мягкое обхватило руку Буна. Он посмотрел вниз и увидел Хоббита, который тянул его к двери. Там стояла прекрасная сказочная принцесса и манила его к себе. Она вылетела в дверь наподобие дракона

из той же сказки, и Бун последовал за ней.

Мэри Элис была уже на улице, ее смех звенел над всем этим безумным столпотворением. Миниатюрный космический корабль Бака Роджерса проплыл над ее головой. Она обернулась, чтобы проследить его полет. Этот жест напомнил Буну Эмму, когда она ловила бабочек.

Сладко пахнущее дымом облачко опустилось Буну на лицо. Оно изгибалось как от легкого ветерка, и, образовав пять пухлых пальцев, указало на пикап, где сидела и невозмутимо курила кальян, пуская разноцветные колечки, громадная Гусеница.

Она пристально посмотрела на Буна мудрыми глазами. Знакомые глаза, — черные как космос и глубокие как время.

К Буну подошла Мэри Элис.

— Они благодарят тебя за чтение, и за сочувствие, — взяв Буна за руку, сказала она.

Осенний ветер играл с ее волосами, и Бун вдруг увидел, какой она была пятьдесят лет назад. Впрочем, она не очень-то и изменилась. Ее голос был печальным — говорить «прощай» всегда нелегко.

Они вместе глядели на стоянку, где ликовала толпа из оживших вдруг сказочных персонажей.

Наконец над деревьями показались огни. Два. Четыре. Шесть. Они все росли. Круглые диски безмолвно скользили, приближаясь строем.

— Летят! — закричал волшебник Мерлин. Остальные приняли свое настоящее обличье.

А огни все приближались и приближались. Вот они уже почти касаются верхушек деревьев, и, зависнув над автостоянкой, вибрируют неземной энергией. Разноцветные блики скользят по округлым гладким бокам кораблей. Они медленно стали снижаться. Затем, вдруг вспыхнув всеми огнями, взревели в унисон и стремительно унеслись вверх, мгновенно слившись в одно яркое пятнышко, которое тут же затерялось среди звезд.

Только цикады и ветер жили в ночной тишине... Потом вдруг Клод треснул по асфальту какой-то своей нижней конечностью.

— Плейбойи проклятые! Эти ублюдки даже не остановились, чтобы забрать нас. — Он снова принял облик маленького человечка в в непомерно большом для него коричневом костюме. Но лишь для того, чтобы неприличным, вполне земным жестом выразить свое отчаяние пришельцам. Его средний палец проткнул небо: «Ублюдки!»

* * *

Мэри Элис налила Буну горячего кофе. Рита и Билли вяло ковыряли пирог. Клод возле стойки бормотал такие замысловатые проклятия, каких Бун никогда в жизни не слышал. Юл сидел рядом с Джоном и настолько безутешно мотал головой, что свет, отражаясь от его лысины, как будто посылал сигналы бедствия.

— Ну, Юл, — утешал его Джон, распечатывая новую пачку «Пэл Мэла». — Ты все сделал правильно. Ты же не мог знать, какая это шпана. Да, к черту. Мы бы все равно не полетели с ними. Представляешь, где бы мы могли тогда оказаться?

— Все верно, — мрачно произнес Юл, ткнув пальцем в двойной шоколадный сюрприз.

Это было невыносимо. Видеть, как они надеялись и как обманулись в

своих ожиданиях.

Мэри Элис тронула Буна за рукав:

— Оставайся здесь, сколько захочешь. И работа у меня для тебя найдется. Кроме того, нам и вправду понравились твои истории. Мы с удовольствием будем слушать тебя.

Вот она, благодарная аудитория. Люди, которые способны удивляться как дети. Он снова подумал о жене и дочери. Воспоминания будут будить боль в душе. Но жизнь подобна Вселенной. Она такая же огромная, в ней есть место и для радости, и для печали. Не нужно отказываться от того, что неожиданно дарит жизнь. Да и он сам еще пока может отдариться кое-чем.

— О'кей. — Пока он останется. Залечит свои раны и поможет умастить чужие.

Бун наблюдал, как Мэри Элис протирала автомат для кока-колы.

— Мэри Элис, — позвал он. — А где же их корабль?

— Ну, милок, — отозвалась она и потянула кран с содовой. Басовитое урчание сотрясло зал. Завибрировал пол, в раковине сердито задребезжали тарелки. Все вокруг неуловимо стало превращаться в нечто совсем другое. Затем все прекратилось и кафе приобрело обычный вид, с оранжевыми перегородками. Мэри Элис лукаво посмотрела на Буну. — А это уж мой секрет.

За соседним столиком старик-негр приветственно приподнял чашку. Его древние морщинистые губы растянулись в улыбке.

Бун вытряхнул в кофе подсластитель из пакетика, потом подсыпал немного сливок.

Тоненькая струйка сливок кружилась в черном кофе как спираль далекой галактики, соединяя, разъединяя и опять соединяя оборвавшиеся нити Пути.

Джо Л. Хэнсли Ведьма Элвина³

Пятилетний Элвин (он к сожалению, никогда не станет старше) лежал на больничной койке, уставившись на ряды красных, синих и белых медведей вверху на обоях. За окном, перебивая больничные утренние звуки, звенели птичьи голоса. Зимние птички, по всей видимости, садились на заснеженный подоконник, с любопытством заглядывая черными глазками в палату. И мальчику казалось, что они приглашают его в свою веселую легкокрылую компанию. И он не прочь принять приглашение, если бы...

Сегодня Элвин не чувствовал сильной боли, но взамен ее появился мучительный жар. Из капельницы по тонкой прозрачной трубочке сквозь иглу, такую большую и толстую на бледненькой ручке малыша, чуть слышно журча, текли лекарства и глюкоза для питания.

Только эта желтоватая трубочка, как пуповина, связывала его с жизнью. Элвину трудно было дышать, и весь мир казался ему несносным. Лишь птички, веселые порхающие создания, такие беззаботные и счастливые в белоснежном прохладном снегу, немного развлекали

умирающего.

Рядом с кроватью лежали мелкие игрушки, принесенные для него добрыми нянями и сиделками, должно быть, ненужные их собственным детям. Элвина игрушки совсем не занимали. Он ждал смерти. Он хотел умереть. Он слишком страдал. Наблюдая за врачами, озабоченными, отводившими глаза, мальчик чувствовал, что ему осталось недолго. Болезнь сделала его взрослым, он понимал свой диагноз: лейкоз, саркома, лихорадка, падение кровяного давления до критической точки...

И все-таки у Элвина осталось одно желание: он снова ждал в гости Ведьму. Ему хотелось верить, что она стала его подружкой, хотя друзья в этом мире попадаются редко... А Элвину, если правду сказать, ни разу не пришлось встретить настоящего друга. Окружающие относились к нему с жалостью, не более того. За свою недолгую, но такую мучительную жизнь мальчик твердо усвоил: каждый получает только то, что может взять. Для маленького философа жизнь — это больница и все то, что связано с болью.

Временами в палату заходила дежурная сестра в маске. Она меняла ему белье, умывала, измеряла температуру, давление, следила за дыханием и пульсом, и данные записывала в толстую тетрадь. Он больше не мог самостоятельно есть и глотать лекарства. И у его постели появился штатив с капельницей. Мальчик равнодушно следил за хлопотами сестер и нянечек; некоторые говорили малышу несколько ласковых слов, мимоходом гладили ладонью в резиновой перчатке по щеке, ободряя. Сердечко Элвина вздрагивало от ласки, напоминая ему, что он еще жив.

Ведьма, которую Элвин считал своей подружкой, выглядела как настоящая ведьма. Почему-то все знают, как должна выглядеть настоящая ведьма, хотя мало кто может похвастаться, что видел ее. Она была закутана в черный плащ, на голове у нее красовалась островерхая черная шляпа. Глазки у нее были маленькие и красные, как при насморке. На носу — большая шишка, во рту — редкие острые зубы, а на пальцах длинные загнутые когти. Трудно было сказать, старая или молодая была эта ведьмочка, но Элвину это было неважно. Она же его подружка, значит милее всех.

Но пора открыть главный секрет Ведьмы Элвина. У нее необычная биография, которую пятилетний мальчик, как бы ни был умен, понять бы не сумел. Да и ведьмой в обычном представлении она, конечно не была. Она была существом женского пола, сгустком чистой энергии из дальней галактики, застряв на Земле пятьдесят световых лет назад. Возвращаясь «домой» в свою галактику, со скоростью один световой год в миллисекунду, она вдруг почувствовала, что случилось неладное. Энергия движения в космическом пространстве неожиданно пропала. Раненая «сущность» обнаружила рядом с собою планету, на которой была жизнь и осталась поджидать помощи от родственной братии, в надежде, что соплеменники уловят постоянный сигнал бедствия и спасут беднягу из переделки.

В больничных лабораториях инопланетная «сущность» находила для себя все необходимое. Она обожала купаться в рентгеновских лучах, а в солнечные дни загорала на больничной крыше. Конечно, наше доброе большое красивое солнце сместило ее: оно казалось ей тусклым желтеньким шариком, чуть тепленьким и ничтожным по сравнению с солнцем ее родины. Но другого все равно не было. «Сущность» интересовалась детьми и детскими больницами. В былые времена, когда

она еще была здорова, «сущность» не однажды принимала участие в ритуалах новорождения. И на Земле ей представилась неожиданная возможность поближе узнать детей. Ничего другого ей не осталось, и она трезво признала это.

Дети ей нравились, но когда вырастали, то переставали ее интересоваться. Оказалось, что самые маленькие воспринимали ее как реальность, тогда как взрослые ни за что не могли ее увидеть, да, наверное, и не захотели бы!

Сначала она решила принять вид дракона, очень ей нравился этот двенадцатиголовый змей. Но энергии у нее оказалось маловато для такого воплощения. Она полистала детские книжки и облик сказочной ведьмы пленил ее. К тому же и детишкам знакомый образ более понятен.

Наконец, медсестра ушла, оставив Элвина одного. И тут же в дверях появилась Ведьма. Оставив свою метлу в углу палаты, она провальсировала к кровати мальчика и уселась на краешке.

— Ты сосчитал всех медведей? — вращая красными глазками, свирепо спросила она. — Тебе было ясно сказано: хочу, чтобы все медведи были сосчитаны, и если ты этого не сделаешь к моему приходу, я запеку тебя в именинном пироге!

Мальчик радостно засмеялся. Боль и жар отступила, силенки, сбереженные для желанного свидания, прогнали ненадолго болезнь.

— Я ждал тебя! Спасибо, что пришла!

— Ты сосчитал медведей? Сколько их? — Повторила Ведьма безжалостно. Иногда эта манера пугала детей, но только не Элвина. Он продолжал улыбаться.

— Сто сот... — ответ его был неуверен, но какое это имело значение для двух друзей?! Он просто не умел считать дальше ста. Для пятилетнего мальчика и это совсем неплохо.

Ведьма удовлетворенно кивнула, она поняла, как он старался выполнить задание.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Ведьма не из простого любопытства. Что-то, похожее на любовь, шевельнулось в ней. Она чувствовала, как жар сжигает больного.

— Прекрасно, спасибо! — вежливо ответил Элвин. — Утром за окном летали птички, — вздохнул мальчик, — я хочу быть, как они — летать над деревьями, крышами и колокольнями...

— И есть жучков, и стать добычей для больших птиц... — в тон ему продолжила Ведьма.

— Да, — просто согласился Элвин, — пусть меня съест большая птица...

— Пожалуй, тебе это понравится, — проворчала Ведьма. Кое-что о смерти она знала, но личного опыта не имела. Она долго изучала детей, наблюдала за врачами, исследовала лекарства и медицинскую аппаратуру, даже несколько раз пыталась вмешаться в процесс умирания, но безуспешно. Она чувствовала, люди умирают, то что-то от них отделяется и пропадает в невидимом для нее участке пространства. Как-то она попыталась схватить это «что-то», но ничего не получилось. Ведьма знала, что скоро и Элвин уйдет туда и не хотела терять его.

Они оба так одиноки, никому ненужные в этом мире, только друг другу.

У мальчика не было родных. При рождении он получил от матери страшную болезнь, которая и ее унесла в могилу. А малыш оказался в

сиротском доме, теперь его содержит государство. Рано проявившаяся болезнь не оставила времени на детство, на общение с другими ребятами, на игры... Но Элвин не озлобился. Он рос смелым и умным. Горячо жалел умершую мать. И любил ее.

Ведьма ничего не знала о любви. Она родом из племени, которое привыкло к частым победам. Ее соплеменники жили так долго, что надоели друг другу до чертиков, стали нетерпимыми и подозрительными. Другие же цивилизации они считали на несколько порядков ниже своей и избегали прямых контактов.

Скитаясь в космическом пространстве среди звезд и планет они старались держаться вместе, чтобы создавать новую жизнь на необитаемых космических объектах. О какой любви тут можно говорить?!

Но Элвин!.. Ведьма считала его необыкновенным. А когда на Земле кто-то кого-то считает необыкновенным, то, наверное, любит.

— Ну, во что будем сегодня играть? — обратилась она к малышу.

Тот оживился, даже щеки у него как будто порозовели.

— Давай в прятки!

— Идет! Чур, я буду «оно» — завизжала Ведьма.

Прятки, как вы понимаете, были необычной игрой. Никто бы из старших не догадался, глядя на неподвижно лежащего мальчика, что тот увлеченно разыскивает среди нарисованных медведей дорогую подружку, принявшую свой естественный облик — крошечного солнечного зайчика. И Элвин торжествовал, быстрым своим разумом определяя синего, красного или белого медведя, за которым пряталась Ведьма.

А Ведьма, прикидываясь веселой, с тоской смотрела на маленького Элвина и знала: «Скоро, совсем скоро...»

Больница работала круглосуточно, но к вечеру почти все разъезжались по домам и ночью было гораздо спокойнее и тише. Больные засыпали, дежурные врачи и медсестры дремали или читали, пока не привозили очередного больного.

Ведьма проникла в библиотеку. Она жадно поглощала медицинские книги, чтобы понять как на этой планете спасают людей от болезней и смерти. Опыт и знания ее цивилизации здесь негодились.

А в то время в неотложку привезли покалеченных в автомобильной катастрофе. Одного из троих удалось спасти. И опять Ведьма увидела нечто, отделившееся от тел умерших и скрывшееся в невидимом участке космоса. В реанимации у старика остановилось сердце. И похожее на пар облачко уплыло ввысь... Врачи боролись за жизнь молодой женщины, умирающей от рака. Но ведьма понимала, что их усилия напрасны: непонятное Нечто уже покинуло больную.

Иногда дверь в библиотеку открывалась и на пороге появлялась белая фигура заспанного доктора. Ведьма и не думала прятаться, она прекрасно знала, что невидима для взрослых. Правда, раньше она позволяла себе позабавиться: на глазах у медиков начинала ворошить журналы, листать страницы и от души хохотала, глядя на обалдевшие физиономии. Но это так, ради шутки! Врачей она уважала, восхищалась ими: они знали так мало, по ее разумению, но как старались!

О болезни Элвина она узнала немного, не больше врачей. От СПИДА нет пока лекарств и ничто не может помочь ее маленькому другу. Дни его сочтены. Мальчик хотел умереть.

И все же...

Себе-то она могла помочь. Ведь практически срок ее существования

бесконечен. Если ее сигнал услышат соплеменники, они непременно спасут ее и снова продолжатся ее безрадостные скитания в галактиках в полном одиночестве, без Элвина, к которому она привязалась на этой неуютной планетке с крохотным чуть тепленьким солнышком...

Ведьма попыталась что-нибудь припомнить из своего далекого-далекого детства... кажется, кто-то заботился о ней, даже тревожился... Но кто?

Утром Ведьма поднялась на крышу больницы и подставила лицо под солнечные лучи.

— Здравствуй, маленькое солнышко! — сказала Ведьма. Свет действовал на нее успокаивающе. Она огляделась. Ее внимание привлекли голуби, облепившие церковный купол. Птицы ворковали, парочки целовались. Кто-то дрался... Как они похожи на жителей этой небольшой планеты: любят, ненавидят, ищут корм, спасаются от хищного сокола, зорко следящего за ними с высоты. Но главное, главное — они все вместе, нужны друг другу, им от этого хорошо и спокойно.

Ведьма проводила взглядом сорвавшуюся стаю голубей, вздохнула и очутилась на краешке постели Элвина.

Вокруг него толпились врачи и медсестры. Нянечки и сиделки, убрав за ним и поправив подушки, шли менять резиновые перчатки. Мальчик знал, что они боятся заразиться, но не обижался на них. Он понимающе улыбался и изо всех сил старался не закрывать глаза, чтобы все видеть. Шли последние минуты его жизни.

— Привет, Ведьма! — прошептал он. — Ты опять сидела на солнце? Сегодня тепло? Ты хорошо выглядишь. — Элвин уже знал, что Ведьма любит комплименты.

Над мальчиком наклонилась няня:

— Что, маленький! Чего ты хочешь?

Элвин не ответил. Он не сводил глаз со своей необыкновенной подружки.

А няня смахнула слезинку: «Он бредит...» Свет стал чернеть. Мальчик в последний раз улыбнулся Ведьме и провалился в сон.

Ведьма озабоченно обследовала мальчика. Надежды не было никакой.

Стемнело. За окном ворковали и резвились птицы. Они были глупые и беззаботные.

Зашел доктор и закричал, чтобы принесли аппарат искусственного дыхания.

Другой доктор остановил первого. Бесполезно! Аппарат не принесли.

Мальчик открыл глаза. Пробуждение вернуло ему невыносимую боль и чувство беспредельного одиночества. Но сквозь туман он разглядел верную свою подружку и принял ее последнюю улыбку.

— Мама, — позвал он тихо, — мама...

Ведьма решила. Она уйдет вместе с Элвином. И попытается использовать то Нечто, появляющееся в конце энергии существования, а потом что-нибудь сумеет придумать для них обоих, для их нового совместного воплощения. Правда, знала Ведьма, что в таком случае ее сородичи ей помочь уже не смогут, она станет смертна, как и все живое на этой странной несовершенной планете, и будет возрождаться в новом и новом для себя обличии. А с нею — и благородный несчастный и такой дорогой для нее Элвин.

Весной, когда набухли почки на деревьях, два белых голубя сели на подоконник той же самой палаты в той же больнице.

В палате лежала девочка, ровесница Элвина. К счастью болезнь ее была неопасна. Играя, она сломала ногу. И теперь ждала, когда, наконец, ей наложат гипсовую повязку и отпустят домой к маме. Она снова будет шалить с братишкой, радоваться солнышку...

Увидела прилетевших голубей... восхищенно затормошила мать:

— Мапочка, мамочка, посмотри, какие они дружные! Они смотрят на меня. Правда?

Девочка не ошиблась. Птицы действительно смотрели на нее. Она была такая прелестная. Затем они вспорхнули и закружили над деревьями, шпильями, над весенней полноводной рекой. На земле вовсю хозяйничала дружная весна.

Голубиная пара нежилась в солнечных лучах, искала и находила корм, потом вместе с другими птицами ворковала на сияющем церковном куполе, радуясь жизни.

Один из голубей, а это был Элвин, обратился к голубке:

— Я ожидал, что будет именно так.

Голубка, бывшая Ведьма, одобрительно взмахнула сильными крыльями. Уж она-то знала, что нашла и что потеряла, решившись навсегда остаться с Элвином, но не горевала о потере.

В будущем году она обязательно найдет шанс для нового воплощения. Она уже присмотрела двух еще неродившихся младенцев. Итак, в будущем году... Совсем скоро... Жизнь... Любовь... Смерть... А там она попробует устроить что-нибудь еще, чтобы не разлучаться с Элвином...

Но весь этот год они — птицы, красивые, сильные, счастливые...

Рональд Энтони Кросс Путь, ведущий в Тили-таун⁴

Предлагаем вам первоклассную научно-фантастическую новеллу Рональда Энтони Кросса о прекрасной монахине и ее встрече с загадочными инопланетными существами — стрибками и их еще более загадочными богами, Тили.

Пролог

Оказавшись впервые на Земной базе планеты Анубис, сестра Мэри сразу подбежала к окнам, выходящим на трущобы примитивного города стрибов, и, с улыбкой покачав головой, воскликнула: «Ну и работка!».

Джима Родрикса, под чьим началом была эта крохотная база — компьютерный центр да площадка по приему оборудования, которую обслуживало всего несколько человек, плюс еще пара постоянно проживающих тут антропологов — такая реакция слегка удивила, поскольку заставила его прервать обычное приветствие «Добро пожаловать на Анубис»: обкатанную краткую речь, где столь нужная для

новичков, но скучная информация была приправлена крупными юмором. Он так и застыл с раскрытым ртом. Ведь, в конце концов, начальник-то здесь он! Однако интуиция подсказала ему (и совершенно верно), что никто не мог командовать сестрой Мэри. Поэтому он овладел собой и вновь начал:

— Вы всегда можете забить за собой один из маленьких глассеров, если только его не перехватит кто-то еще. Тут легко потеряться, поэтому лучше всегда брать глассер. И не забывайте про передатчик. Можете пристегнуть его к поясу, — сказал он, и тут же понял, что ляпнул глупость.

Сестра Мэри, одетая в традиционную монашескую рясу, улыбнулась.

— Я не ношу пояс, — сказала она. — Я могу пристегнуть его к своим четкам.

И, разумеется, Родрикс тут же понял, что она не воспользуется передатчиком — да и глассером, скорее всего, тоже.

Словно отвечая на его мысли, она сказала:

— Для того, чтобы узнать людей получше, нужно просто ходить среди них.

Но над стримами гораздо приятней летать, подумал Джим Родрикс, глядя в окно. Мало мне неприятностей, вот и еще одна прибавилась!

И опять, словно прочитав его мысли, сестра Мэри улыбнулась и сказала:

— Не беспокойтесь, мистер Родрикс! Меня и послали сюда с тем, чтобы я могла ввязываться в неприятности не доставляя никому хлопот. Вы это знаете. Я это знаю. Я здесь для того, чтобы работать. Служить Господу, если позволите говорить откровенно.

Позволю, позволю, подумал Джим Родрикс. Когда сестра Мэри улыбнулась, он впервые заметил, что она — красивая женщина, нежная, сильная, даже изысканная. Пламенная. Этого еще не хватало! Сплошные неприятности!

— Итак, — продолжала она, — не вмешивайтесь в мою работу, и я не буду лезть в ваши отношения с компьютером.

Чуть только он ей представился, он познакомил ее и с компьютером. «Вот он, наш Большой Бен», — сказал он, — «практически из-за него и построили эту базу.» И т. д. и т. п. Зря он так расхвастался, подумал он, ему следует быть более сдержанным. В который раз он пожалел, что у него маловато предприимчивости. Тогда бы он сейчас входил в состав одной из экспедиций, исследовавших поверхность планеты, вместо того, чтобы сидеть тут, на связной базе, где ничего никогда не происходит. Одни лишь неприятности. Мелочи жизни.

— Как тебя зовут? — спросила сестра Мэри стрима, который внес тяжелый (для человека, а не для стрима) ящик с припасами.

— Куда это поставить? — спросил стрим.

Как же его зовут, подумал Джим. Который из них? Их практически невозможно отличить друг от друга. Но этот, вроде, выглядит чуточку иначе. Посветлее. Крив? Крив-стрим? Джим подавил смешок и указал в угол комнаты.

— Кто ты, — повторила сестра Мэри, нимало не обескураженная, и Джим отметил, что она говорит на наречии стримов. Прекрасно. Лучше, чем он ожидал. Должно быть, учила язык на корабле, подумал он. Упорно трудилась. Работа, как она сказала. Ну, на то ты и монахиня...

— Крив, — сказал стрим, а потом лукаво добавил:

— Я — Криб, а ты — сестра Мэри.
— Откуда ты знаешь, как меня зовут, Криб?
— Тут много говорили о тебе, сестра Мэри, — ответил Криб, — до того, как ты прилетела.

Сестра Мэри улыбнулась.

— Держу пари, что так.

Потом она повернулась к Джиму Родриксу и сказала, словно обращаясь к слуге:

— Мне нужен Криб, чтобы носить ящик с медикаментами и как посредник при переговорах с туземцами. Если мне потребуется что-нибудь еще, я извещу вас. А пока что не буду больше морочить вам голову.

Джим было запротестовал, а потом подумал: Ради того, чтобы она перестала морочить мне голову, может, и Крибом стоит пожертвовать? В конце концов, я всегда могу нанять другого стриб. Он решил покориться обстоятельствам, но сестра Мэри уже отвернулась и занялась своими делами, лишив его возможности хотя бы проиграть с достоинством.

— Криб, не откроешь этот ящик? Я покажу тебе, как укладывать сумки с медикаментами. Видишь вот эту штуку? Это наш анализатор, он включается вот так...

В самом деле, подумал Джим Родрикс, какого черта он должен тут торчать? Эта женщина явно дала ему понять, что обойдется без него. Даже стриб, и тот не обращает на него внимания. Возится себе там, повинувшись приказам сестры Мэри, словно та — королева стрибов, если такие вообще бывают. «Да, сестра Мэри. Нет, сестра Мэри.» Готовится к великому приключению. Которое заодно будет, как изволила цветисто выразиться сестра Мэри «службой». Поденщина. Сплошная рутина.

Но, тем не менее, он не мог не восхищаться сестрой Мэри. Всего каких-то пару минут на базе и уже ухитрилась вывести из себя старшего офицера связи, отбила у него лучшего носильщика, а теперь торопится углубиться в дебри города стрибов — как они зовут эту свалку? Сумерками? Интересно, что она такого сделала, что ее сослали сюда? Эта мысль заставила его улыбнуться. Интересно, продолжил он, что я сделал такого, что меня сослали сюда? При этой мысли улыбка его погасла.

* * *

Услышав о Тили впервые, сестра Мэри решила, что это — легенда. Они с Крибом стояли посреди грязной дороги, окруженной ветхими деревянными амбарами, из которых и состоял город Сумерки, когда Криб, обведя широким жестом открывающуюся картину, сказал:

— Уродство. Мы зовем этот город «Сумерки», потому что он так лучше всего выглядит. Без света.

— Держу пари, у вас есть города и получше, — сказала сестра Мэри.

— На сколько?

Сестра Мэри озадаченно спросила:

— На сколько лучше?

— На сколько держишь пари?

Сестра Мэри всмотрелась в его лицо, пытаясь понять, как ей отнестись к этим словам. Он что, дразнит ее? Но ведь, не только у Криба, но у всех остальных стрибов, с которыми ей до сих пор приходилось сталкиваться, лица были абсолютно невыразительными. Кто его знает, в

шутку он говорит, или всерьез?

— На самом деле я не имела в виду, что хочу держать пари на что-то, Криб.

— Тогда, почему ты так сказала?

— Не знаю, это просто такая манера говорить. Это называется «фигурально выражаясь». (Тут ей пришлось воспользоваться английским словом «фигурально», поскольку в языке стрибов подобрать к нему аналог было невозможно).

— Отлично, — сказал Криб. — Ты проиграла.

— Что проиграла?

— То, на что ты, фигурально выражаясь, держала пари. Все города, которые строят стробы — уродство. Сплошное уродство. — Он опять повернулся кругом, словно для того, чтобы лучше оглядеть Сумерки.

— Сплошное уродство, — заключил он. А потом добавил. — Мы не Тили.

— А что такое Тили? — рассеянно спросила сестра Мэри.

— Тили — это великолепные сияющие создания, они живут в Городе Блаженства.

Это ее заинтересовало.

— Тили ваши боги, Криб?

Криб, вроде, рассердился, по крайней мере, так показалось сестре Мэри. Это было единственное выражение чувств, которое он иногда показывал, да и то редко.

Он был крупным, приземистым, мохнатым гуманоидом, с большей, чем у человека, мышечной массой. И все же для строба он не был особенно велик.

Сестре Мэри он постоянно напоминал гориллу, хоть ей и было стыдно, когда она ловила себя на этом. Довольно часто.

— Нет, Тили — не боги. Тили существуют.

И, помолчав, он лукаво спросил:

— А когда ты говоришь про Бога, сестра Мэри, ты тоже выражаешься фигурально?

Тут уж пришел черед сестры Мэри показать, что она сердится. Криб в первый раз видел ее гнев, но без труда распознал его: сжатые кулаки, напряженная поза, словно она действительно собиралась на него напасть. Люди такие хилые маленькие создания, но и Тили тоже, так что заранее знать ничего нельзя: Криб отступил на шаг.

— Бог реален, — ледяным голосом сказала сестра Мэри. Реальней, чем все остальное. Абсолютная реальность.

— Это бог сделал и мир, и людей, и стробов? — спросил он невинно.

— Да.

— Пожалуйста, попроси его, чтобы он сделал этот город красивым и чистым. И пусть все, кто болен, выздоровеют. И пусть у всех будет еда.

Сестра Мэри сразу не нашлась, что ответить.

— Бог делал все те чудеса, про которые говорится в той книге, что ты мне читала, но больше он ничего делать не будет? — спросил Криб. — Наверное, Бог уже умер.

Несмотря на то, что она все еще сердилась, сестра Мэри не смогла сдержать улыбку.

Может, Он мертв, а может, он как раз переходит из трансцендентного состояния в имманентное, сказала она, но про себя, не пытаясь объяснить Крибу свою излюбленную теорию. А верю ли я в нее на

самом деле, вдруг усомнилась она.

— Вот Тили не умерли. Значит, Тили не Боги. Тили настоящие. Слишком настоящие. Плохо.

— Почему, Криб? — Они были уже в пути. Искали один барак среди всех этих фанерных коробок, где у стрибов предположительно вспыхнула новая инфекция. Криб нес принадлежащий сестре Мэри сундучок с медицинскими инструментами.

— Тили могут быть опасны.

— На что они похожи, Криб? Что они умеют?

— Тили учат стрибов говорить друг с другом. Поэтому все стробы так хорошо разговаривают.

Кто бы мог подумать — улыбнулась про себя сестра Мэри.

— А зачем они это делают, Криб?

Криб покачал массивной головой.

— Должно быть, им что-то нужно. Одни Тили знают, что.

— А что еще могут Тили, Криб?

Криб остановился и показал на неопрятное пятиэтажное строение, сложенное, разумеется, из прогнившей, потерявшей былую окраску древесины.

— Тили может перепрыгнуть через это здание, — сказал он.

— Одним прыжком? — не удержалась сестра Мэри.

Криб ответил:

— Перепрыгнуть — это и значит «одним прыжком». В два прыжка — это значит — сначала запрыгнуть, а потом спрыгнуть.

— Да, Криб, ты прав, — сказала сестра Мэри, а сама подумала, что легенда о Тили, должно быть, представляет начатки примитивного суеверия, которое потом, возможно, превратится в религию, когда стробы зададутся вопросом о природе жизни и причине ее появления. «Та сила, что, передаваясь по бикфордову шнуру зеленого стебля, заставляет раскрываться цветок». Но на нынешнем этапе развития стробы явно не проявляли интереса к подобным вопросам: они были на удивление трезвомыслящей расой. Из всех представителей этой культуры, с которыми до сих пор сталкивалась сестра Мэри, один Криб проявлял хоть какое-то любопытство.

Мало того, он был неоценимым помощником при медицинских обходах, действуя, в основном, как столь необходимый сестре Мэри посредник при общении с недоверчивыми от природы жителями Сумерек. Вспомнив об этом, сестра Мэри несколько смягчилась и подавила гнев. Потом, у них полно работы. Важной работы.

Но сегодня, как и почти всегда, их спасательный рейд обернулся обычной рутинной. И все же, он был успешным. Они обнаружили в одном из неприхотливых, ветхих жилых строений несколько сгрудившихся на полу семей стрибов, страдающих от какого-то распространенного вируса. Криб употребил весь свой дар убеждения и у него ушло всего около часа, чтобы уговорить своих соплеменников позволить сестре Мэри взять пробы крови. Затем образцы крови ввели в маленький анализатор, который сестра Мэри повсюду таскала с собой (вернее, его таскал за ней Криб). Аппарат не потрудился сообщить сестре Мэри о результатах анализа — ей это было ни к чему, — он только сказал ей, какое требуется лекарство. И, разумеется, она могла добавить еще иммуностимулятор и дозу витаминов. Но у них ушло еще полчаса, пока Криб убеждал больных, но упрямых стрибов позволить сестре Мэри впрыснуть лекарство. Наконец, огромный

стриб, тот, кто первый разрешил взять у себя пробу крови, согласился еще раз продемонстрировать свое мужество и послужить примером, дав ввести себе лекарство. Еще час, и Криб провожал сестру Мэри назад, на Земную Базу, где маленький анализатор скормит все данные своему большому брату, который все любовно называли «Большим Беном». Обычная вылазка. Сестра Мэри вспоминала о ней позже только потому, что именно тогда она впервые услышала о Тили. Странная легенда. Все же, для них не все еще потеряно, подумала она.

II

Но когда она впервые увидела Тили, это была вовсе не рутинная вылазка по лечению парочки-другой простуд. Это было нечто посерьезней. Позже она гадала, совпадение ли это, или же Тили все загодя спланировали. Когда все закончилось, и она восстанавливала в памяти прошлое, пытаясь разобраться, что к чему, она поняла, что, когда имеешь дело с Тили, нельзя ничего знать наверняка. Никому не дано понять Тили. Ни на что они способны, ни почему они это делают.

Шел дождь. Оживленная грунтовая дорога, которую тут называли улицей, превратилась в грязевой поток. В нем лежал старик, слишком грязный, чтобы она могла различить его черты, стонущий, дрожащий. Сестра Мэри с ужасом уставилась на экранчик своего анализатора. Там вспыхивала надпись «Не устанавливается».

— Не устанавливается? — вслух повторила сестра Мэри по-английски.

Криб, который опустился на колени рядом с ней, не понял ее слов, но он уже знал сестру Мэри достаточно хорошо, чтобы почувствовать ее замешательство. Он протянул руку и дотронулся до ее плеча.

— Что сказала машина? — спросил Криб. — Ты говори мне, пожалуйста.

— Анализатор не может прописать лекарство на основании образца крови. Он явно не понимает, что не так с этим бедным стариком. Может, если мы сумеем доставить аппарат на базу, ввести данные в Большой Бен, тогда, я уверена, мы сможем... Послушай, Криб, я останусь со стариком. Я введу ему стандартный набор инъекций. А ты отправляйся за помощью. Мы отнесем его на базу, тогда мы сможем... — ее голос затих. Криб качал головой.

— Нет, сестра Мэри. Я не оставлю тебя здесь одну. Опасно. Я остаюсь.

Сестра Мэри поглядела ему в глаза — спокойные, бесстрастные, упрямые, или просто глупые? Стыдясь своих мыслей, но не в состоянии избавиться от них, она впервые поглядела вокруг, на толпу стрибов, непреклонно пробирающихся под дождем. Крупные, медлительные, нечувствительные ни к сырости, ни к холоду, они спешили по своим делам, словно вокруг стоял ясный солнечный день. Некоторые чихали, кашляли, но явно испытывали к своему состоянию полнейшее равнодушие. Что они, и в самом деле настолько все глупы? Прости меня, Господи.

— Пожалуйста, Криб, ты должен отправиться за помощью. Я не понимаю, что стряслось со стариком. Не знаю, что делать.

Криб покачал головой.

— Я тебя не оставлю.

Старый стриб стонал и трясся. Он явно горел в лихорадке. Умирал.

— Криб, ты же должен. Ну как ты не понимаешь? Этот старик умрет, если ты не пойдешь. Неужели тебе все равно? Да что же с вами делается? — И, неожиданно для себя, сестра Мэри невольно разрыдалась.

Криб пожал плечами (жест, которому он научился от сестры Мэри).

— Это всего лишь стриб, — сказал он. — Я тебя здесь не оставляю.

Теперь слезы ручьем текли по щекам сестры Мэри, но кто это заметит под дождем? Нужно было остаться на Земле, подумала она. О, Господи, прости меня, прости меня!

Не зная, что ей предпринять, она не делала ничего. Так, втроем, они и застыли на какое-то время, сестра Мэри и Криб, на корточках в грязи, под дождем, в то время, как остальные стробы равнодушно проходили мимо, торопясь по своим делам.

Постепенно сестра Мэри начала замечать, что происходит нечто странное. Стробы больше не мельтешили вокруг: все они опустили на колени.

— Спрячь лицо, — сказал Криб. — Тили идет.

И точно, сестра Мэри увидела как вдалеке что-то движется к ней по дороге, сверкая в струях дождя. Она не дыша следила за его приближением, тогда как Криб и остальные стробы скорчились в грязи, прикрыв глаза своими огромными мохнатыми руками.

Когда силуэт приблизился, она увидела, что это был явный гуманоид, вроде стробов, только гораздо меньше ростом, меньше даже самой сестры Мэри. Она не могла определить, какого он пола или различить черты его лица. Сияние делало его лицо расплывчатым, нечетким, черты менялись, постоянно двигались.

— Пожалуйста, помогите мне, — с удивлением услышала она свой собственный голос. — Вы и есть Тили? Можете помочь мне? Вы говорите на языке стробов?

Ей показалось, хоть она и не была в этом уверена, что существо изучает ее.

— Эта форма и есть Тили, — отвечало оно тонким, нежным голосом, голосом ребенка, — но зачем Тили помогать?

Лишь миг спустя сестра Мэри поняла, что он обратился к ней на английском.

— Боже мой! — сказала она. — Вы говорите по-английски?

— Да, понимание полное, — отозвался нежный голос, — то существо, которое вы отождествляете с собой, использует примитивную устную форму общения, наподобие речи стробов. Все, что содержится в вашем сознании, воспринято полностью. Вы для Тили все равно, что... что? Таракан, ясно? Тили может общаться, но зачем?

— Тогда почему же вы это делаете? — сестра Мэри всхлипнула, с удивлением обнаружив, что она либо все еще плачет, либо вновь начинает.

— Прихоть, — ответил Тили.

— Ну, так помогите мне из прихоти. Скажите мне, что мне делать, если вы так чертовски всемогущи! — она сама поразилась своим словам.

— Ничего не делайте, — сказал Тили. — У него чума. Понимаете? Вроде того, что вы полагаете чумой. Распространяется неудержимо. Страдания, смерть.

Теперь и сестра Мэри вся тряслась, но не от холода.

— Неудержима для вас? Нет, не думаю.

— Зачем Тили останавливать чуму? Чума для стрибов на пользу. Их сделалось слишком много.

— Бога ради, помоги нам. Скажи нам, что делать!

Тили не ответил.

— По крайней мере, хоть мне помоги! Я не знаю, что делать. Я не могу оставить старика; Криб не пойдет за помощью. Помоги мне! Сделай хоть что-нибудь! Что угодно!

Внезапно тело больного стрибса подбросило над землей, развернуло в воздухе и вновь бросило на землю, в грязь, где он затрясся в отчаянных судорогах. Все это сопровождалось громким потрескиванием. Он содрогнулся и затем затих — неподвижность смерти, которую ни с чем нельзя спутать.

— О — Боже — мой, — сказала сестра Мэри, — ты убил его.

— Это всего лишь стриб, — ответил Тили, двинулся прочь, вниз по улице и пропал из виду.

— Вставай. Криб, вставай. Хватит валяться в грязи, черт тебя побери. Он ушел. Он убил старика.

Криб осторожно отнял ладони от глаз.

— Ты же просила Тили помочь тебе, — напомнил он.

Затем, разумеется, сестра Мэри помолилась за старика. За Стрибов. Молилась, чтобы это и вправду не оказалось чумой. Но, как уже заметил Криб, ее молитвы, как всегда, остались без ответа.

— Что, никого нет? — невинно спросил Криб.

III

Через две недели большая часть жителей Сумерек была больна, смертельно больна. Не выздоровел ни один. Стрибы, разумеется, даже не пытались помочь себе. Те, кто еще не заразился, проводили все свободное время, спокойно плетя из соломы огромные пестрые корзины. «Это гробы» — объяснил к ее ужасу Криб. Оказалось, что все тела укладывали в эти соломенные саркофаги, затем корзины наглухо зашивали, грузили на телеги и вывозили за город, сваливая там как попало. Вначале стриб делал такую корзину для себя, потом продолжал работать над корзинами для друзей или родственников: это было настоящее торжество смерти.

Больше всего сестру Мэри поразило даже не черствое отношение Криба к остальным стрибам, но его равнодушие к самому себе: его явно не заботило, заразился он чумой или нет. В ответ на беспокойство сестры Мэри он лишь покачал головой и сказал:

— Мы все всего лишь стрибы. Все, кроме тебя, сестра Мэри.

И он мягко дотронулся до ее щеки своей большой ладонью.

Это сильнее всего растрогало ее.

— Нет, нет, — сказала она. — Ты — особенный. Каждый из вас — особенный.

— Тогда к чему чума? — сказал Криб тем тоном, в котором сестра Мэри научилась распознавать насмешку.

IV

Эта мысль пришла к ней во сне. Ей снилось, что она опять дома, на Земле. Должно быть она вернулась, так ведь? Потому что напротив за своим большим столом сидел отец Бреннер. Старикашка аббат всегда

усаживал посетителей на хрупкий деревянный стул, а сам устраивался за массивным дубовым столом, на некоем подобии трона и глядел оттуда сверху вниз. Прости меня. О Боже, прости меня за эти мысли.

— Ну что ж, сестра Мэри, и к чему же мы пришли? Как раз к тому, с чего начинали. Как вы могли так поступить со мной? С сестрой Кларой? С Церковью? Неужели вы думаете, что Церкви пойдет на пользу...

Так значит, она все же на Земле, но окно выходило (разве тут раньше были такие большие окна?) окно выходило на Сумерки, город стрибов.

— Сестра Клара возложила на вас определенное поручение. У вас были обязательства. Вы поклялись в послушании, сестра Мэри, но вы...

— В первую очередь я послушна Богу, — прервала его сестра Мэри.

— Богу? Что, разве Бог лично велел вам объединять проституток в профсоюз вместо того, чтобы чистить приходскую кухню? Вы что, персонально общаетесь с Богом? Да как вы осмелились? Это Церкви дано решать, что есть воля Божья, но не вам, сестра Мэри. Да вы ведь даже не уверены в том, что верите в Бога, разве не так?

Сестра Мэри вскочила.

— Это неправда! Все совершенно не так! Да и потом, я верю, что эти проститутки не совсем пропащие. Я верю, что и в них есть частица Бога.

— Дерьмо собачье, — ответил, совершенно нетипично для себя, отец Бреннер. — Вы верите в ничто, сестра Мэри. В Нуль. В Пустоту. Вот в чем истинная, вот-те-крест, святая правда. Вы это знаете. И я знаю.

— Нет, нет! — воскликнула сестра Мэри. — Это неправда. Я верю в любовь... я люблю... люблю...

— Никого вы не любите, — ответил отец Бреннер, — вот почему вы с головой ушли в работу и в благотворительность. Потому что в действительности вы никого не любите, просто не знаете, как это делается и стыдитесь этого, вот и стараетесь изо всех сил.

— Нет, нет, — сестре Мэри снилось, что она плачет и она на самом деле стонала и всхлипывала.

Внезапно отец Бреннер соскочил с места и, схватив ее за плечи (отец Бреннер?) цепкими, точно стальные клещи, пальцами, потащил ее, рыдающую, к окну.

— Вот. Видишь это? Вот во что ты веришь! В Тили, а не в Бога! Дешевые чудеса, вот что тебе нужно, а не любовь! Хочешь узнать о Боге? Спроси Тили, а не Церковь! Хочешь исцелить все скорби мира? Проси Тили, а не Бога! Уж они решат твои проблемы, так или иначе! Может, результаты тебе не понравятся, ну что ж, нет в мире совершенства! Или, все же, есть?

Теперь она могла видеть Тили, парящих над Сумерками, свечкой взмывающих к окну, мерцающих в темноте, руки простерты точно для объятия (или распятия?).

— Почему бы тебе не пасть на колени, как эти бедные стробы, и не поклониться чертовым трюкачам Тили?

— Погодите минутку, отец Бреннер, что вы делаете тут, на Анубисе? Вы же не должны тут находиться, вы должны быть дома, на Земле! Это просто сон. А во сне вы не можете причинить мне боль, потому что во сне все нереально, даже Бог!

— Все, кроме Тили, — ответил он, злорадно улыбаясь.

И внезапно, Тили оказался в комнате, зыбкий, светящийся.

— Приди ко мне, дитя моё, — сказал Тили сестре Мэри своим нежным, детским голоском, — ибо ты согрешила.

Сестра Мэри проснулась вся в поту. Ну что ж, отец Бреннер, подумала она, по-своему ты прав. Впервые в жизни ты, мерзкий старикашка, оказался в чем-то прав. Верно, Тили стоило просить. Тили обладали могуществом.

Что там говорил о них Криб? Как это... сияющие в золотом городе или в летающем городе — что-то в этом роде. Почему она тогда не прислушалась? Отчего не поняла раньше?

Она встала, приняла душ, быстро оделась и вышла, коротко кивнув Джиму, который уже встал и теперь пил кофе. Он выглядел удрученным, даже обиженным: может быть, потому, что она забрала у него всех работников-стрибов для строительства изолятора на базе и ухода за больными, подумала сестра Мэри.

Стоило лишь выйти за дверь и вот они: ряды и ряды коек, заполненных умирающими стрибам, стонущими, потными, орущими, вонючими, все — под живописным навесом. Что ж, познакомься с Сумерками, Земная База.

— К чему такая спешка? Садитесь, выпейте чашечку моего убойного кофе, — горько сказал Родрикс. Слова он выговаривал нечетко. Теперь сестра Мэри заметила на столе открытую бутылку бренди.

— Может, не стоит с утра пораньше? — сказала сестра Мэри, стараясь не выказать раздражения. Ей хотелось убраться отсюда поскорее, но она боялась обидеть Родрикса невниманием.

— Нет-нет-нет, — сказал он. — Никогда не рано, никогда не поздно. Самое время. Потому что я подхватил клятую чуму. Упс! Пардон, сестра.

— Нет никаких причин полагать, что чума может перекинуться со стрибов на людей, — сказала сестра Мэри, все еще направляясь к двери. — Чума вам совершенно не угрожает.

— Но ведь она меня уже достала, — сказал он грустно и подлил еще бренди в кофейную чашку. — Не пробовали пить кофе с бренди, только без кофе? Отличная штука. Это — мое собственное изобретение. Просто отличная штука. Уверен, когда я покину сей мир, сестра Мэри, память о моем изобретении останется в людских перцах. Господи Иисусе, да я уже даже не могу сказать «в сердцах»... Так о чем я? Что тут я? О да, чума уже меня достала. Чума и вы, сестра Мэри. Куда делся весь мой персонал? Кстати, экспедиция Престона возвращается, но они дожидаются, пока тут все не будет кончено, и мы все не покинем сей мир, и от нас ничего не останется, кроме посмертной славы. Вечная память мне за выпивку, которую я изобрел. — Он еще плеснул в чашку. Потом сказал, неожиданно протрезвевшим голосом. — Чума меня уже достала. Я на пределе. Я напуган, я одинок и ни во что не верю, и все держусь на пределе, долго, долго держусь. Но теперь все. Я перевалил через край. Не знаю, как выбраться обратно.

— Мне очень жаль, — сказала сестра Мэри. — но у меня много работы.

— Зачем все это? Скажи, зачем? Что толку? Ведь все бесполезно — разве ты не видишь? Стрибы все равно умрут, либо в том чертовом изоляторе, куда ты забрала весь мой персонал, либо там, в городе. Так какая же разница? А вся штука в том, что... чума эта здесь только для того, чтобы напомнить нам, устроить так, чтобы все мы поняли, что все мы умрем, понимаешь? Ты, я, все мы. И разницы никакой нет. Вот ни на столечко, — сказал он, разведя большой и указательный пальцы сантиметра на два, — нет, даже вот на столечко, — и он сблизил их еще

на сантиметр.

— Вы не правы, — сказала сестра Мэри. — Есть разница. Не знаю, как мне убедить вас. Но вы ошибаетесь.

— Да ладно тебе, садись, выпей со мной. Опробуй мое изобретение.

— Мне очень жаль, — сказала сестра Мэри, — но у меня на это нет времени. Меня ждет работа. — И она направилась к двери.

— Эй, держу пари, ты забыла помолиться с утра, разве тебе не полагается час утренних молитв или что-то в этом роде?

— Работа и есть молитва, — ответила сестра Мэри, но больше себе самой, чем Родриксу, поскольку она уже была за дверью, направляясь в только что построенный изолятор.

Сегодня она поспешила напрямик к койке, на которой спал Криб. Она торопливо здоровалась с персоналом, кинув несколько раз «Привет!» и «Молодцы!», и проходила дальше, не дожидаясь ответа.

— Что? — полусонно проворчал Криб, садясь на постели.

— Криб, ты знаешь, где живут Тили?

Криб кивнул.

— Тили живут в городе Обжигающего Блаженства, — сказал он.

— А ты знаешь, где он находится? Пойми, Криб! Ты должен отвести меня туда! Это далеко? Разве ты не понимаешь, что только Тили способны нам помочь? Что только у них хватит на это сил? Ты должен отвести меня туда! Пожалуйста, Криб, я умоляю!

Сестре Мэри показалось, что у Криба был совершенно растерянный вид. (Действительно ли она научилась понимать их выражение лица? Вот сейчас, он хмурится?)

— Дай мне еще немножко поспать, сестра Мэри. Какое дело Тили до стрибов? — сказал он.

— Но мы должны попытаться. Разве ты не видишь, что это единственный шанс спасти твой народ? Это очень далеко отсюда? О Боже, пусть это будет рядом!

— Наконец-то Бог ответил твоим молитвам, сестра Мэри. Это близко. Но... я не поведу тебя.

— Криб, что ты хочешь сказать? Ты должен отвести меня!

— Тили могут быть опасны. — сказал он. — Разве ты не помнишь, сестра Мэри? Тили могут убить.

— Черт подери, Криб! — сказала сестра Мэри, всем своим видом выражая ярость. — Я и сама знаю, что они могут быть опасны. Но они — наш единственный шанс. Мы должны попытаться. Должны.

Криб покачал головой.

Внезапно сестра Мэри крикнула, потеряв самообладание:

— Вы всегда настаиваете на том, какие вы глупые да жалкие. Черт побери, если это и вправду так, как ты смеешь решать за меня? Просто делай то, что я велю, черт тебя возьми!

Криб молчал и опять сестра Мэри ничего не смогла прочесть по его лицу. Он был обижен? Сердит? Или просто хотел спать?

— Ты права, сестра Мэри, — сказал он. — Я сделаю все, что велишь. Для того стрибы и годны. Я отведу тебя сегодня вечером. Это совсем недалеко. Вон там, — он махнул рукой в сторону города. — В лесу, неподалеку от нашего кладбища.

При мысли обо всех этих соломенных корзинах, сваленных на огромной поляне, которую тут уклончиво называли кладбищем, сестра Мэри содрогнулась.

— Почему вечером? — спросила она. — Почему не сейчас?

Криб пожал плечами.

— Ночью легче его отыскать.

— Почему?

— Потому что он светится в темноте. — А затем, заметив, что сестра Мэри все равно еще не успокоилась, он добавил. — А потом, разве тебе не нужно время, чтобы вымолить прощение за твое богохульство, сестра Мэри? Так что займись немного своими делами. Ты помолись. Я посплю. А потом и отправимся.

Тем же вечером, лишь только небо начало темнеть, Криб отвел сестру Мэри на окраину города, позаботившись обойти кладбищенскую поляну с наветренной стороны, и углубился в лес. Следуя за ним в чащу, сестра Мэри подумала, что он запинается и ковыляет потому, что не хочет идти, но возможно, он был просто не уверен: казалось, он не знает, куда направиться.

Вскоре она велела ему остановиться и вновь стала расспрашивать, с удивлением обнаружив, что говорит шепотом.

— С какой бы стороны не войти в лес, его всегда можно отыскать, — последовал ответ.

Они в молчании пошли дальше, погружаясь в темноту. Корявые деревья и кустарник, казалось, обступали их все ближе и ближе, словно создания тьмы — гоблины, тролли; так что, по мере того, как они продвигались, их путь все больше и больше напоминал сон. Одурачивающая смесь пряных лесных запахов, ароматов и гнили, которая поначалу казалась ей чистой и волнующей, теперь таила в себе легкий привкус опасности; все растет, умирает и разлагается, напоминал этот запах — всё и вся.

Теперь уж сестра Мэри была уверена, что они заблудились. Как она могла позволить Крибу завести ее сюда? Опять она велела ему остановиться и на этот раз совсем уж тихим шепотом сказала, что хочет повернуть назад.

— Но сестра Мэри, — сказал он. — Разве ты не заметила, что становится светлее? Тили уже близко.

Теперь, когда он упомянул об этом, ей и вправду показалось, что небо немного посветлело, но она так и не могла понять, откуда льется этот свет. Просто ночь больше не была такой темной.

Они опять двинулись в путь, и точно, по мере их продвижения, небо становилось все светлее, пока оно не засияло как при свете дня, а потом еще ярче. Казалось, свет состязается с одурачивающими лесными запахами, терзая ее зрение точно так же, как запахи терзали обоняние.

Никогда еще сестра Мэри не различала все вокруг с такой четкостью: ясно проступал каждый лист на деревьях, и все это сопровождалось потрескиванием, которое становилось все громче и громче, словно шумел сам свет, падая с небес на землю и возрождаясь вновь.

Внезапно Криб застыл и закрыл глаза руками.

— Дальше я не пойду, — сказал он.

— Как же я найду дорогу? — прошептала сестра Мэри. Но Криб не потрудился ответить. Да и незачем было. К собственному удивлению, она сделала шаг. Потом еще один.

Теперь свет был слишком ярким, чтобы иметь какой-либо определенный оттенок. Все вокруг было залито раскаленным мерцающим

серебром.

Деревья и кустарники, казалось, растворились в этом море света. Слишком ярком, чтобы видеть, подумала сестра Мэри. Океан света. Интересно, я ослепну?

Но она продолжала идти. И, к своему удивлению поняла, что лес не просто стал невидимым — он исчез.

Теперь и океан света стал расступаться и мир появился вновь, только на сей раз сестре Мэри показалось, что свет не просто отражался от предметов, но сам превратился в вещество, из которого был соткан город Тили, и Тили, и даже она сама. Я возродилась в свете, подумала сестра Мэри, и сразу стала гадать, не кощунственна ли эта ее мысль.

Город Тили был настолько ни на что не похож, что она не могла ни описать его, ни даже вспомнить, что именно она видела. Зрением его нельзя было постичь и, более того, все остальные чувства тоже оказались бесполезны. Этот город нужно было постичь сердцем. И вот какое впечатление у нее осталось:

Город Тили беспрерывно двигался, менялся, переливался. Он каким-то образом являлся не просто отдельными зданиями, предназначенными для жилья, но частью самих Тили. То, что казалось городом, подумала она, на самом деле выражало все, что Тили делали, то, что они чувствовали, чем они были. У нее осталось ощущение беспредельной сложности. И беспредельной простоты. Или грандиозного величия. Но, разумеется, не в физическом смысле. Город Тили не занимал места в пространстве. Город Тили, ощущала сестра Мэри, был сутью Мироздания, смыслом всей Вселенной. Но, разумеется, рассудком она этого охватить не могла. А вся штука в том, что ей казалось, что еще немножко, и сможет. Что в любой миг все станет ей ясно и она понимала, что, если такое случится, она больше не будет сестрой Мэри, но она станет Тили. Все есть Тили, — пробормотала она. — Мне этого не вынести.

Она ощущала, что сверкающие существа знают о том, что она сознает их присутствие. Ей не нужно было обращаться к ним или слышать их, чтобы понять то, что они ей говорят. «Убирайся, непрозрачное создание», или «нечистое создание» — что-то в этом роде, если переложить в слова.

Я могу общаться с Тили, читать в их сознании, подумала она. Нет, я могу читать в любом сознании, в любое время. Это ведь так просто. Я...

— Убирайся.

— Нет, погодите, — мысленно воззвала она к ним. — Я не могу этого вынести. Почему я здесь? Что же это было... что-то ужасное. Чума. Да, вот именно. Вы должны помочь стрибам. Я пришла, чтобы умолять вас об этом. Вы должны...

— Ну что ж, если ты не уберешься...

И внезапно она вновь очутилась в лесу. Воспоминание о городе Тили было сверкающим пузырьком, падающим в необъятный океан темноты. Все, что ей удалось постичь, или узнать, или почти узнать, или... пузырек лопнул. Все.

— Криб, — позвала она.

Криб откликнулся. Сестра Мэри слышала, как он продирается сквозь ветки. Она еще раз окликнула его и вскоре он оказался рядом с ней.

Он указал на небо: яркий свет, казалось, удалялся прочь.

— Тили убрали свой город от тебя, сестра Мэри. Тили ушли.

Свет погас.

— Не плачь, сестра Мэри, — сказал Криб. И сестра Мэри поняла, что

опять плачет.

— Я ничего не могу вспомнить, — сказала она.

V

Чума свирепствовала среди стрибов, косила их, предварительно натешившись вдоволь их мучениями. Тут мало что можно было сделать, но сестра Мэри делала, что могла.

Странно, но к Родриксу, похоже, вернулось присутствие духа и теперь он проводил почти все время, помогая остальным в изоляторе. Наверное, не сумел получить патент на свое изобретение, злорадно подумала сестра Мэри, не забыв прибавить «Господи, прости меня».

Каждое утро она собирала персонал, но они ведь и так все делали, что могли. Ей нужно было лишь втянуть их в работу, а там все шло само собой. А она работала в городе. Она и Криб.

За все эти дни она так устала, что потеряла всякое представление о времени, позабыла все о Тили, Земле и даже вере. Все казалось ей отдаленным и нереальным, кроме их с Крибом ежедневных трудов, попыток облегчить боль и смягчить приход смерти. Однажды, после того, как им выпал особенно тяжелый день, она сказала Крибу:

— Компьютер что-то уже нащупал. Напомни мне завтра поговорить с Родриksom, Криб. С утра пораньше.

Криб сказал:

— Завтра я не смогу работать с тобой, сестра Мэри.

— Но ты должен, Криб. Ты же не можешь бросить меня сейчас. Бога ради.

— Мне очень жаль, сестра Мэри. Но у меня чума. Я болен.

Я должен умереть.

И он умер. Когда его везли на кладбище, сестра Мэри сидела в повозке и говорила с корзиной, в которой лежало его тело. Она больше не обращала внимания на запах. Вообще ни на что не обращала внимания.

— Я и сама, кажется, уже на пределе, Криб. — сказала она, — как Родрикс. Только я уже окончательно сорвалась и падаю теперь в безграничный океан тьмы. Потому что мне уже все безразлично: чума, стробы, Бог. Я просто слишком устала. Понимаешь, Криб?

— А ты, — спросила она возчика, — ты понимаешь?

— Мне все равно, — ответил он.

— Вот именно, — хрипло рассмеялась она, — я, наконец-то, становлюсь стрибом. Жаль, что ты не дожил до этого, Криб.

Но лишь когда они добрались до кладбища, она уяснила истинные масштабы чумы: целое огромное поле, сплошь заставленное нагроможденными друг на друга соломенными корзинами; невероятное, непредставимое зловоние.

— Нет, я не еду с вами, я хочу немножко побыть здесь со своим другом, — сказала она возчику. Он без выражения уставился на нее.

— Я знаю, — сказала она. — тебе все равно.

И весь день она просидела рядом с корзиной, в которой лежал Криб. Говорила с ней. Сама себе отвечала. Галлюцинировала. Болтала, точно лунатик, сама с собой, с Кривом.

Уже ближе к концу дня, когда небо померкло, корзина начала светиться. Сестра Мэри отступила на шаг, бормоча и крестясь.

— О Господи, это на самом деле? Пожалуйста, скажи мне; я уже не

понимаю, что происходит на самом деле, а что нет.

Корзина распалась надвое и из нее медленно, плавно возникло маленькое сияющее существо.

— Криб, — спросила она.

— Больше не Криб, — ответил ей Тили по-английски.

— Чума, — прошептала сестра Мэри. — Когда стриб умирает, он становится...

Тили указал на кладбище, сплошь заставленное корзинами с мертвыми стрибками.

— Пустые, — сказал он. — Лишь одно семечко из тысячи становится деревом, лишь один стриб из миллиона становится Тили.

Сестра Мэри дико затрясла головой.

— Нет-нет, мне очень жаль, но я не могу принять это, не могу согласиться. Как же так — все эти смерти ради одного Тили?

— Это всего лишь стробы, — ответило оно, — мне нужно идти.

— Куда же ты уходишь? Что же ты теперь будешь делать, Криб? Прости, да, я знаю, ты больше не Криб, ведь так?

— Я ухожу, чтобы быть Тили.

— Не ответишь ли мне на один вопрос, Криб? — прости — Тили? Ну пожалуйста!

— А зачем Тили с тобой разговаривать? Ты для Тили все равно, что для человека — мошка.

— Но ведь симпатичная мошка, верно, Криб? Прости, не Криб. Не ответишь ли всего на один вопрос, Криб? Ради старой памяти, из прихоти, почему угодно. Не скажешь ли ты мне теперь, когда ты стал этим самым Тили, теперь, когда все эти жизни выброшены на свалку просто ради того, чтобы ты мог заняться тем, что там делают Тили, теперь, когда ты всеведущ, не скажешь ли ты мне... — горло у нее перехватило. — Бог существует?

— То, что ты полагаешь Богом, не существует, — сказал Тили, — а впрочем, то, что ты полагаешь не-Богом, тоже не существует.

И он взял да исчез, оставив сестру Мэри наедине со своими мыслями. Которые тоже не были реальны. Потому что вновь ей показалось, что она вот-вот ухватит что-то, но оно опять исчезло. Должно быть, отправилось в Тили-таун, сказала она себе. Где бы он ни был, или, вернее, что бы он ни был. Или, может, даже, каким бы он ни был. Не удивительно, что я не могла понять ответов — я даже не могу правильно задать вопросы. Но, полагаю, я тут уже достаточно пробыла. Полагаю, мне пора двигаться обратно в город, потому что там меня ждет работа. Может, работа и есть ответ. На тот вопрос, который я так и не смогла задать.

И, шагая назад, в город, она думала: может, я все-таки выкарабкаюсь. Как Родрикс. Неведомо как, даже не сознавая того. Мы, люди, уж точно никакие, черт нас побери, не Тили. Но нас трудно сломить. Мы удивляем даже самих себя.

Может, со мной все в порядке. Я была на краю, а теперь возвращаюсь назад. Может, я стала чуточку сильнее, чем раньше. И может, этим я обязана Крибу. Или тому Тили, который был Крибом. Может, и он обо мне знает. О том, что я сейчас думаю. И, в порыве интуитивного озарения, она каким-то образом поняла, что так оно и есть. Что он знает. Что она ему не безразлична. Как может быть не безразлична симпатичная мошка.

А потом, может быть, Тили способны больше тревожиться о судьбе симпатичной мошки, чем люди — о чем бы то ни было.

Она еще немного прошла, прежде, чем улыбнулась и мягко произнесла вслух:

— А может, и нет.

Бонита Кейл Прибежище Энни⁵

Со времени появления Бониты Кейл на страницах F&SF в июне 1992 года ее произведения нарасхват. О себе она пишет, что она, «как и все обыкновенные люди, — средних лет, среднего класса и живет в обычном городе Кливленде».

Но обыкновенный ум не выдумает историю Энни. Это особенная история, которая, как говорит Бонита, является «научной фантастикой для героини рассказа».

В церковном подвале было тепло и пахло чесноком. Длинные столы еще больше вытягивали комнату; дети с визгом бегали вдоль рядов; старая дама, чем-то похожая на его бабушку, сидела за отдельным столом и принимала у людей деньги.

Зив Матузек прислонил стул к столу, чтобы сохранить место, и стал в очередь. Впереди, через шепот старушек и хныканье детей, слышался женский голос: «Привет, шеф Джо!». Зив увидел, как человек, раздававший спагетти-соус, поднял ясный взгляд от ковша и улыбнулся кому-то в розовом свитере.

— Привет, Энни! Рад видеть свою лучшую клиентку!

— Ага! Я обожаю спагетти, шеф Джо!

— Знаю, что любишь, Энни, — повар улыбнулся ей, как улыбаются забавному ребенку.

Пройдя очередь, Зив увидел, что его место занято. В другой ситуации, подумал он, я бы поскандалил, или, по крайней мере, презрительно посмотрел бы на наглеца. Теперь же Зив занял первое попавшееся свободное место, поставил поднос на холодную поверхность стола из искусственного камня, бросив рюкзак на пол. Усевшись на складной стул, он ударился локтем о стальную подпорку.

Кто-то напротив хихикнул — это была та девушка в розовом свитере.

— Это не хорошее место, — заговорщицки сказала она. — Никто не садится рядом с этими столбами. Вот хорошее место, видишь? Я всегда занимаю хорошее место.

Ей было не меньше двадцати, а вела она себя как ребенок. Прямые каштановые волосы, бледная кожа — обычная девушка, только в выражении ее лица было что-то странное.

— Я прихожу сюда каждую пятницу, — сказала она, нарезаая спагетти вилкой на коротенькие кусочки.

Разговаривать с незнакомцем было так интересно! Энни не могла поверить своему везению.

— Я прихожу сюда каждую пятницу, — повторила она.

Посмотрев в тарелку, чтобы убедиться, что все спагетти прорезаны, она осторожно поднесла ко рту вилку.

Человек напротив что-то пробурчал, накручивая спагетти на свою вилку. И соус не капал на его рубашку. Может быть, если она потренируется, то тоже научится есть спагетти таким способом. В группе говорили, что если тренироваться, можно научиться практически всему.

— Знаешь, что я делаю?

Он вздохнул.

— Нет. Что ты делаешь?

— Я работаю!

— На самом деле?

— Да-да. Я Растительница.

— Чего? — сказал он, чуть не поперхнувшись кофе.

— Растительница. Я обхожу все растения в большом здании — поливаю и снимаю мертвые листья, — она нашла свою карточку и протянула ему. — Видишь?

— Растители, — громко читал он. — Специализация по оформлению офисов, потом прочитал вписанное рукой, — Энни Боулз. Это ты, так?

— Это я, — она положила карточку в свою красную сумочку. — Утром я иду на автобус, а потом нас развозят по офисам. Я хожу по понедельникам, вторникам, четвергам и пятницам, — она загибала пальцы, считая дни. В другие дни — не хожу. Я иду на автобусную остановку в семь часов.

— Рановато.

— У меня есть часы, видишь? — она протянула руку; голубые электронные пластмассовые часики показывали семь ноль-ноль: ровно семь — пора идти совсем.

— А если видишь ноль-один — бежишь, как всякий гражданин.

Она удивленно посмотрела на него, вдруг рассмеялась.

— А если вижу семь ноль два, тогда...

— Тогда тебе успеть едва.

— Ого, здорово получается! — сказала она. — Только Джимми — из нашей группы — только Джимми так же хорошо умел рифмовать.

Она проверила, не осталось ли молока в пакете, но соломинка хрюкнула, и тогда она принялась за кофе. Зив допил свой.

— Здесь дают добавки кофе? — спросил он.

Энни вскочила:

— Я покажу.

Она привела его к большому баку и показала, как работает маленький рычажок. Возвращались они мимо ребенка, сидевшего на высоком стуле. У него была коричневая кожа, и мелковьющиеся темные волосы, и маленькие белые кроссовки. Энни ему улыбнулась. Он тоже улыбнулся, и из его улыбающегося рта вывалились спагетти. Руки ее сами потянулись утереть малыша.

— Раньше я была в группе, — сказала она, когда они опять сели за столик, — но мне больше нравится быть Растительницей, — она отпила кофе. — А ты что делаешь?

Этот вопрос прозвучал вполне естественно.

— А ты что делаешь? — снова спросила она, просто чтобы еще раз услышать свой голос.

Он откусил от кекса. — Учусь, — ответил он с полным ртом.

— О? — она склонила голову и посмотрела на него. — А что ты учишь?

Наклонившись к ней через стол и взъерошив пальцами волосы, он

произнес:

— Я пришелец — из космоса ! Я изучаю землян.

Она вздрогнула.

— Ты напугал меня. Это нехорошо.

— Извини, — он отвалился на спинку стула.

Она опять посмотрела на него, но он выглядел как обычный человек — в джинсах и голубой рубашке.

— Как тебя зовут?

— Зив. Слышала когда-нибудь такое? Это инопланетянское имя!

На самом деле так звали его дядю. Зив не знал, почему он сказал этой дурочке, что он инопланетянин. Ему просто не хотелось признаваться, что он подрабатывает, жаря гамбургеры. Не так давно у него была постоянная работа, и машина, и квартира. Но, теряешь работу — теряешь все.

Девушка пристально разглядывала его. Боже, она же пытается понять, верить ему или нет!

— Ты меня дурачишь? — спросила она.

— С какой стати?

— Не знаю. Иногда люди пытаются меня обмануть.

Зива кольнуло сознание вины, но он решительно повторил:

— Я инопланетянин.

— Правда, честное-пречестное?

— Да, да. Смотри, нас выметают отсюда. Где здесь туалет?

— Возле выхода. Тебе надо? Мне нет, потому что я уже была, а потом дома схожу.

— О — да, — он поднялся, влез в куртку, она тоже встала, надевая свой клетчатый плащ, повесила красную сумочку на плечо.

— Слушай, жди меня здесь, и я провожу тебя домой. Оэкей?

— Конечно, Зив!

Он поспешил в мужской туалет, не зная, станет ли Энни ждать его. Здесь так много народу; он не мог раздеться до пояса и помыться, как хотелось бы.

Она выглядела такой аккуратной. Живет ли она с семьей? Если так, к чему тогда ей ходить на церковные обеды?

Если она живет одна, то он мог бы устроиться на ночлег под крышей. С улыбкой он вышел к Энни. Пока они шли по Сент-Клер авеню, он выпрашивал ее о жизни. Она живет в квартире. Она сказала «квартира!», будто о чем-то очень важном. Но потом опять вывела разговор на тему о пришельцах, и Зив понял, что для начала она хочет выпросить его.

— Как ты попал сюда, Зив?

— На космическом корабле, конечно. Послушай, эта квартира, какая она?

— Она милая. А как выглядит корабль? Длинный тонкий, или круглый такой?

— Круглый. Типа тарелки. Кому принадлежит дом?

— Какой дом?

— В котором ты живешь!

— Не кричи. В группе нам говорили, что хорошие люди не кричат. Что кричать можно только когда играешь.

Дом где жила Энни, выглядел неплохо: желтого кирпича, маленький

и квадратный, не слишком старый. Зив шагнул за Энни в небольшой вестибюль и ждал, пока она искала ключи, потом проследовал за ней вверх по лестнице в холл, где пахло тушеным мясом и лизолем. Но когда ключ повернулся в замке квартиры номер 2Б, Зив услышал:

— Спасибо, что проводил до дома, Зив.

— А что ты собираешься делать? — Зив тянул время.

— Посмотрю телевизор, потом приму душ, потом почищу зубы и лягу спать, — сказала она. — Разве ты не знаешь этого?

— Я ведь инопланетянин...

Его так сильно потянуло в этот уют. Немного посмотреть телевизор, горячая вода, теплая постель...

— Я инопланетянин, откуда мне знать, что положено делать?

— Ты *на самом деле* инопланетянин?

Если признаться, что это розыгрыш, она его выгонит. Ни в коем случае он не хотел расставаться с этим теплым, домашним ощущением.

— Послушай, — говорить было трудно, в горле пересохло. — Слушай, что если я побуду здесь, займусь изучением землян?

— Ночью?

— Конечно, я должен знать, что земляне делают и ночью.

— Я не знаю, что ты делаешь, даже в дневное время!

— Ну, давай я зайду, о'кей? И все тебе расскажу.

Щелкнув, открылась дверь напротив, и высунулась лысая смуглая голова. Энни торопливо ступила на порог. Зив тоже шагнул внутрь, и она быстро захлопнула за ним дверь. Зив успел различить только взгляд соседа из-под сросшихся седых бровей.

Энни всегда пугал мистер Демал. Большой и смуглый, он никогда не улыбался. Зачем-то оставлял комиксы из своей воскресной газеты под ее дверью. Поэтому когда он шаркал мимо мусоросжигалки, Энни всегда опускала глаза, чтоб он ее не заметил.

Она аккуратно замкнула дверь и положила ключи в сумочку. Потом повесила пальто на плечики в шкафу, и сумочку тоже.

Потом вошла в гостиную и оглядела ее. Она всегда так делала. Это была ее собственная квартира, не общежитие. Вычищенный пылесосом голубой ковер, белая кухонная стойка, шкафы с аккуратно сложенной одеждой — все ее. Приятно было осознавать это.

Зив же сразу уселся на цветастый диван. Энни немножко огорчилась этим. Потом Зив сказал:

— Это замечательно. У тебя очень мило, Энни, — и Энни стало лучше.

— Там, откуда ты, есть такие квартиры? — спросила она.

— Гм, нет, — сказал Зив. — У нас совсем по-другому, — заложив руки за голову, откинулся назад, — дома похожи на... пещеры. В них толстые, закругленные стены, они теплые и безопасные. И никто не может туда войти без разрешения. И отнять их тоже никто не может. Никто.

Печаль звучала в его голосе. Энни села на пол, прислонившись к дивану.

— Тебе скоро возвращаться туда, Зив?

— Не уверен, — сказал он. — Я не знаю, когда вернусь.

— Они заедут за тобой, возьмут тебя на корабль? — спросила она. — Наверное, интересно летать в космосе?

Он посмотрел на нее, сидящую у ног, и улыбнулся. У Зива была милая

улыбка.

— Да, — сказал он. — Они заберут меня, и мы понесемся в космосе мимо всяких звезд и планет.

Энни подумала о корабле, несущемся в ночном небе.

— Мимо Луны?

— Ага.

— Выше самолета?

— Конечно. Космические корабли летают гораздо выше всех самолетов.

Хорошо, наверное, летать в космосе. Люди из телепередач иногда встречали инопланетян, но Энни еще не приходилось. Он выглядит обычным человеком, но зовут его Зив. Он изучает землян. «Может и ее тоже?» — понадеялась Энни.

Зив сказал, что будет спать на диване. Сказал, что ненадолго зайдет в душ, но вышел только после четвертого выпуска телерекламы, с мокрой головой и в другой рубашке. В руках он держал что-то влажное.

— Я повесил кое-что сушиться в ванной, не возражаешь? У тебя есть плечики для рубашки? Я ее хорошенько выжал, капать не будет.

Его белье висело по всей душевой трубе, отчего в душе у Энни стало темно. Когда она зашла в спальню, то увидела, что его рубашка висит на плечиках под люстрой.

Над ее кроватью висела мокрая рубашка. Казалось, она летит. На ее диване, под ее пальто спал пришелец.

В субботу Зив работал в обеденную смену. Он чувствовал себя чистым с ног до головы. Чистое тело, чистые волосы. В прачечной утром он зарядил монетками автомат и выстирал не только свою одежду, но и Эннин небольшой мешок вещей, приготовленных для стирки. Никто не мог бы пожаловаться на него как на соседа по комнате.

Погружая замороженные картофельные чипсы в кипящий жир, он с удовольствием думал о том, что сегодня его ожидает ночлег под крышей. Энни, конечно, не была гением, но, с другой стороны, гений и не позволил бы незнакомому пришельцу спать на своем диване. Выглядела она тоже ничего. Если он собирался пожить у нее некоторое время, то... как любила повторять его бабушка, грех добру пропадать.

На следующий день Зив окончательно обосновался, получил личное одеяло, подушку и ключ от квартиры.

Энни нравилось жить с ним. На самом деле, нравилось. Но он все запутал. Энни всегда стирала по средам. Привыкла ходить в прачечную с одним хорошим человеком который помогал ей заряжать машину. А Зив взял некоторые ее вещи в субботу и пошел в какое-то другое место. И теперь она не знала досколько считать, пересчитывая свои трусы. Еще он оставил одеяло и подушку на диване и пользовался ее любимой кофейной чашкой. К тому же он перенес в ванную розовый коврик, который всегда лежал у кровати.

Но Зив рассказывал ей о своей родной планете, где все жили в домах-пещерах и ездили на ракетах вместо автобусов и машин. Ей нравились его истории.

Он не хотел, чтобы она кому-нибудь рассказывала о нем, и это ей не нравилось. Ни о чем другом она и думать не могла, и ее спрашивали: «Энни, что ты сегодня такая молчаливая?»

Мистер Демал тоже посматривал на нее странно. Он, наверное,

думал, что она пустила незнакомца в свой дом. «Зив не незнакомец», хотелось сказать ему, «Он инопланетянин!» — но Энни боялась. Голос мистера Демала так угрожающе гремел.

Вот Рейчел Квиллон совсем другая. Она была управляющей дома и жила внизу в квартире 1Д. У нее — седые волосы, собранные в пучок на затылке, хорошая улыбка и пушистые тапочки. Энни всегда говорила «Привет!», встречая ее в холле за мытьем лестницы, или с пылесосом.

Иногда Рейчел приглашала ее к себе на чашку чая. Энни не очень любила чай, но любила поговорить с Рейчел.

— Я вижу, у тебя друг живет, Энни.

— Да! — Энни не приходило это в голову, но Зив и вправду был ей другом, разве нет? — Его зовут Зив.

— Интересное имя. Он что, словак?

Энни отрицательно покачала головой:

— Он просто Зив.

Положив сахар в чай, она потянулась за сухариком.

— Зив здешний?

— О, нет.

— Откуда он, Энни?

Энни устала в стол.

— Он просил не говорить.

— Ах, значит так, — Рейчел отпила чаю, — Энни —...

— Она остановилась и молчала некоторое время. Потом, положив ладони на стол, склонилась к девушке.

— Энни, ты не обязана делать того, что Зив тебе говорит. Важно, чего ты сама хочешь.

Энни подумала чуть-чуть.

— Я могу делать то, чего я хочу.

— Вот именно, — Рейчел выпрямилась.

— Что ты знаешь о детях? — спросила Энни.

Подхватившись, Рейчел повернулась к кухонной стойке и долила горячей воды к пакетику чая.

— Я знаю основы, — сказала она, — один конец орет, и из обоих течет. Опершись на стойку она посмотрела на Энни. — Что ты хочешь знать о детях?

— В группе нас многому учили. Учили что надо делать, и чего не надо.

— Да...

— Но нам нравятся некоторые вещи, которые делать не надо.

— Не удивительно.

— Нас учили, как делать детей. Но говорили, что этого делать не надо.

— Я склонна согласиться. Скажи, они вам помогали в этом абсолютно похвальном намерении?

— Что?

— Они показали вам, как не делать детей? Тебе давали таблетки или другое, чтобы положить внутрь? Вообще что-нибудь?

Энни нетерпеливо помотала головой. Она ничего такого не помнит.

— Это сработает? — спросила она.

— Таблетки?

— Нет, я имею в виду — ребенок получится? Если делать, как говорили?

Рейчел тяжело опустилась на стул.

— Да, — сказала она, — я уверена, что сработает.

— Спасибо, Рейчел!

Этой ночью Зив перенес телевизор в спальню. Он сказал, что инопланетяне любят смотреть телевизор в кровати. Так они сидели на кровати и смотрели вместе.

Зив положил руку ей на плечо. Энни это понравилось, и она подвинулась к нему. Потом он положил руку ей на сиську. Наставницы в группе называли это грудью, но все остальные — сиськами.

Его прикосновения были приятны. Она прижалась к этой руке. Ей было приятно, что на ней розовая ночнушка. Это было симпатично, и ей нравилось как ткань скользила под рукой Зива.

Джимми из их группы тоже любил это делать когда-то. Энни было интересно, понравятся ли Зиву другие вещи, которые нравились Джимми. Она положила руку ему на колено, чтобы проверить.

— Эй!

Энни отдернула руку.

— Извини.

— Нет-нет, — сказал он. — Ничего, малышка. Все это замечательно. Ты просто удивила меня.

— Тебе нравится?

— Да. Да, нравится, все хорошо.

— Джимми тоже нравилось.

— Готов поспорить, что нравилось.

Инопланетянин был сложен как Джимми, но больше знал, что делать. Некоторые вещи Энни понравились. Она забыла про телевизор. Позже Зив заснул. Он занимал много места в кровати, и Энни перебралась на диван. Лежа в темноте, она думала о тепленьких, улыбчивых младенцах.

На следующий вечер, вернувшись с работы, Энни не могла найти ключей. Позвонила — никто не отвечал. Долго стучала в стеклянную дверь, и, наконец, увидела, что кто-то спускается по лестнице. Это был мистер Демал. Он смотрел строго.

— Что случилось, потеряла ключи?

Энни кивнула.

— А где тот парень?

— Какой парень?

— Твой парень, девочка! Парень, который жил в твоей квартире!

Мистер Демал был такой большой и обрюзглый, Энни испугалась.

— Вы знаете о нем?

— Видел, как он выходил и входил достаточно часто. Что мне еще делать целыми днями, кроме как смотреть на людей?

Энни глянула на него исподлобья. Он не казался таким злобным как обычно. Морщины вокруг его губ будто закручивались в улыбку.

— Пожалуйста, никому не говорите, — прошептала Энни.

Мистер демал пожал плечами.

— Бойшья, что его выгонят с работы?

— Его могут *убить* ! — сказала Энни. — Если земляне обнаружат его здесь, то *убьют* его!

— Послушай, иди вниз. У Рейчел должен быть еще ключ.

Внизу мистер Демал стучал в дверь Рейчел — огромным кулаком — очень громко. Но вовсе не со зла.

— Нужно хорошенько стучать. Она плоховато слышит. Этот парень,

он с космического корабля?

Энни было не так страшно теперь.

— Никому не скажете, ладно?

За дверью слышались шаги Рейчел: шлеп, шлеп, шлеп.

— Кто сказал, что он из космоса? — спросил мистер Демал. — Ты сама так решила?

— Это он мне сказал, — ответила Энни, — Зив сказал.

Боже, она даже за своими личными вещами не может уследить! Зив поднял ключи Энни на лестнице. О какой безопасности может идти речь, если она повсюду раскидывает ключи?

— Нам надо поменять замок, — сказал он ей, когда вернулся вечером с работы.

— Ах, нет, Зив. Рейчел достанет мне новый ключ, если я не найду свой.

— Да, и ключи от квартиры будут валяться по всему городу? Нет уж, я вставлю новый замок.

— Но, Зив...

— А до тех пор, пока меня нет, ты просто никуда не ходи, о'кей?

— Но я хочу свои ключи!

— Ты не можешь их получить, — объяснял он терпеливо, — потому что ты их потеряла.

Спустя некоторое время она успокоилась. Зив вывел ее гулять, купил ей похрустеть тако, чтоб немного поднять настроение. Бедное дитя, она ведь не нарочно.

И все-таки, было досадно делить квартиру с умственноотсталой. Она всегда хотела одного и того же, неделю за неделей. По средам — стирать, по субботам — делать покупки в магазине «Гудвил», по воскресеньям — рассматривать комиксы из газеты этого старика-негра. Если что-либо нарушало ее распорядок, она впадала в уныние. К тому же, Энни говорила без умолку и сюсюкала с каждым встречным ребенком.

Он просматривал газеты в поисках дешевого жилья, лучшей работы. Чтобы снять комнату у какой-нибудь старушки, нужно быть некурящим и иметь рекомендации от шести священников. А чтобы поступить на работу нужны рекомендации от самого Господа Бога.

Придется пока жить здесь и экономить деньги.

Утром в субботу Энни вырвало. Зив был в бешенстве. Он велел ей вымыть пол. Потом отправился на работу. Энни пошла относить мусор к мусоросжигателю и увидела Рейчел, протирающую лестницу на третьем этаже.

— Я почти закончила, как насчет чаю, Энни?

— Меня от этого не вырвет?

— Не думаю. Ты нехорошо себя чувствуешь?

— Сейчас нормально.

— Ты переутомилась, может быть?

— Вчера устала. Заснула. И так несколько дней подряд.

Рейчел вытерла ступеньки старым полотенцем. Затем спустилась к Энни.

— Ты знаешь, когда у тебя были месячные?

Энни зашла к себе, взяла календарь и принесла его Рейчел. Рейчел отыскала там страницы с крестиками, выглядела она озабоченно.

Поставив щетку и ведро в угол, она повела Энни вниз к себе. Посадила на диван и дала чаю.

— Тебе не тесна обувь? Здесь не напирает? — Она положила руки себе на грудь.

Энни кивнула.

— Я больна?

— Думаю, ты беременна, — Рейчел говорила так, будто это было плохо. Но то, что она сказала потом, было хорошо. — Значит, я думаю, что внутри тебя растет ребенок.

— Правда? — Энни почувствовала, как ее рот расплывается в улыбке. — Правда? Ребенок для меня и Зива?

Рейчел положила руку на плечо Энни:

— Ты хочешь ребенка?

— Все хотят ребенка!

Но Энни не сказала Зиву. Хотя сама не знала, почему.

Зив объявил Энни, что сменил замок.

— Теперь никто кроме нас не может войти в дом. Замечательно, правда?

— Даже Рейчел не сможет войти?

— Не-а, единственный ключ, у меня.

— Можно мне?

— Посмотрим, о'кей? Может на следующей неделе, если будешь себя хорошо вести.

Энни опустилась на диван.

— На вашей планете есть ключи?

— Они не нужны там.

— Расскажи историю о твоей планете, Зив.

— Только не начинай сейчас...

— Ну, пожалуйста.

— Ох... хорошо. Ладно.

Он сел рядом, откинув в сторону одеяло и подушку. Энни положила голову на его плечо, и он начал рассказывать, рассеянно теребя пуговицы ее блузки.

— Ну, никаких ключей и замков у нас нет. У всех есть теплое жилье и много еды. А если кто-то хочет пожить некоторое время со своим другом, никто не возражает. И все гуляют под теплым солнышком, смотрят на зеленое небо, пушистые синие деревья и улыбаются друг другу.

— А колокольчики?

— Да, цветы которые звенят на ветру как колокольчики, — он вспомнил крошечные бабушкины колокольцы, которые звенели от малейшего ветра. И мы можем полететь на нашу луну, когда захотим, и там, конечно, есть большой парк с каруселями.

— И «Американские горки», сонно прошептала Энни.

— Да, и «Американские горки», и «Чертово колесо», и «Водяные горки» — все как здесь, только больше. Кругом разноцветные огни. Так и сияют, а кататься можно совершенно бесплатно.

— А вечером...

— Вечером мы разлетается по домам и ложимся спать. У каждого есть отдельный дом. Никто не может тебя выгнать на улицу.

Энни спала. Он посмотрел на нее с растущим раздражением.

Потом однажды вечером Энни вдруг захотелось в кино.

— Кино? Ради бога! Ты же знаешь, что проспишь весь фильм!

— Пожалуйста, Зив.

Он слишком мягкосердечный, вот в чем дело. Энни, конечно, заснула, прямо посреди автомобильной погони. Он долго тряс ее — им предстояла долгая прогулка до дому. Завтра среда. У нее свободный день, а ему рано вставать.

По дороге Энни, зевая, выдала следующее:

— Рейчел говорит, у меня будет ребенок.

— Черт! — Он остановился под фонарем и посмотрел ей в лицо. — Ты шутишь, да? Ты меня дурачишь?

— Нет, это правда, правда! Ты рад, Зив?

— Ты просто должна от него избавиться, вот и все.

— Избавиться? Нет!

— Слушай, я не хочу ребенка!

Но она упрямилась.

— Ну и что. Я хочу!

Зив больше не пытался сдерживаться:

— Глупая кукла! Куда мы его денем, в любом случае?

— Дети маленькие! Места хватит!

— Как можешь ты, умственно отсталая, ухаживать за ребенком?

Энни уже плакала. Сама — большой ребенок.

— Ты можешь помочь, Зив. Будешь рассказывать ему свои истории. Будет хорошо, Зив!

Он закрыл глаза. Позже он гордился, что не ударил ее.

— Уходи, — сказал он тихо.

— Уходи? Куда, Зив?

— Все-равно куда.

Она не двигалась. Зив постоял минуту и пошел — она за ним. Он был вынужден, в конце концов, пуститься бежать и скрылся в темный переулок, чтоб оторваться от нее.

Ей будет полезно провести ночь на улице. Пусть узнает что это такое, через некоторое время Энни перестала его искать, и он пошел домой. Растянувшись на кровати, он чувствовал, как заполняет собою квартиру. Его мысли затерялись в синих деревьях и цветах, звенящих от дуновения ветра, и он заснул.

Энни смотрела на часы под каждым фонарем. Они показывали девять два-ноль, потом-девять три-ноль. Показывали девять с чем-то очень долго.

Она нашла гамбургерную и зашла туда — в туалет.

— Здесь работает Зив? — спросила она.

Но никто не знал Зива. Она сидела там, пока на нее не стали оглядываться. Тогда Энни вышла и опять начала искать. «Если у меня будет ребенок, я буду матерью», — повторяла она себе. «Матери ничего не боятся». Часы показывали два-пять-два, когда она свернулась калачиком в глубокой нише у церковной двери и заснула. Часы показывали шесть-три-четыре, когда ее там нашел полицейский и привез домой. Рейчел уложила ее в свою желтую кровать.

Когда он проснулась, был день. Она услышала голос Рейчел.

— Это ее жизнь, — говорила она. — Но ей так трудно приходится.

Энни услышала гулкий рокот. Она поднялась с постели и вошла в гостиную посмотреть, что это.

На диване сидел мистер Демал.

— Тебе лучше? — спросила Рейчел. — Я принесу чай.

Она поднялась и вышла на кухню. Энни осталась наедине с мистером Демалом. Ей хотелось сказать: «Вернись, Рейчел, не хочу я чаю», но она промолчала.

Мистер Демал подвинулся:

— Садись, Энни.

Энни села на низкий стул с синими и белыми полосками.

— Я слышал, твой инопланетянин оставил тебя ночью на улице, — сказал он. — Это не очень мило с его стороны, как ты думаешь?

Энни задумалась. Нет, решила она, не очень. И удивилась этой мысли, потому что Зив был хорошим. Но он сделал плохой поступок.

— Думаешь, надо было ему это делать, девочка?

Она покачала головой:

— Мне это не понравилось.

Рейчел вошла с подносом. На нем стояли чашки с чаем, сухарики, сахар, молоко, и половинка лимона. Мистер Демал добавил молока себе в чай; Рейчел выдавила лимон над своей чашкой. Осторожно Энни положила сахар себе и взяла сухарик.

— А, что если выгнать Зива? — сказала Рейчел.

Энни поперхнулась и закашлялась. Рейчел пришлось постучать ее по спине. Энни было неудобно перед мистером Демалом.

— Мы пока не дошли до этой мысли, — сказал мистер Демал. — Наберись терпения, Рейчел.

— Нет у меня терпения, — сказала она, — и никогда не было.

Поставив пустую чашку на кофейный столик, она повернулась к Энни:

— Энни, послушай, в твоей квартире — Зив, а в тебе — ребенок. Начни с ребенка. Ты знаешь, что это долго, а в конце очень больно? Может быть тебе не стоит иметь ребенка, Энни.

— Я хочу ребенка, — Энни в этом была уверена.

— Ты, может быть, больше не сможешь быть Растительницей, Энни. Тебе наверняка придется остаться тогда дома и ухаживать за ребенком.

— Мне нравится быть Растительницей, сказала Энни медленно, — но я хочу ребенка.

— Больше, чем быть Растительницей?

Это был трудный вопрос. Ребенка можно будет держать на руках. Быть Растительницей — другое: нельзя взять в руки и решить, лучше ли это ребенка. Потом Энни вспомнила: она будет матерью! Мать лучше чем Растительница!

— Я хочу быть матерью! — твердо сказала она. — Мне не было страшно ночью.

— Нет, но...

— Матери ничего не страшно. Я буду матерью.

И вдруг мистер Демал гулко рассмеялся — Энни даже подпрыгнула.

— Один-ноль в пользу Энни! — сказал он. — Ребенок остается.

Рейчел поджала губы:

— Значит, будем сидеть по очереди, она опять повернулась к Энни. — Теперь о Зиве.

Мистер Демал перебил:

— Энни, смотри, ты не должна делать ничего, что не хочешь.

— Но ты не хочешь ведь, чтобы Зив жил с тобой, правда Энни? — сказала Рейчел. — Он плохо себя вел, не так ли? И это твоя квартира, в

конце концов. Ты платишь за нее, помни.

Энни подумала об этом.

— Это моя квартира.

— Верно.

— Значит у меня должны быть ключи?

— Так, — Рейчел опустила веки, соглашаясь.

— Не у Зива.

— Конечно, не у него, — Рейчел потянулась вперед и коснулась ее колена. — Ты собираешься прогнать его вон?

Полоски на стуле были как маленькие дорожки. Энни вела пальцем по одной.

— Если я прогоню его вон, ребенок останется внутри меня?

— Да, — Рейчел ждала, пока Энни не посмотрит на нее. — Уход Зива не изменит этого.

— Тогда, не могла бы ты прогнать его для меня, Рейчел?

— Нет! — сказал мистер Демал, прежде чем Рейчел успела ответить. — Ты сама должна это сделать, девочка! Это твоя квартира — ты там босс. Как скажешь — так и будет. Хочешь, чтоб он ушел — уйдет. Хочешь, чтоб остался — останется. Сама решай и сама скажи ему!

Она — босс. Не Зив. Даже не... Она глянула на Рейчел — догадывается ли Рейчел, что пришло ей в голову. Даже не Рейчел. Энни — босс квартиры 2Б. Это была потрясающая мысль.

— Я хочу пойти домой.

На верху Энни аккуратно положила ключ Рейчел в карман. Зив был на работе, Энни собрала его носки и свернула одеяло, пропылесосила пол. Вымыла кухню и раковины, ванную, зеркало. Вычистила специальной щеткой унитаз. Взяла розовое ведро и щетку с голубой ручкой и протерла полы на кухне и в ванной специальным ароматическим средством.

И вдруг проголодалась. Энни открыла банку с тунцом и сделала два больших сэндвича с тунцовым салатом. Потом села за стол и ела свои сэндвичи, оглядывая свою чистую квартиру. Я здесь босс, думала она.

Завтра она пойдет к Растителям. Ее привезут в здание, и она обойдет все офисы по списку. Весь день она будет поливать растения, снимать желтые листья и им будет лучше. «Растения любят тебя, Энни», — сказала ей одна дама из офиса.

Она была хорошая Растительница. И хорошо убирала квартиру. Энни тренировалась, повторяя: «Зив, я хочу поговорить с тобой». Услышав поворот ключа в замке, подошла и встала возле двери.

Когда Зив открыл дверь, Энни стояла прямо перед ним. Бедная глупышка! Он действительно почувствовал некоторое облегчение, увидев ее после этой ночи на улице. Но, чтобы пройти в комнату, нужно была отодвинуть Энни с дороги.

— Зив, — сказала она. Ее голос звучал странно. — Зив, я хочу поговорить с тобой.

— Хорошо, я только смою этот жир с волос.

Он включил душ и забыл о ней — до тех пор, пока не вышел из ванной, обмотанный полотенцем.

— Эй, Энни, может купим голубое полотенце или белое, или еще какое-нибудь. Эти розовые...

Он застыл. В комнате были люди — та женщина снизу и черный сосед из квартиры напротив — они сидели на диване.

Зив с опаской поглядел на них.

— Энни нужно поговорить с тобой, Зив, — сказала женщина.

Она называла его Зив, а он даже не знал ее имени. О, постой-ка, — вспомнил, как Энни говорила о ней — Рейчел, точно. А сосед... Энни называла его мистер Демал.

— Я как-бы занят сейчас, — сказал он полусаркастически-полутревожно.

— Надень штаны, — сказал Демал. — Мы подождем.

— Мне надо работать...

— Только по средам до двух.

— Вы что шпионите за мной?

Демал пожал плечами:

— Конечно.

Полотенце сползало с Зива. Он прижал его и отступил в ванную, но одевался не спеша. Пусть подождут.

Наконец, приклеив на лицо дежурную улыбку продавца, он вышел к ним из ванной.

— Итак, — сказал он, — чем могу помочь?

Энни стояла у окна. Она посмотрела на Рейчел, и Рейчел кивнула.

— Я хочу поговорить с тобой, Зив, — сказала Энни.

— Когда угодно, Энни. Может кофе, пока беседуем?

Прежде чем кто-то успел сказать что-либо, она проскользнула на кухню. Теперь, пока она там будет считать чашки, отмерять воду, и порции кофе, можно поговорить.

— О'кей, чего вы хотите? — спросил он двоих оставшихся.

Рейчел выпрямилась и поджала губы. Демал неловко передвинулся на месте.

— Это Энни надо поговорить, не нам. Но... — он покачал головой, — Энни так радовалась, живя с тобой. Много говорила о тебе.

— Правда?

— Говорит, ты из космоса.

— Она неправильно поняла, — приглушенно сказал Зив.

Лицо Рейчел напомнило ему его начальницу, когда та нашла пакет с заплесневелым хлебом для гамбургеров, — что-то общее в расширенных ноздрях.

— Ты пришел, как я понимаю, из тех мест, где дома похожи на пещеры, небо зеленое и растения звенят на ветру...

— Энни помнит все это?

— В какие игры ты тут с нею играешь, Зив?

— Мы знаем *одну* из них, — вставил Демал.

— Зачем ты сказал Энни, что ты из космоса?

Зив дернул плечом.

— Да, я не знаю. Началось с розыгрыша, в общем. Но ей нравилось, понимаете?

— А теперь она беременна. Твоим ребенком, — сказала Рейчел.

— Парень, ты совсем запутался, — Демал откинулся на диван и диван заскрипел. — Почему ты решил так поступить с нею?

— Я не знал, что она залетит, черт побери! Как я мог знать?

Было смешно, секунды две, видеть как огромный старик и эта маленькая женщина смотрели на него укоризненно: «У-тебя-проблемы-малыш».

— Мне негде было жить! Я остался на улице! Вы знаете, что это

такое?

— Знаем, — сказал Демал. — Со мной такое случалось пару раз. Но не обманывал бедных глупышек и не делал их беременными.

— А я вот сделал. Отдай меня под суд. Ей от этого лучше не станет.

— От чего, Зив? — вошла Энни, с красным пластиковым подносом, который она купила в их последний поход в «Гудвил». Теперь на нем было шесть чашек — четыре с кофе, одна с молоком, и одна с сахаром. На блюде — печенье. Энни наклонилась и поставила поднос на край стола.

— У меня нет сейчас лимона, Рейчел.

— Ничего, Энни. Кофе я пью без лимона.

— Теперь можно я поговорю с Зивом?

Рейчел открыла было рот, но Демал прервал ее:

— Ну да, поговори. Мы пойдем, хорошо?

— Хорошо, — сказала Энни тихо. Потом она вздохнула, — не как обычные люди, подумал Зив, а громко и глубоко. — О'кей.

Энни настояла, чтоб Рейчел и мистер Демал взяли чашки с собой.

— Печенье тоже возьмите!

Когда они ушли, Зив расслабился.

— Надеюсь чашки они не украдут.

— Рейчел не украдет. Мистер Демал не украдет. Они хорошие.

— У тебя все хорошие, — Зив развалился на стуле и усмехался. — Ты думаешь, все прекрасные!

— Я не думаю, что ты прекрасный, Зив, — сказала Энни.

Смешно, но слышать это было как-то даже больно. Сделав над собой усилие он улыбнулся.

— Может быть, не прекрасный, но, все-таки, чертовски хорош!

— Ты хороший. Но ты делаешь плохие вещи.

— Конечно. Ты тоже делаешь. Все делают.

Энни посмотрела прямо ему в глаза.

— Ты сделал плохо мне, — одновременно она подняла один палец, начала считать. — Ты бросил меня одну ночью на улице. Ты съел весь изюмовый хлеб, до моего прихода. Ты спишь в моей кровати и занимаешь все место. Ты всегда устраиваешь в ванной беспорядок, — она посмотрела на пальца. — Четыре плохих вещи.

Энни набрала воздуха.

— Уходи, Зив. Возвращайся на своей космический корабль.

Его улыбка казалась напряженной.

— А если я не хочу?

— Я попрошу мистера Демала, — сказала Энни. — Он мне сказал: «Если он не уйдет, позови меня. Слышишь?» Вот что он сказал.

Зив встал и подошел к ней. Она пахла кофе и ароматическим средством для полов. Он провел пальцем по ее руке, тоненькие волосы поднялись.

— Ты не хочешь, чтоб я уходил, Энни, — сказал он.

Она заплакала и оттолкнула его.

— Нет, я хочу, — сказала она. — Я больше не хочу, чтоб ты меня изучал. Уходи, Зив.

На одну сумасшедшую минуту, Зив подумал было отказаться — просто остаться здесь и посмотреть, что она будет с этим делать. Но потом вспомнил о Демале, и о социальных работниках, и о властях. И еще о детях. Господи. Как он мог ввязаться в такое?

— Нет проблем. Мне не нравится быть непрошеным гостем.

Он заботливо укладывал вещи: рубашки, белье. У него накопились деньги, заработанные с тех пор как он поселился здесь, Зив рассовал их по карманам. Засунул подушку в полиэтиленовый пакет, бросил туда мыло, зубную щетку и новый тюбик зубной пасты. Из кухни он взял две булки хлеба и консервов, сколько мог унести.

Энни наблюдала молча. Надев куртку, он подошел к девушке, но она отступила.

Зив огляделся — удостовериться, что ничего не забыл. Комната выглядела такой же теплой и уютной, как и в первый вечер; что-то ёкнуло внутри. На мгновение он почувствовал, что мог как-то лучше все устроить.

Зив открыл входную дверь.

Те двое сидели на ступеньках третьего этажа.

Рейчел склонилась к Демалу и выпрямилась, когда Зив ступил на лестничную клетку.

— Послушайте, у вас есть газета? — спросил Зив. — Может быть найду комнату или еще что...

Демал слегка удивился, но поднялся и пошел к себе. Вернувшись с газетой, он вручил ее Зиву.

— Спасибо. Эй, Рейчел, не могла бы ты дать мне рекомендацию?

Рейчел открыла рот, закрыла, и опять открыла.

— Могла бы... — сказала она сдавленным голосом.

Энни, опершись на перила, наблюдала, как Зив спускался по ступенькам. Внизу он взвалил свою сумку на плечо и открыл входную дверь. Она видела как он нагнулся, изучая почтовые ящики. Потом отпустил дверь. Через минуту она услышала, как открылась и закрылась подъездная дверь.

Энни плакала, все еще опираясь на перила. Рейчел похлопала ее по спине. Потом Энни выпрямилась. Она вытерла лицо, — там, где жгли слезы.

— Все-таки, у меня внутри ребенок, — сказала она.

— Да, Энни.

— Я помню все истории Зива, — вздохнула Энни.

— Конечно, помнишь.

— Я расскажу их ребенку, когда он родится.

— О, боже, — сказала Рейчел.

— Цыц! — сказал мистер Демал. — Ты расскажешь этому ребенку любые истории, какие захочешь, девочка.

Энни пошла к себе. Она закрыла шкафы, которые Зив оставил открытыми. Убрала волосы Зива из умывальника. Потом перетаскала телевизор обратно в жилую комнату и положила розовый коврик у кровати.

Квартира выглядела хорошо. Энни погладила космического младенца в животе. Сегодня среда; Растители выходные. День стирки.

Десять световых лет спустя

Роберт Янг Что за мрачное место⁶

Приглашаем снова на встречу с Робертом Янгом, известным российским читателям прежде всего как автор повести «Срубить дерево». «Сверхновая» опубликовала в № 5-6 за 1996 также последний рассказ, вышедший из-под его пера «Великан, пастушка и двадцать одна корова».

В то утро мне позвонил подрядчик, которого я нанял для постройки нашего нового дома. Готовя к строительству вершину холма, на котором будет стоять наш дом, его люди откопали там какой-то ящик. Он сказал — ящик латунный, а крышка запаяна намертво. По его мнению, там могло быть что-то ценное, и поэтому мне следовало бы присутствовать при ее вскрытии. Я пообещал ему приехать.

Вот чем хорошо жить на пенсии. Можешь делать все, что душе угодно, и в любое время. Худо только одно — времени остается слишком много, а занять его чаще всего почти нечем.

На пенсии я не так давно. Всего полгода. Большинство здесь, выходя на пенсию, отправляются провести свои «Золотые годы» во Флориду. Я не из таких. Много лет назад, когда мы с сестрой продавали землю —, наследство отца — я сохранил за собой самый высокий холм. Чудесный холм, с которого видны все окрестности и озеро, а на склонах растут дубы, клены и акации. Я был привязан к нему все это время, а теперь, удалившись на покой, собираюсь поселиться на самой вершине.

Я никогда сильно не отдалялся от холма; дальше всего во вторую мировую, когда армия, стремясь выжать из меня все, что можно, швыряла меня туда-сюда по Штатам, и в конце концов даже посадила на корабль и отправила в Европу. После войны я устроился на работу в Ходейл Индастриз, переехал в город, чтобы жить поближе к месту работы, и купил там дом. Но теперь я собираюсь вернуться на холм, как только дом будет построен. Со своей женой, Клэр. Нас ничто не держит: дети давно уже выросли, женились и уехали. Летом здесь вся земля станет пестрым ковром из цветов. Осенью ее покроют хризантемы, ромашки и астры. А зимой — зимой снег.

Я спросил Клэр, поедет ли она со мной. Она отказалась, сказав, что ей надо пройтись по магазинам. Я выехал на шоссе и через час свернул с него у Фэйрсберга, пересек городишко, борясь с воспоминаниями. До холма оставалось не больше мили. Я проехал мимо стройки, развернувшейся на земле, которая когда-то принадлежала моему отцу. Холм рос передо мной, как поднимающееся с земли зеленое облако.

Тяжелые машины строителей проторили что-то наподобие дороги по склону холма, но я не стал рисковать днищем своего «шевроле», и вылез из машины, чтобы пешком подняться между дубов, кленов и акаций. Июльское солнце пекло сквозь листву и палило мне в спину, и добравшись до вершины, я весь вспотел.

Здоровенный бульдозер елозил туда-сюда, сравнивая непокорные бугорки и засыпая ямы. Билл Симмс, подрядчик, стоял возле своего

пикапа, разговаривая с каким-то здоровяком. Еще двое копались в моторе экскаватора. Симмс направился мне навстречу.

— Рад, что Вы смогли приехать, мистер Бентли. Нам тоже очень любопытно, что же внутри этого ящика. — Он указал в сторону раскопанного участка на краю площадки. — Это там.

Мы прошли по развороченной земле. Грузный мужчина шел следом за нами.

— Чак Блэйн, мой прораб, — сказал Симмс.

Мы кивнули друг другу. Те двое, что копались в моторе экскаватора, тоже направились к нам.

Позеленевший ящик был вытащен из развороченной земли. Отлитый из латуни, длиной он был около 16 дюймов, шириной — около 12, и дюймов 6 в высоту. Как Симмс и сказал, крышка была плотно припаяна.

Никогда раньше я этой ящички не видел, но тем не менее, она показалась мне знакомой. Я сказал:

— Давайте откроем ее и посмотрим, что там за сокровище.

У Блэйна в руках был ломик, он отыскал место, где не было припоя, и вставив туда острие лома, резко нажал на другой конец. Припой по всему периметру треснул. Я нагнулся и поднял крышку.

Увидев содержимое ящички, я понял, что она принадлежала Роуну.

Мы звали его Роуном. Если у него и было имя, мы его не знали. Увидев его впервые, я ни секунды не сомневался, что это просто обычный бродяга. Да так он и выглядел — долговязый, исхудавший, весь в лохмотьях, с потемневшим от въевшейся угольной пыли лицом. Мать тоже приняла его за — бродягу, открыв дверь черного хода в ответ на его стук. Я в это время колот дрова на заднем дворе.

Бродяги приходили к нам во множестве. Через Фэйрсбург пролегали Пенсильванская и Нью-Йоркская центральные железные дороги (сейчас это Норфолкская, Западная и Конрэйл), они огибали нашу ферму, и когда на станции останавливались товарняки, чтобы прицепить или отцепить вагон, бродяги, путешествовавшие на них, иногда разбредались и ходили по домам, попрошайничая. В город они обычно не совались, ходили по окраинам, а наш дом как раз отстоял от города на приличное расстояние, зато был близко к железнодорожным путям, поэтому мы подходили им как нельзя лучше.

Каждый раз бродяги подходили к нашему дому, и поднимались на крыльцо со двора, держа узелочек со своими пожитками в руке (я никогда не видел, чтобы кто-нибудь из них нес узелок на конце палки, как это часто рисуют в мультиках). Когда мать открывала дверь в ответ на стук, попрошайка снимал шляпу и говорил «Мэм, не найдется ли у вас что-нибудь поесть?». Мать никогда не прогоняла бродяг. Ей было их жалко. Некоторые вызывались в обмен на еду выполнить какую-нибудь домашнюю работу, большинство же, что-то получив, просто уходили.

Роуну мать тоже сделала сэндвич и налила стакан молока. Тот поблагодарил ее и уселся на ступеньку. По тому, какие большие куски он откусывал, и как жадно он глотал молоко, было видно, что голодал бедняга сильно. У него не было узелка с вещами, а грязная и изодранная одежда, тем не менее, выглядела так, как будто не так давно была новой.

Стоял теплый сентябрьский день, я только что вернулся из школы. Колоть дрова было жарко, и я больше отдыхал, чем размахивал топором. Закончив есть, бродяга приоткрыл дверь, ровно настолько, чтобы

поставить стакан внутрь, снял пиджак, подошел ко мне, взял у меня из рук топор, и сам стал колоть дрова. У незнакомца было узкое лицо, длинноватый нос и серые глаза. По тому, как он орудовал топором, мне стало ясно, что никогда раньше дров он не колол, но быстро приноровился. Мне оставалось только стоять и смотреть.

Мать тоже наблюдала, с крыльца. Он все колол. Наконец она сказала:

— Больше не надо. Ты и так уже более чем отработал свой сэндвич.

— Не волнуйтесь, мэм — ответил Роун, и опустил топор на очередное полено.

Во двор въехал старый побитый грузовичок отца, купленный им за 25 долларов. Отец ездил в город за комбикормом для цыплят. Он подогнал грузовичок к двери сарая, и я помог ему вынести два мешка комбикорма. Отец казался высоким и тощим, но был раза в два сильнее, чем можно было подумать, и моя помощь была ему в общем-то без надобности. Но он сделал вид, что я очень пригодился.

Отец посмотрел на Роуна.

— Это он наколол дров?

— Ну, я тоже немножко — ответил я.

— Мать его покормила?

— Она дала ему сэндвич и стакан молока.

Мы вошли в дом. Мать только что закончила чистить картошку, и поставила ее вариться. Она всегда готовила на дровяной печке.

— Чёрт — сказал отец, — может, нам предложить ему поужинать?

— Я поставлю еще тарелку.

— Пойди скажи ему, Тим. И заberi у него этот чертов топор.

И я пошел и сказал ему и встал прямо перед Роуном так, что тот не мог больше колоть дрова. Роун прислонил топор к поленнице. Его глаза напомнили мне пасмурное зимнее небо.

— Меня зовут Роун — сказал он.

— А меня — Тим. Я хожу в школу. В шестой класс.

— Молодец.

Его волосы, выбивавшиеся из-под шапки, были каштановыми. Их нужно было постричь.

— А руки у вас можно где-нибудь помыть?

Он говорил немного замедленно, будто взвешивая каждое слово.

Я показал, где у нас во дворе кран. Бродяга вымыл руки и лицо, а потом снял шапку и причесался расческой, извлеченной из кармана рубашки. Он был небрит, но тут уж ничего не мог поделать.

Потом надел свой пиджак, и положил шапку в карман. Я увидел, что его взгляд направлен мне через плечо.

— Это твоя сестра?

На дороге остановился новый «форд», из которого вышла Джулия, направившись во двор. «Форд» укатил. У Джулии была подружка, Эми Уилкинс, и частенько после школы, вместо того, чтобы идти со мной домой, Джулия заходила к Эми, и иногда отец Эми отвозил сестренку домой. Он работал на почте. Нам всегда казалось, что Уилкинсы богаты. По сравнению с нами, так оно и было.

— Откуда ты знаешь, что она моя сестра? — спросил я Роуна.

— Похожа на тебя.

Проходя мимо, Джулия мельком взглянула на Роуна. Его присутствие не смутило ее, она уже привыкла к бродягам. Сестренке было только девять лет, она была очень худенькой. Я безумно обиделся на Роуна,

когда тот сказал, что мы похожи, потому что считал ее невзрачной. Мне было одиннадцать.

Когда Джулия зашла в дом, мы с Роном подошли к крыльцу и сели на ступеньки. Вскоре мать позвала нас ужинать.

Теперь Роун ел вовсе не как бродяга. Правда, может быть, сэндвич, который он умял и молоко несколько перебили ему аппетит, и поэтому он не набрасывался на еду. Мать приготовила пирожки с ветчиной, и разбавила выделившийся сок водой, чтобы получилась подливка для картошки. Роун постоянно поглядывал на нее. К чему бы это. Для меня она всегда была красива, но я принимал это как должное, ведь это же была моя мать. Ее темно-каштановые волосы были зачесаны назад и стянуты в пучок на затылке. Зимой ее кожа была молочно-белой, но с приходом весенних работ в огороде становилась не такой бледной, и за лето делалась золотистой.

Роун уже представился ей и отцу.

— Откуда будешь? — спросил отец.

Поколебавшись на мгновение, Роун сказал:

— Омаха.

— Плохо там идут дела?

— Типа того.

— Сейчас везде плохо.

— Передайте, пожалуйста, соль — попросила Джулия.

Мать подала ей солонку.

— Еще картошки, мистер Роун?

— Нет, спасибо, мэм.

Джулия посмотрела на него через стол.

— Вы путешествуете вчёрную?

Он не понял ее вопроса.

— Она хочет спросить, вы ездите под товарными вагонами, так, чтобы вас не заметили кондукторы? — объяснил я.

— А. Ну да.

— Это не твое дело, Джули — сказала мать.

— Я же только спросила.

Мать испекла сливочный пирог с кокосом и положила каждому по большому куску. Роун попробовал и посмотрел на нее.

— Можно вас спросить, мэм?

— Конечно.

— Вы испекли этот пирог в дровяной печке? — он заметил печку, когда мы проходили через кухню.

— А где же еще — другой у меня нет, — ответила мать.

— Мне кажется — произнес Роун, — что одна из главных проблем человечества заключается в том, что люди всегда ищут чудеса там, где их нет, в то время, как настоящие чудеса творятся у них под носом, и на них никто не обращает внимания.

Ну кто мог ожидать от бродяги такой речи? Мы все так и замерли, уставились на него. Затем мать улыбнулась и сказала:

— Спасибо, мистер Роун. Это самый лучший комплимент, который я когда-либо слышала.

Мы закончили ужин в молчании. Потом Роун посмотрел сначала на мать, затем на отца.

— Я никогда не забуду вашей доброты. — Он встал из-за стола. — А теперь, с вашего позволения, думаю, мне пора.

Мы промолчали. Наверное, никто не смог придумать, что бы сказать. Мы слышали, как он прошел через кухню, как открылась и закрылась дверь черного хода. Мать сказала:

— Наверное, бродяжничество у них в крови.

— Так оно и есть — отозвался отец.

— Ну ладно, хорошо, что у них, а не у вас — мать посмотрела на нас с Джулией. — Джули, помоги мне помыть посуду. Тим, мне кажется, тебе надо делать уроки.

— Нам сегодня мало задали.

— Тем более, чем скорее ты за них возьмешься, тем скорее освободишься.

Я замешкался за столом. Джулия тоже. Тут было интереснее. Прогрохотал товарный поезд. Я ждал, когда он начнет замедлять ход, но поезд промчался мимо. В доме все задребезжало. Может быть, следующий остановится в Фэйрсбурге, чтобы отцепить или прицепить вагон, и Роун сможет на него сесть.

Отец сказал:

— Эмма, в понедельник на заводе начинают принимать виноград. Поэтому я снова выхожу на работу.

— Опять, допоздна...

— Ничего не имею против.

— Мистер Хендрикс сказал, что в этом году я опять смогу наняться к нему.

Можно будет начать на следующей неделе.

— Если повезет — сказал отец — в этом году удастся даже купить тебе газовую плиту.

— Необходимо купить слишком много всего, к тому же детям нужна одежда.

Осенью у нас всегда была масса денег — отец работал на винном заводе, а мать собирала виноград. В период разлива вина по бутылкам отец тоже работал на винном заводе, но в течение года это бывало всего несколько раз, и получалось, что в общей сложности он работал не больше трех месяцев в году. Но нам всегда удавалось свести концы с концами, потому что отец выращивал фасоль, кукурузу и помидоры на продажу. Ферма наша была маленькая, и большая часть земли была слишком холмистой для обработки, но того, что отцу удавалось-таки вырастить, хватало, чтобы мы не обнищали вконец и не попали в рабочий дом. Кроме того, мы держали корову и цыплят.

Мне хотелось оставаться за столом как можно дольше, да и Джулии тоже, но этот номер не прошел — мать повторила:

— Ступай делать уроки, Тим. Джули, давай убери со стола.

Пока отец не купил грузовичок, нам с Джули приходилось ходить в школу пешком. Потом он стал возить нас в город по утрам, но домой все равно забирал только в плохую погоду, утверждая, что прогулка пойдет нам на пользу. До покупки грузовичка нашим единственным транспортным средством была старая развалюха, все время ломавшаяся, которой отец не доверял настолько, чтобы возить нас в школу.

На следующее утро была очередь Джулии сидеть у окна в машине, и поэтому именно она заметила Роуна. На полдороги от фермы до города сестренка вдруг закричала:

— Папа, смотри — человек лежит под деревом!

Отец замедлил ход и посмотрел поверх ее головы.

— Да, что-то недалеко он ушел, — и мы двинулись было дальше, но внезапно отец надавил на тормоз.

— Черт, не оставлять же его так!

Вернувшись назад, мы вылезли из машины и подошли к дереву. Трава была мокрой от росы. Роун лежал на боку, натянув шапку на уши и подняв воротник пальто. Даже во сне он дрожал, потому что земля была холодной.

Отец толкнул его ногой, Роун проснулся и сел, все еще дрожа. К этому времени ему давно уже было пора найти себе местечко на поезде и находиться далеко отсюда.

Отец спросил:

— Решил задержаться в этих краях?

— Да, ненадолго, — кивнул Роун.

— Хочешь поработать?

— Да — если удастся найти работу.

— Считай, уже удалось, — сказал отец. — Недели на три-четыре. В это время года винный завод нанимает много народу. Платят там тридцать центов в час, а часов у тебя наберется достаточно. Это на том конце города. Сходи туда.

— Обязательно — ответил Роун.

Несколько секунд отец молчал. По выражению его лица я понял, что он принимает какое-то важное решение. И тут он сказал:

— Насколько я знаю, жить тебе негде, поэтому если хочешь, можешь до первой получки ночевать у нас в сарае.

— Вы очень добры.

— Возвращайся на ферму и скажи Эмме, что я велел приготовить тебе завтрак. Я отвезу детей в школу, а потом подброшу тебя до завода.

У отца было доброе сердце. Большинство людей просто проехали бы мимо, не обратив на Роуна внимания. Я думаю, его доброта и была отчасти причиной нашей бедности. Вот так и вышло, что Роун остался той осенью с нами.

У Роуна не возникло проблем с устройством на работу. Во время давящего сезона на заводе принимали всех. В выходные он ел с нами и спал в сарае, а в понедельник они с отцом залезли в грузовичок и отправились на работу. Мать дала каждому пакет с бутербродами и нашла где-то второй термос, чтобы дать и Роуну с собой горячий кофе. Вдобавок она положила каждому еще и по большому куску пирога, который испекла в воскресенье.

Домой они вернулись позже девяти. Их лица и руки были заляпаны виноградным соком, и вся одежда в пятнах. Во время давящего сезона отец всегда возвращался домой в таком виде. Он делал жмых на заводе, и управляющий сделал Роуна его помощником в этом году. Это была очень тяжелая работа, и за нее платили 35 центов вместо 30.

Я знал все о работе отца, потому что часто носил ему обед по субботам, а иногда и по воскресеньям; тогда я долго болтался там и смотрел во все глаза. Когда виноград поступает на завод, его вываливают из корзин, на конвейер и опрыскивают водой, а по конвейеру виноград подается наверх, в котлы. Там он варится до тех пор, пока не превратится в сочную массу из мякоти, кожицы и веточек. Затем эта смесь подавалась по толстым резиновым шлангам на первый этаж, где отец или кто-нибудь другой, выполнявший такую же работу, должен был открывать и

закрывать вентиль своего шланга и готовить виноград для прессовки — заполнять специальные оболочки, которые они с помощником укладывали на листы толстой фанеры. Когда заполненных оболочек набиралось достаточно, их подавали под пресс, где из винограда выдавливался весь сок. Неудивительно, что за такую работу компания платила по 35 центов в час!

Роун с отцом ужинали на кухне. Мы с Джулией стояли в дверях и смотрели, как они едят. Они смыли с себя почти весь сок, но ладони еще оставались синими. Мать наварила картошки и приготовила подливку из сушеного мяса. И опять испекла пирог.

Поев, Роун пожелал нам спокойной ночи и пошел в сарай. Отец сварганил ему постель на сеновале, и вдобавок дал свою запасную бритву бритву и старые рабочие штаны и рубашку, благо они с Роуном были примерно одного роста и сложения.

Мать вышла на уборку винограда уже на следующий день, и теперь большая часть домашней работы легла на нас с Джулией. Джулии это очень не нравилось, потому что она больше не могла дурачиться с Эми после школы. Ей приходилось кормить цыплят, а мне — доить корову. Должно бы вроде быть наоборот, потому что доить корову — это девчачье дело. Но так решила мать.

Прошло почти две недели, и отец с Роуном принесли домой первый заработок. Была пятница, и придя в тот вечер с работы, Роун положил на кухонный стол две десятидолларовые бумажки.

— Это за две недели, что я прожил у вас, — сказал он матери.

— Десять долларов в неделю за еду? Да Вы что! — воскликнула мать. — Пяти будет вполне достаточно! — Она взяла одну банкноту. Работа в виноградниках придала ее липу бронзово-золотистый цвет. Потом она взяла и вторую банкноту. — Считайте, что Вы оплатили еще две недели — если, конечно, намереваетесь остаться.

— Но даже 10 долларов в неделю — слишком мало! — возразил Роун. — Я бы заплатил и больше, но мне нужно купить кое-какую одежду.

— Мне бы и в голову не пришло брать с Вас 10 долларов.

Роун было заспорил, но мать проигнорировала его слова.

Вместо этого она посмотрела на отца и сказала:

— Нед, у нас же есть свободная комната, почему же мистер Роун до сих пор спит в сарае?

— И правда...

— Это совсем маленькая комнатка, — сказала она Роуну, — и матрас на кровати жестковат, но все же Вам там будет лучше, чем в сарае. После ужина Тим Вас туда проводит.

Роун так и застыл на месте, глядя на мать. Он не сажился, пока она не поставила подогретое на огне мясо на стол.

Когда Роун поел, я отвел его наверх, в его комнату. Она действительно была очень маленькой, и в ней не было ничего, кроме секретера и кровати. Роун вошел и дотронулся до матраса. Потом сел.

— Жестковато, да? — спросил я.

— Нет, — сказал он. — Мягко, как на перине.

Через две недели, получив первую зарплату за сбор винограда, субботним утром мать взяла нас с Джулией в город и купила нам новую одежду для школы. Еще она купила нам пальто и галоши. Отец занимался осенней распахкой, поэтому грузовичок вел Роун. Давильный сезон закончился, но ни Роун, ни мой отец еще не были уволены, и работали по

пять дней в неделю, охраняя склад с корзинами.

На нашу одежду и обувь ушла большая часть зарплаты матери, а деньги, заработанные отцом, были потрачены почти целиком на оплату школы и выкуп фермы из залога, и в результате мы остались почти такими же бедными, как и прежде.

Каждый месяц мать стригла нас с отцом, и, пока это доставляло ей удовольствие, приводила в порядок волосы Джулии. Но работа на винограднике заставила ее сбиться с графика, и у меня волосы уже начали напозать на воротник, а у отца — еще длиннее. Поэтому я не очень удивился, когда однажды воскресным днем, помыв с Джулией посуду после обеда, она позвала нас с отцом на кухню, и заявила, что настало время остричь пару медведей.

Мать поставила стул посреди кухни, достала ножницы и машинку.

— Нед, ты первый, — сказала мать, и отец опустился на стул. Обернув ему вокруг шеи старую простыню и заколов булавкой, мать принялась за работу.

Сначала она делала ужасные стрижки, и ребята в школе смеялись надо мной. Но это было уже позади, потому что теперь она научилась стричь лучше профессионального парикмахера. Когда стрижка была готова, отец выглядел совершенно другим человеком.

— Тим, теперь ты.

После того, как постригла меня, мать взялась за прическу Джулии. Хотя я всегда считал Джулию довольно невзрачным ребенком, но никогда не переставал восхищаться её волосами. Того же цвета, что и у матери, и такие же шелковистые на ощупь. На этот раз они отросли гораздо ниже плеч, и матери пришлось подрезать их почти на два дюйма.

Все это время Роун стоял в дверях кухни и наблюдал. Пасмурное зимнее небо в его глазах прояснилось. Закончив с Джулией, мать посмотрела на Роуна.

— Теперь Вы, мистер Роун.

Его волосы отросли вдвое длинней моих. Когда моя шевелюра становилась такой длинной, мать говорила, что я стал похож на музыканта, однако Роуну она ничего подобного не сказала. У него были волнистые волосы, и мать уложила их красивой волной на голове. Когда она закончила, невозможно было узнать в нем бродягу.

— Спасибо, мэм, — сказал Роун, когда мать сняла простыню. И добавил:

— Может, Вы спуститесь в гостиную, я здесь все приберу.

И мать последовала его словам. В тот вечер она наделала фаджа⁷, и мы сидели у радиоприемника и слушали Джека Бенни и Фреда Аллена.

В начале ноября похолодало. Мы с Джулией уже ходили в школу в своих новых пальто. Несколько раз были сильные заморозки, и последние задержавшиеся на деревьях листья спешили плавно опуститься на землю. Я все ждал и не мог дожидаться первого снега.

Джулия взяла в школьной библиотеке книгу под названием «Машина времени». Она все время читала книги, до которых еще не доросла, поэтому я не особенно удивился, когда однажды вечером она показала Роуну «Машину времени» и, спросив его, читал ли тот когда-нибудь эту

⁷ Фадж — мягкие молочные конфеты, типа ириса.

книгу, попросила объяснить, что там написано. Я не удивился и тогда, когда Роун сказал, что читал эту вещь.

Мы сидели в гостиной. Мать штопала носки, отец уснул. Джулия вскарабкалась на ручку кресла, в котором сидел Роун. Тот пролистал книгу.

— Джули, — сказал он — Уэллс взял капиталистов и рабочих своей эпохи, и сделал из них эллов и морлоков. Он заострил классовые противоречия и изобразил, во что они могут вылиться, если богатые будут становиться все богаче, а бедные — все беднее. Условия труда на заводах были в то время еще хуже, чем у нас сейчас. И большое количество заводов находилось под землей — не все, конечно, но достаточно, чтобы автору пришла в голову мысль поместить их все под землю.

— Но он же сделал рабочих людоедами!

Роун улыбнулся и сказал:

— Ну, я думаю, тут он хватил лишку. Но, Джули, Уэллс не стремился точно спрогнозировать будущее. Он писал книгу для того, чтобы привлечь внимание к тому, что происходило вокруг.

— Мистер Роун, а как Вы думаете, на что будет похоже будущее на самом деле? — спросила мать.

Роун замолчал. Затем он сказал:

— Знаете, мэм, если мы с Вами действительно поставим перед собой задачу предсказать будущее хотя бы с минимальной долей точности, в-первых, нам будет необходимо отказаться от слова «экстраполяция». Конечно, войны можно предсказывать без опаски — войны будут всегда. Но, с другой стороны, на то, о чем мы говорим, окажет влияние множество непредсказуемых факторов, поэтому нельзя строить долгосрочные прогнозы только на основе фактов, известных сегодня.

— А как Вы думаете, какие факторы могут появиться?

Роун опять замолчал.

Затем он сказал:

— Вот вы сидите здесь вчетвером, всей семьей — Вы, Ваш муж, Тим, Джули. И я, чужак, временно стал частью этой семьи. Семейная жизнь — это самая неотделимая часть нашей повседневной жизни. Если мы возьмемся предсказывать будущее, исходя только из этого, мы придумаем общество, в котором семейная жизнь осталась нетронутой. А теперь представьте, что объявились некие силы, о которых люди пока еще и не подозревают, и ослабили гармонию межличностных отношений, скрепляющую и эту семью и все остальные? Причем настолько, что семьи стали распадаться? В «Машине времени» Уэллс делает причиной разрушения семейной жизни исчезновение внешних опасностей, которые якобы единственно делали ее необходимой. Но скорее всего ее разрушат, наоборот, новые опасности. Представьте себе, например, что моральные устои, по которым живут люди, атрофируются. И что на смену старым отношениям придут новые. Я, конечно, не утверждаю, что современные мужчины и женщины святы, это далеко не так. Но факт остается фактом — разводы не так уж часты. Частично это объясняется тем, что некоторые из желающих развестись просто не могут себе этого позволить, но в большинстве случаев это не так. Люди продолжают совместную жизнь, потому что они того желают. Но предположим, что этот дух времени, *Zeitgeist*, переменится? Допустим, что люди захотят чувствовать себя полностью свободными, и в результате разводы станут обычным явлением? Все больше детей будут воспитываться в неполных семьях, или,

в случае повторной женитьбы, в двух разных семьях. Вы можете себе представить, какое это окажет воздействие на их представления о семейной жизни.

— Да разве что-нибудь может натолкнуть Вас на подобные мысли?

— Мэм, это я и имел в виду под непредсказуемыми факторами. Итак, развивая нашу предполагаемую ситуацию, продолжим. Крушение семейной жизни приведет к все возрастающему цинизму как со стороны родителей, так и со стороны детей. Институт брака будет упразднен, а с ним окончательно канет в прошлое и семейная жизнь. Тогда функции семьи примет на себя государство, и дети будут воспитываться не своими родителями, а в казенных учреждениях, и их мысли и поступки будут формироваться воспитателями, неспособными ни к любви, ни к привязанности. Картины семейной жизни, — он обвел рукой комнату — которые Вы, и Ваш муж, и Джули с Тимом принимаете как должное, могут отойти в прошлое и если не совсем забудутся, то им будет отведено не более важное место в истории, чем текущим ценам на куриные яйца.

Мать вздрогнула.

— Невеселую же картину вы рисуете, мистер Роун.

— Да, это очень мрачно. Но это начнется не завтра, и даже когда процесс потихоньку раскрутится, пройдет еще очень много времени, пока не сложится новое общество.

Роун протянул «Машину времени» Джулии.

— Здесь есть еще кое-что, чего я не поняла — сказала та. — А как ему удавалось путешествовать во времени?

Роун улыбнулся.

— Уэллс позабыл нам об этом рассказать, правда? Да он и сам толком не знал. Поэтому и наговорил всякой чепухи о том, что время — это четвертое измерение. В общем-то, с одной стороны это так и есть, но с другой — не совсем. У Уэллса путешественник во времени появляется в будущем в том же самом месте, откуда отправился в прошлое. Но ведь пока он мчался сквозь время, Земля могла успеть повернуться другим боком — ненамного, ведь путешествие длится недолго, но все-таки. Отправившись сейчас отсюда, путешественник объявился бы в будущем пятью сотнями миль западнее. Поэтому, чтобы вернуться в свое время в то же место, откуда он отправился, ему пришлось бы проделать путь в пятьсот миль на восток, чтобы попасть на это место, а потом еще в пятьсот миль на восток, чтобы компенсировать то расстояние, которое он потеряет, пока будет ехать назад.

Но на этом проблемы не закончатся. Перемещение во времени с большой скоростью может создать завихрение во временном потоке, и в этом случае путешественнику для того, чтобы вернуться, придется ждать, пока в прошлом (или будущем) не пройдет столько же времени, сколько прошло в настоящем. Ну и что там рассуждать, Джули, путешествие во времени — слишком сложная штука, чтобы его можно было предпринимать в одиночку, да и на простой машине, вроде описанной в повести, никуда ты не уедешь. Раз время тесно связано со светом, то для того, чтобы действительно предпринять путешествие во времени, потребуется фотонное поле, управляемое со стороны. С помощью этого поля оператор отправит путешественника в будущее или прошлое, а потом, когда тот компенсирует пространственно-временные потери, заберет его обратно.

Большую часть сказанного я так и не понял. Ясно, что Джулия

поняла и того меньше, но ее, похоже, такое объяснение устроило.

Роун встал.

— С вашего разрешения, пожалуй, пойду-ка я спать.

Джулия залезла на стул и поцеловала его на ночь.

— Спокойной ночи, мистер Роун, — сказала мать, и я вслед за ней. Отец все так же спал в кресле.

Первый снег выпал в середине ноября. Теперь мы с Джулией ходили в школу в новых галошах. Роун попросил у матери фотоаппарат, купил пленки и занялся фотографированием. Ни его, ни отца еще не уволили, но я знал, что это не за горами. Я боялся, что тогда Роун уедет, и знал, что Джулия тоже этого боится.

На одном из уроков учительница Джулии велела детям нарисовать открытки на День Благодарения⁸, и написать на них, за что дети более всего благодарны. Джулия принесла свою открытку домой, и показала матери, а мать — всем нам. Там было написано:

Я благодарна за:
Маму
Папу
Брата Тимоти и Роуна

На лицевой стороне открытки она нарисовала индюка, больше похожего на моржа, чем на птицу, раскрасив его в ярко-красный цвет. Мать повесила открытку на стену в кухне.

В День Благодарения у нас обедали дедушки с бабушками — с отцовской и с материнской стороны. Они недолюбливали друг друга, но мать была уверена, что уж в День Благодарения-то они ссориться не будут. Так оно и получилось, но я думаю, причиной тому был не День Благодарения, а объединение против общего, с их точки зрения, врага. Они крайне неодобрительно отнеслись к тому, что мы пустили в свой дом бродягу. И за едой, и после нее они смотрели на Роуна сверху вниз.

А в субботу утром во двор въехал грузовик мистера Хайби, торговца скобяными изделиями, и встал около двери черного хода. Мать вышла посмотреть, что нужно мистеру Хайби. Всю ночь шел снег, он был мокрым и липким, и мы с Джулией лепили во дворе снеговика. Отец ушел в город за мукой, которая была на исходе.

Роун, возившийся с трактором в сарае, вышел оттуда и подошел к дому. Мистер Хайби вылез из грузовика. Он был низеньким и тучным.

— Доброе утро, мистер Роун. Помогите мне занести ее в дом.

— Сначала надо старую вынести, — ответил Роун. — Тим, поддержи нам, пожалуйста, дверь.

Я так и сделал. Они вынесли из дома дровяную печь и поставили ее в снег, и на снегу она казалась еще чернее, чем была на самом деле. Мать стояла на крыльце и смотрела. Джулия — позади.

Мистер Хайби открыл кузов грузовика, и тут мы ее увидели.

— Поддержи дверь, Тим, — сказал Роун.

Они внесли новую плиту и поставили на пол на место старой. В лучах света, косо бившего из кухонного окошка, она сверкала, и от ее белизны

⁸ День Благодарения — официальный праздник в честь первых колонистов Массачусетса, отмечается в последний четверг ноября.

казалось, что она сама светится. Мать и Джулия без единого слова вслед за мной вошли внутрь.

Мистер Хайби вышел и отключил газ. Он занес на кухню шланги, вентили, насадку для шланга и гаечные ключи, и они с Роуном подсоединили плиту к газу. Потом мистер Хайби снова вышел, на этот раз включил газ. Он попрощался с нами, и Роун помог ему занести инструменты в машину. Мы услышали, как грузовик уехал. И тут же — как Роун идет назад.

— Это не к тому, что Вы плохо готовите, мэм, — сказал Роун.

— Я знаю, — ответила мать.

— Правую переднюю горелку надо бы укрепить. Я схожу в сарай за шестидюймовым хомутом.

Когда он вышел, я повернулся к матери. Я хотел сказать, как здорово, что мне не придется больше колоть дрова. Но я не сказал этого, потому что увидел, что мать плачет.

В следующую пятницу и отца, и Роуна уволили. Утром мы с Джулией сели завтракать с унылым видом. Мать приготовила овсянку, и не смотрела на нас, наполняя наши тарелки. Отец стоял, глядя в окошечко в двери на задний двор.

— А где Роун? — спросила Джулия. Она испугалась, что он уже ушел. Я тоже этого боялся.

— Он поехал в город. Он что-то там заказывал в литейной мастерской, и хотел забрать это на машине.

— А что он заказал? — спросил я.

— Не знаю. Он не говорил.

Мы так и не узнали, что это было, потому что, вернувшись, Роун ничего нам не сказал; что бы это ни было, должно быть, он спрятал это в сарае.

Прошли выходные и началась новая неделя, и поскольку Роун ничего не говорил об отъезде, мы стали думать, что он решил остаться. Вдруг в четверг вечером он спустился в гостиную и сказал:

— Мне пора двигаться.

Мы немного помолчали. Затем отец сказал:

— Тебе необязательно уходить. Можешь остаться у нас на зиму. Уверен, как только начнется сезон разлива, я смогу устроить тебя на работу.

— Мне надо идти не потому, что я остался без работы. На то есть... другая причина.

— Вы уходите прямо сейчас? — спросила мать.

— Да, мэм.

— Но ведь снег же идет!

— Нет, мэм. Перестал.

— Мы... Мы хотели бы, чтобы Вы остались.

— Я тоже хотел бы этого. — Голубизна исчезла из его глаз, но все же они были не такими пасмурно-серыми, как раньше.

Раздался гудок поезда. Казалось, сейчас он врежется прямо в дом.

— Я сделаю Вам сэндвичей в дорогу, — сказал мать.

— Нет, мэм. Не нужно.

На нем была его старая одежда.

— А Ваша новая одежда? — спросила мать. — Разве Вы не берете ее с

собой?

Роун помотал головой.

— Нет, я путешествую налегке.

— А куртка, Ваша новая куртка? Вам обязательно надо ее взять! В этом пальто Вы замерзнете!

— Нет, мэм. Не настолько уж холодно... Я хочу поблагодарить вас за вашу доброту. Я... — он запнулся, — я не знал, что были и такие люди, как вы. — Он опять замолчал, и на этот раз уже ничего не добавил.

Отец встал, подошел к Роуну, пройдя через комнату, и пожал ему руку. Мать поцеловала Роуна в щеку, и отвернулась.

— Тебе еще должны выплатить за неделю, — сказал отец. — Можешь оставить мне какой-нибудь адрес, куда можно будет выслать деньги?

— Я переписал их на тебя.

— Я не возьму их!

На губах Роуна мелькнула улыбка. — Тогда ты просто сделаешь богатого еще богаче.

Все это время мы с Джулией сидели на кушетке не в силах пошевелиться. Джулия оправилась от оцепенения первой. Она пробежала по комнате, подпрыгнула и обвила руки вокруг шеи Роуна. Тогда я тоже подбежал к нему. Роун поцеловал нас обоих.

— До свидания, ребята, — сказал он.

Джулия заплакала. Но я не плакал. Почти. Роун торопливо вышел из комнаты. Мы слышали, как открылась дверь. Слышали, как она закрылась. А затем наступила тишина, только Джулия продолжала всхлипывать.

В ту ночь я долго лежал в постели, прислушиваясь, не остановится ли какой-нибудь товарняк, но все поезда, которые я слышал, мчались без остановки. Пассажирские никогда не останавливались в городке ночью, только утром. Я слышал сквозь сон, как один из них пронесся мимо.

Утром я встал до восхода, и одевшись, накинул свое новое пальто и галоши, потому что на улице было холодно. Я пошел по следам Роуна. Они были ясно видны в утренних сумерках. Он пошел не к железной дороге; вместо этого он направился через поле в сторону города. Ярдах в ста от того дерева, под которым мы когда-то нашли его спящим, следы закончились.

Я стоял на морозе, а первые лучи солнца падали на землю. Там, где следы заканчивались, они отпечатались рядом; шедший остановился. Может быть, он даже стоял там какое-то время. Было похоже, что снег вокруг следов подтаял, а потом опять замерз.

Сперва я подумал, что Роун зачем-то прыгнул вперед на несколько футов, и пошел дальше. Но впереди снег был чист. Потом я решил, что он вернулся назад, ступая себе же след в след. Но если бы это было так, я наткнулся бы на другую цепочку следов, ведущую вправо или влево, а ее не было. И потом, зачем ему заниматься такой ерундой?

Он просто каким-то образом исчез в ночи.

Я еще постоял там, и вернулся домой. Матери я ничего не сказал про следы. Пусть она лучше думает, что Роун уехал на товарном. Ни Джулии, ни отцу я тоже ничего не сказал. Я просто похоронил воспоминание об этих следах в своей памяти, и только посмотрев в ящик, я извлек его оттуда.

Сначала я достал альбом. На первой странице было фото очень

красивой женщины — это была мать. Рядом была фотография симпатичной девочки и мальчика с волосами пшеничного цвета.

Под фотографией матери было фото высокого, худого мужчины — моего отца.

На других страницах были опять фотографии матери, Джулии, и мои. Еще фото нашего дома, и даже одно фото сарая. А еще — одно фото заснеженных полей, и одно — этого самого высокого холма.

Под альбомом лежала открытка с нарисованным на ней индюком, похожим на моржа. Я вспомнил, что она исчезла со стены кухни. Перевернул ее и снова прочитал:

Я благодарна за:
Папу
Маму
брата Тимоти и Роуна

Там же была пара носок, заштопанных матерью. Я нашел бритву, подаренную ему отцом. И наткнулся на тетрадь. В ней ничего не было написано. Вместо этого там лежали две пряди волос между страниц. Одна из них была темно-каштановой и шелковистой на ощупь. Другая — пшеничного цвета.

Наверное, когда Роун только появился здесь, его ограбили. Не думаю, что его отправили, не дав специально отпечатанных денег. И тогда от безденежья е, ту пришлось путешествовать вчёрную. И надо было ждать, пока не спрямится петля во времени, которую он создал; пока в будущем не пройдет столько же времени, сколько в прошлом.

Если бы мы его не приютили, он мог бы и с голоду помереть.

Должно быть, Роуну нельзя было ничего брать с собой отсюда в будущее. И должна была быть какая-то причина, по которой его отправили в прошлое. Может быть, просто чтобы узнать, какими были 1930-е, вроде как Армстронга, Олдрина и Коллинза отправили на Луну, просто чтобы посмотреть, какая она, Луна.

Я посмотрел на альбом и на открытку. На бритву и штопанные носки. На тетрадь, которую все еще держал в руках.

В какую же мрачную страну вернулся ты, Роун, что память о нас оказалась тебе так дорога?

Я аккуратно уложил содержимое ящика назад точно так же, как оно лежало, и закрыл крышку. С дороги Конрейл раздался стук колес товарного поезда. Я спросил Симмса:

— У Вас здесь есть паяльник и припой?

— Вы хотите запаять это обратно?

Я кивнул. Подрядчик не стал интересоваться мотивами моего решения.

— Паяльника у меня нет, — сказал он, — есть ацетиленовая горелка. — И повернулся к одному из экскаваторщиков:

— Дик, принеси припой и горелку, она не тяжелая.

Когда Дик вернулся с припоем и ацетиленовой горелкой, за дело взялся Чак Блэйн. На то, чтобы вновь запаять крышку, у него ушло всего несколько минут. Тогда Симмс повернулся ко второму экскаваторщику:

— Ларри, отнеси мистеру Бентли ящик вниз.

— Не надо, — сказал я, и положил ящик в яму, из которой его достали.

Надеюсь, Роун никто тут больше его не потревожит.
Я выпрямился и указал на бульдозер.
— И пусть бульдозерист ее закопает.

П.Е. Каннингем **Удовлетворение гарантировано⁹**

В отличие от серьезного рассказа «Сын Идущего Сквозь Огонь» («Сверхновая», № 1-2, 1996), «Удовлетворение гарантировано» демонстрирует иную грань дарования П.Е.Каннингема. Хотя и здесь интерес к фольклору очевиден.

Чиморелло снова был пьян. Когда-то давным-давно он обнаружил, что его рог способен здорово поддевать крышки пивных бутылок, и теперь нынешний наш запас был исчерпан. Я выругалась и сказала ему все, что я о нем думаю.

Чим пьяно засопел и попытался облизать мне лицо, при этом его рог чертовски близко прошелся от моего глаза, едва не проткнув его. Я шлепнула его по морде, машинально отпрыгнув в сторону, когда Чим повернул голову, чтобы воткнуть свой рог куда-нибудь еще, и пошла обследовать ущерб.

Четыре пустые бутылки были заботливо выставлены в ряд на подоконнике в нашей кибитке, а их крышки аккуратно лежали рядом. В конце ряда, спущенный и обмякший, висел мой запасной мех для вина, проколотый и осушенный вплоть до последней капли перебродившего виноградного сока. А я-то считала, что бурдюк надежно спрятан под койкой. Чим самодовольно икнул.

— Наслаждайся, пока можешь, — бурнула я, — потому что все закончилось и мы на мели. Если ты не заметил, дела идут плохо.

— *Чья в этом вина? Мы могли бы заразить стадо коз...*

— Я говорила тебе, что не хочу так работать.

Но идея начала соблазнять меня. Когда мы пришли сюда, долина выглядела многообещающе, она была густозаселенной и процветающей, маленький городок с одного конца и богатые возделанные поля под защитой укрепленного замка Лорда с другого. Там должно было быть очень много фермеров и горожан, готовых купить любовный амулет или узнать свою судьбу у странствующей колдуньи. Но нашлась только одна старуха с больными цыплятами, других клиентов как-то не было. Ничего удивительного, что Чим начал кутить. Я и сама была не прочь пропустить стаканчик.

— Эти люди слишком сыты и счастливы. Они не нуждаются в наших услугах. Возможно, стоит отправиться в путь, найти какое-нибудь место, где в нас будет больше нужды.

— *Как насчет того, что «забота о клиенте прежде всего»?*

— О каком клиенте ты говоришь?

Чим рыгнул и ткнул своим рогом в лес позади меня. Теперь и я услышала едва различимый, легкий звук шагов на тропинке и осторожный шорох тяжелого плаща, — его придерживали руки особы,

усердно старающейся остаться незамеченной.

— *Я бы на твоём месте надел личину,* — посоветовал Чим.

— Следи за собой, — ответили я и щелкнула пальцами в своей обычной манере, и воздух вокруг меня наэлектризовался. Любой посторонний мог бы увидеть теперь высокую, экзотическую женщину с по-змеиному темными глазами в простой черной мантии колдуньи, вместо худощавой девушки, которой на вид нет еще и двадцати, босой и, кроме всего прочего, в ночной рубашке. Единственное, что я не стала приукрашивать, были мои волосы, темные как водопад красного вина, за исключением одной пряди посередине, седой от корней волос до выющихся концов. Я осмотрела результаты заклинания в оконном стекле и улыбнулась. Наведение личины я довела до настоящего искусства и гордилась собой.

Чим вздохнул. Воздух переливался вокруг его тела как масло с легким мерцанием, что делало мою собственную личину вульгарной и натянутой. Возле кибитки теперь стояла упитанная рабочая лошадь, лениво помахивая своим длинным блеклым хвостом, и от нее явственно несло пивом. Мне пришлось даже прищуриться, чтобы различить настоящего Чима под этой внешностью.

— *Никогда не пытайся удивить единорога волшебством,* — сказал Чим, — *прибереги это для простаков.*

Он икнул и нетвердой походкой двинулся к краю поляны, оставив меня разбираться с вышеупомянутым простаком, который как раз выходил из леса.

За советом к колдунье приходят не только бедные фермеры и простые горожане. Через какое-то время вы приобретаете способность узнавать людей благородного происхождения под любым обликом.

Клиенту было лет четырнадцать, и это была девушка. Хотя ее плащ с капюшоном был запачкан и обтрепан, пальцы, крепко сжимавшие его, были длинными и нежными, поступь девушки под складками плаща — уверенная и гордая, ее лицо, насколько я смогла заметить, — с тонкими и благородными чертами. Выпрямившись, я расправила свою ночную рубашку в надежде, что иллюзия выглядит впечатляюще.

— Приветствую Вас, Леди. Какое дело привело Вас ко мне?

Она застыла на мгновение, удивившись, что я легко угадала ее происхождение.

— Я... Извините меня, э... — Не зная толком, как обращаться к колдунье, она приступила сразу к делу, — я пришла, чтобы попросить заклинание. Меня зовут...

— Не стоит.

Тайно купленные заклинания иногда приводят к кровавым междоусобицам, и я не могла позволить себе впутаться в это дело, не зная всех участников игры. Это то, чему учатся на собственной шкуре.

— Природа заклинания? — спросила я.

— Э... отворотное, я полагаю. Мне нужно отпугнуть единорога.

В этот момент голова Чима резко мотнулась в сторону, что вызвало у него пьяную отрыжку. Девушка изумленно взглянула за мое плечо.

— Что случилось с вашей лошадью?

— Плохое питание. Но к чему Вам отпугивать единорога? Я полагала, что девушка должна желать обратного.

— *Разбежалась,* — сказал Чим.

— *Заткнись.*

Девушка продолжала говорить.

— Мой отец — владетельный лорд этой долины. Он обручил меня с сыном лорда соседней долины по своей воле, чтобы закрепить союз, которого он добивался. — Отвращение исказило нежные черты ее лица. — Толстый самовлюбленный болван! Индюк надутый. Не то, что мой Таман Редфалькон... — Она поспешно закрыла рот руками.

— Ваш настоящий возлюбленный, — сказала я сухо. Догадаться нетрудно.

Девушка, убрав ладони ото рта, продолжила:

— Дворянский сын, правда, мать его была, ну, вы знаете. Впрочем, неважно, — торопливо сказала она. — Я считаю, что вины Тамана в том, что делала или делает его мать, нет. Таман — это единственное, что имеет для меня значение.

— Я полагаю, Ваш отец не одобряет.

— По его словам, кровь Тамана недостаточно чиста. Вот почему он навязал мне эту помолвку во время зимнего пира. И перед всем людом я не смогла отказать. Он хочет, чтобы я должным образом вышла замуж, прежде, чем Таман и я... — Тут она остановилась, и видимая часть ее лица покраснела от ярости.

Я кивнула. Она была симпатичной девушкой в том возрасте, когда они перестают задавать вопросы и начинают действовать.

— Вы и Таман, разумеется, не...

— Ни в коей мере, — она была оскорблена. — Вы что, считаете меня какой-то уличной девкой? Я намереваюсь сохранить свою невинность для моего будущего мужа.

Тут Чим зашевелился позади меня. Он сунулся мордой к девушке, которая, пискнув, отпрянула.

— *С ней все ясно*, — объявил Чим. — *Она девственна, не сомневайся.*

Я шлепнула его по носу, и он удалился, бормоча. Я погрозила ему кулаком за своей спиной.

— Вы пришли ко мне за заклинанием, — напомнила я.

Девушка отрывисто кивнула.

— Отец планировал свадьбу на этой неделе, пока идет праздник весны. Один из обычаев, который мы неукоснительно соблюдаем — обряд призыва единорога.

Уши Чима заинтересованно дернулись.

— *И что, уже пора?*

— *Успокойся*, — прошипела я. Кусочки головоломки сходились. — И как дочь лорда и будущая невеста вы избраны его призвать.

— Но если единорог отвергнет меня, тот, с кем я обручена, решит, что я не чиста и откажется от помолвки, — сказала девушка и горячо закончила, — тогда я буду вольна выйти замуж за Тамана, когда он попросит моей руки, чтобы «спасти» меня от скандала. Отец не осмелится сказать «нет».

— *Хорошенький поворот*, — сказал Чим, — *подлость и низость. Это мне по душе. Скажи ей нашу цену.*

— *Минутку.* Единороги редки. Предположим, он не появится?

— О, вы достанете его, я уверена, — сказала девушка весело. — Вы ведь колдунья. Уж наверняка вы сможете раздобыть единорога. Они такие бесхитростные звери.

— Верно, — согласилась я, покачнувшись от толчка Чима. — А как насчет вашей репутации? Если единорог публично отвергнет Вас...

— Мне наплевать, что они подумают. Таман знает, что я невинна. Мне ведь частенько приходилось давать ему по рукам.

Она сложила ладони на груди.

— Так вы продадите мне заклинание?

— *Сдери с нее побольше*, — возмущенно прорычал Чим, — *«бесхитростный зверь»*, сказала тоже!

В этом мы с ним сошлись. Я назвала высокую цену.

— Приплата за единорога, — объяснила я.

Девушка и не подумала торговаться. Она достала кошелек из глубоких складок своего плаща, и внушительные размеры мешочка заставили меня пожалеть, что я не утроила цену. Но едва я потянулась за ним, девушка быстро отдернула руку и снова спрятала кошелек.

— Сначала заклинание, — потребовала она.

Не так наивна, как казалось.

— Подождите здесь, — сказала я и полезла в фургон. Я вернулась минутой позже и передала девушке вытянутую склянку из непрозрачного стекла, закупоренную темной пробкой.

— В утро обряда, — велела я, — помажьте немного меж грудей. Единороги не выносят этот запах. Они еще долго будут шараться от вас.

Она подозрительно понюхала пробку.

— Пахнет розами.

— Если вы предпочитаете пахнуть как мухомор, то я могла бы приготовить другое...

— О нет! Это вполне подойдет. — Она запрятала склянку в глубину плаща и тщательно отсчитала мой гонорар. — Вы уверены, что это сработает?

— Я буду там, чтобы убедиться собственными глазами. Тайно, разумеется.

— Конечно. За такую цену я надеюсь получить полное удовлетворение. Могу себе представить лицо отца! Он надеется продать меня, как козу для случки, правда ведь? Это его хорошенько проучит! — На мгновение явное злорадство промелькнуло в ее глазах. Она справилась с собой и неуклюже присела в быстром реверансе.

— Благодарю Вас, э... — Она повернулась и поспешила назад, снова закутавшись в плащ.

— *Во всех отношениях восхитительная девушка*, — заметил Чим.

— Ее деньги говорят сами за себя, — я взвесила монеты на ладони. Они издавали приятный звон. — Этого хватит тебе на пиво, по крайней мере, до летнего солнцестояния.

Чим нетерпеливо икнул.

— *Что ты ей дала?*

— Немного моего масла для ванны. Ну, тебе ведь оно никогда не нравилось.

— *От запаха роз я чихаю.*

Тут до него дошло, о чем мы говорим, и уши Чима уныло опустились.

— *Выходит, я должен впрячься в это дело?*

— Хочешь пива — придется. Я обещала той девушке единорога, и до праздника «раздобыть» я могу только тебя. Ты в силах продержаться трезвым все утро, чтобы произвести должное впечатление на знать долины?

Возмущенный Чим гордо тряхнул головой.

— *И после всего, что было, ты еще сомневаешься во мне? Верь в*

меня, Джоэлла...

Рабочая лошадь исчезла. Я изумленно ахнула. Передо мной стоял не Чим, а безупречный единорог, гордый и величественный, с длинным спиральным рогом, пылающим волшебным светом — серебристое видение в жемчужной предрассветной мгле.

Видение громко испортило воздух.

— *Верь мне всегда*, — поправил себя Чим.

С Чимом я познакомилась года три назад, на залитой лунным светом поляне в лесу, где, по слухам, кишмя кишели злые духи. Мне не было и пятнадцати лет, и я была совершенно одна, убежав из дома, от отчима, который изнасиловал меня, а потом обозвал проституткой и колдовским отродьем, не годным даже для продажи в бордель.

Я заблудилась в лесу и рискнула выйти на поляну, где увидела единорога, прислонившегося к стволу дуба, в точности такого, каким он представлялся мне в мечтах. Я замерла от восхищения. Единорог поднял голову и пристально посмотрел на меня томными серебристыми глазами, а затем рыгнул — пьян в стельку. И с тех пор мы вместе.

Видите ли, девушке моего происхождения поневоле приходилось выбирать между двумя путями в этом мире. Перспектива свадьбы вовсе не привлекала меня, и, будь я проклята, если выберу другой путь.

Чим предложил третий вариант. Сам Чим не вписывался ни в одну из историй о единорогах, которые я когда-либо слышала. Он ценил не только пиво, но и дружеское общение. Я предоставила ему и то, и другое, и в ответ Чим научил меня магии. Мне было удивительно, отчего этот единорог привязался ко мне, ведь я не была девственницей, но по словам Чима, его такие тонкости не интересовали.

Было несложно отыскать место проведения Праздника Весны в Долине — стоило только выйти на дорогу и следовать за толпой. На мне была личина деревенского батрака: мешковатая куртка, скрывшая мою фигуру, домотканые рабочие штаны и стертые башмаки, волосы заколоты под ветхой соломенной шляпой.

Заклинанием иллюзии навела еще пробивающийся пушок на подбородке. Простенько и полезно; и то, что у меня маленькая грудь, оказалось кстати.

Чим принял вид рабочей лошади и шлепал ровно, хотя я не была уверена, была его твердая походка частью иллюзии или нет. Легендарная грация единорога, мое больное место!

Чим чихнул, с вождением взглянув в сторону винной лавки.

— *Только одну кружку*, — попросил он.

— Потом. Ты обещал оставаться трезвым до окончания обряда. Так что постарайся смириться с этим и веди себя как лошадь. Я хочу оглядеться.

Чим мысленно пробормотал слово, каких, по моему мнению, единороги знать не должны. Как только он приблизился к частоколу, где было привязано несколько лошадей, манеры его изменились. Голова Чима поднялась, походка стала игривой. Кобылы. Я тяжело вздохнула и вознесла молитву ко всем известным мне богам, ибо это было сейчас совсем некстати. Чим же всегда был не прочь.

Оставив Чима развлекаться, я отправилась осмотреться. Мне всегда нравились весенние праздники. В эти дни все собираются пообщаться и похвастаться своим ярким новым платьем и сбросить последние следы холодной тоскливой зимы. Я стащила у какого-то джентльмена кошелек и

купила себе браги и жареную индюшачью ножку, отложив на обещанное Чиму пиво. Почему бы мне не наслаждаться этой поездкой, даром, что она деловая?

И тут взгляд мой упал на плащ, точнее на вышитый там герб: на темном серебристом фоне ярко-красная соколиная голова. У обладателя плаща было открытое веснушчатое лицо шестнадцатилетнего мальчика и копна одуванчиково-желтых волос. Любимого моей клиентки звали Редфалькон. Может это как раз он? Сейчас выясним! Я подошла к нему, и, заметив «жарковато сегодня», предложила ему промочить горло.

— Я не должен принимать... — сказал он, — если отец поймает меня за этим...

Оглядевшись украдкой вокруг, юноша убедился, что отца поблизости нет и довольно скоро мы уже передавали бутылку туда-сюда и болтали как старые приятели.

Выяснилось, что его отцом был сэр Джеррод Редфалькон, экс-солдат, превратившийся в арендатора у Рональда, Лорда долины. Стало быть, это и был пресловутый Таман. Он оказался славным дружелюбным пареньком, не прочь поболтать с неотесанным селянином, в отличие от большинства молодых людей его круга. Вскоре я подвела разговор к вызову единорога. Таман с радостью откликнулся на это. К югу от нас тянулось огромное поле луговых цветов, ограниченное с востока лужайками для пикника, а с запада подступал лес.

— Леди Элси будет петь Призывную Песнь, — сказал он. Лицо Тамана засветилось Будто солнышко призывно выглянуло из-за туч. — Вон она!

— Кто?

— Леди Элси. Вон там. Девушка в зеленом.

«Зеленое» — было слишком бедным словом для ее платья.

Оно было скорее изумрудным, воплощенное лето. Должно быть, ее отцу оно стоило порядочно. Ее восхитительные волосы горели медью, они были длинные и искусно уложенные, как полагается будущей невесте.

Несколько девушек, перешептываясь и хихикая, помогали ей вплетать в них весенние цветы. Именно это личико скрывалось под капюшоном ночной гостьи.

— Впечатляет, — вынуждена была я согласиться.

Да, парень влюбился по уши. Из уважения к юношеской любви я отдала ему то, что оставалось в бутылке. Он осушил ее до дна и вздохнул.

— Матерь Божья! Если бы она не была влюблена в моего брата...

Я вытаращила глаза.

— Твоего брата?

— В моего старшего брата, Тамана. Понимаете, они любят друг друга, но лорд Рональд этого не одобряет, потому что наша мама — ну, неважно. В общем, из-за этого он обручил Элси с Квайджем, этим прокисшим болваном. О, кстати, меня зовут Клариен.

Мы пожали друг другу руки. Я не сказала своего имени, а он не спросил. Мысли Клариена были целиком заполнены Элси.

— Таман говорит, что у нее есть план, как расстроить помолвку. Надеюсь, он сработает. Мне хочется, чтобы они были счастливы.

Он ссутулился под плащом от тяжести невысказанных мечтаний. Я чуть было не обняла его по-сестрински, но, вовремя вспомнив о своей личине, вместо этого дружески потормошила его. Клариен едва заметил.

— Посмотри на нее. По сравнению с ней все прочие так невзрачны. Будь она звездой, она бы превратила ночь в день...

Я сдалась.

— И впрямь, сияет ярче всех, — согласилась я. — Пойду-ка взгляну на мою лошадь. Удачи твоей леди.

Я вернулась к ограде, чтобы сориентировать Чима на местности. Он стоял поодаль от лошадей, держа на весу заднюю ногу. К противоположному концу ограды была привязана стройная соловая кобыла, которая прижала уши и обнажила зубы, когда Чим поднял голову, приветствуя меня. Он проследил за моим взглядом, но не предложил никаких комментариев.

— *Ну как?*

Я описала обстановку.

— Наша девушка — рыжая в зеленом платье вот с таким вырезом. Позволь ей спеть строфу или две и потом выходи из зарослей. Лучше, если ты отправишься туда прямо сейчас, на всякий случай. Я позову тебя, когда придет время.

— *Не забудь про пиво,* — сказал Чим и ушел, далеко обогнув соловую кобылу.

Я потратила еще одну монету на лимонад и последовала за течением толпы, через всю длину праздничной площадки к полю, чтобы там дожидаться начала представления.

Представление — подходящее слово для Призыва единорога. Возможно, этот обряд имел когда-то свое применение, когда было больше лесов, и, следовательно, больше единорогов, а теперь он не более чем традиционное извинение для проведения праздников в долинах. В наши дни это больше похоже на торговую ярмарку, где благородные ничтожества выставляют напоказ своих дочерей и стараются помочь папенькиным дочкам захомутать богатого мужа. Девушки щеголяют в своих лучших, наиболее откровенных платьях, что вызывает возмущение матерей и шуточки молодых людей, отцы говорят о делах за кружками глинтвейна, и к весеннему обряду в следующем году уже есть новое поколение, готовое перенять традиции. Появление настоящего единорога выглядело бы даже неуместно.

Уже собралась порядочная толпа, и пледы, обильно заставленные снедью, были расстелены на нежной весенней травке. Повинуясь импульсу, я ранила разыскать Клариена, и пристально рассматривала толпу в поисках малинового сокола. Вместо одного я увидела трех: Клариен стоял слегка позади нарядного ухмыляющегося юноши и старого канюка со сломанным носом, чей наряд и чувства были в некотором беспорядке. Таман и сэр Джеррод, все мужчины клана Редфальконов. Клариен заметил меня в тот же момент и неистово замахал мне, что вызвало большое неудовольствие отца и презрительную насмешку брата, после чего они не удостаивали больше меня своим вниманием. Но Клариен с энтузиазмом схватил меня за руку и втащил в их круг.

— Ты как раз вовремя, — сказал он. — Они готовы начать Призыв. Вон уже показалась процессия из замка.

Я посмотрела, куда указывал Клариен. Публика расступилась, чтобы образовать проход, по которому промаршировала пара дородных стражей, древки их копий были увиты цветами. Они выступали по обе стороны от огромного человека, чья рыжая шевелюра пламенела тем же самым оттенком, что и волосы леди Элси, и чье иссеченное шрамами лицо достойно смотрелось в сочетании с изношенным, но по-прежнему справным мундиром. Следом за ним вперевалку двигался толстый

коротышка с одутловатым бледным лицом в великолепных шелковых одеждах, в накидке ядовито-зеленого цвета до тошноты пышно отделанной, к тому же пальцы этого юнца были унижены кольцами. Их личности я могла угадать: впереди шествовал лорд Рональд, отец Элси, позади него — наследник Квайдж, ее суженый. Эти двое заняли позицию на краю поля, где внешне небрежно, но на самом деле продуманно, была расставлена охрана.

За ними, сопровождаемые особым отрядом стражников, пришли и девушки.

Клариен ткнул меня в ребро локтем, едва не задев грудь.

— Вон она! — закричал он. — Это леди Элси!

Несомненно; вы не смогли бы не заметить ее сияющую головку. Она шествовала медленным царственным шагом, в сопровождении многочисленной свиты, хорошо сознавая, иго она, и только она одна была в центре внимания. Элси несла в нежной ручке корзину свежесрезанных цветов и небрежно помахивала газовым шарфом зевакам. Девушки позади нее хихикали и флиртовали с ухмыляющимися парнями из толпы, но Элси не одарила восторгающихся ею людей даже взглядом. Лучшее напоследок.

Подойдя к краю площадки, она почти остановилась. Квайдж выпрямился и постарался втянуть пузо. Элси удостоила своего суженого одним коротким испепеляющим взглядом, потом полностью повернулась к нему спиной, чтобы даровать ослепительную улыбку Гаману Редфалькону. Таман расплылся в ответной улыбке. Вы бы видели, какое непрошибаемое самодовольство выражало его лицо. Элси позволила своему шарфу упасть; он опустился к ногам Тамана. Тот ловко подхватил его и поднес к губам. Толпа загудела.

На Квайдже лица не было, так это его задело. Зато лорд Рональд побагровел под цвет волос. Он не осмелился бы закатить сцену перед своими подданными, что Элси было хорошо известно, но свирепый взгляд, который он остановил на ней, обещал «вот-ужо-вернемся-домой-юная-леди». Элси метнула ему злобную улыбку, когда проплывала мимо. Температура вокруг нее упала на добрых десять градусов.

Клариен принялся приветственно махать, как только Элси показалась; теперь же его рука потеряла силу и, наконец, безвольно повисла.

— Она даже не взглянула на меня, — сказал он ни к кому не обращаясь.

— Возможно, она не заметила тебя в толпе, — сказала я, — не унывай. На свете так много девушек.

— О нет. Всем им далеко до нее. Перед ней и весна бледнеет как зима, и лето...

Я отключилась от звука его голоса и попыталась нащупать Чима. Его присутствие вспыхнуло в глубине моего сознания подобно серебряной звезде.

— Ты готов?

— Давно уже, — кисло ответил Чим, — Хорошо бы пофлиртовать между делом. Здесь в чаще зябко.

— Не кидайся с места в карьер. Позволь ей спеть одну строфу. Или половину, если у нее нет голоса. За это получишь две бутылки пива.

— Три, — настоял Чим, и я вынуждена была согласиться с ним, или же он угрожал не показаться вовсе. Серебряная звездочка померкла, едва

Элси запела.

Она пела не так уж плохо, слегка визгливо по молодости, но слушать было можно. Чего нельзя сказать о самой Призывной песне, елейной до тошноты. Элси же выжимала каждую каплю сиропа из слов, восхваляющих неземные достоинства непорочности. Я поглядывала на мужчин, следивших за каждым ее вдохом с весьма сомнительной чистотой побуждений.

Хвала богам, первый стих подошел к концу. Элси глотнула воздуха, чтобы через секунду шпарить дальше. Несколько почтенных лордов подались вперед.

Потом взвизгнула женщина.

На краю поля стоял единорог.

Публика отреагировала, как должно: возгласы удивления, перекошенные от неприкрытого ужаса лица, вздохи благоговейного страха.

Девичья свита Элси кинулась прятаться под мамины юбки, хотя сами мамы, да и папы были потрясены не менее сильно. Клариен застыл рядом со мной как истукан, издавая булькающие звуки.

Потом, так же быстро, как и поднялась, паника начала ослабевать. Люди затихли, очарованные. Серебристый спиральный рог, львиный *хвост*, грива, вкупе с пивным пузом; создание, которое они призывали веками, наконец прибыло.

Единорог двинулся к Элси. Та стояла не шелохнувшись и ничуть не выглядела удивленной; в конце концов, она заплатила за это хорошие деньги. Элси поставила свою корзину с цветами на землю и простерла руку навстречу единорогу. Наступила гробовая тишина. Клариен задержал дыхание.

Внезапно единорог остановился как вкопанный. Он вздернул голову, затем неистово затряс ею. Громкий чих отозвался эхом в моем мозгу. Единорог попробовал двинуться вперед и снова чихнул, да так сильно, что искры брызнули у меня из глаз. Взвизгнув, единорог встал на дыбы, завертелся и, чихая на ходу, поскакал галопом к лесу, оставив отвергнутую Элси в центре поля. В наступившей тишине можно было услышать, как зудит комар.

Какие-то несколько секунд.

— Ты... ты двуличная змея!

Это было произнесено высоким пронзительным голосом, который, как я обнаружила, принадлежал наследнику Квайджу. Взрыв был адресован лорду Роннальду.

— Неудивительно, что ты так горел желанием женить меня на... на своей дочери. Ты знал, что она не... не...

— Один момент! — запротестовал Рональд. Он выглядел больше сконфуженным, чем злым, — Элси была под присмотром с того времени, как достигла определенного возраста. Ее репутация безупречна. Дуэнья ручается за ее девственность. Она...

Но Квайдж был неумолим. Он негодовал на Рональда с обидой праведника, будто в недостатке моральных качеств у Элси виноват был исключительно ее отец.

— Стараетесь... стараетесь выкрутиться, милорд? Подсовываете подпорченный товар? Ну, вы можете забыть о нашем... нашем союзе, и о чем-либо еще, вы... вы... вы...

Не найдя достаточно гнусного оскорбления, Квайдж закончил

тираду, щелкнув пальцами своей охране и вперевалку зашагал прочь от Лорда долины, трясая своим обширным задом.

Потом поднялся гомон, сотни голосов сразу, резкие, удивленные, но большинство полные злобы. Некая вдова с высокой прической в дорогом атласе, отпустила грязный комментарий насчет Рональда, светясь злобным удовлетворением. Это я уже посчитала сигналом, что пора двигать. Подав знак Чиму встретить меня у изгороди, я смешалась, незамеченная, с толпой.

Посреди хаоса, царившего у меня в мозгу, выделялись, по крайней мере, две вещи: убитое выражение на лице Клариена и сладкая, безмятежная, абсолютно бессердечная улыбка на губах леди Элси.

Я отвлеклась по дороге, чтобы купить Чиму обещанные три бутылки пива, стянула четвертую, только чтобы не терять форму, потом стащила пару свиных отбивных на обед. Чим прикончил одну бутылку по дороге, а остаток — когда мы добрались до дома. Когда я пошла спать, он горланил шумную версию Призывной Песни. Я проверила свой тайник, и нежно похлопала по выпуклому боку кошелька Леди Элси. На эти деньги вполне можно позволить себе новый тюфяк на койку, и при этом еще останется достаточно на пиво Чиму и на летнее платье мне — пожалуй, винного цвета, под стать волосам. Ну, ладно, решу это утром, когда мы двинемся в путь и оставим долину позади.

К несчастью, игроки и странствующие ведьмы могут вам рассказать, что жизнь не всегда складывается так, как ты рассчитываешь.

Меня разбудил громовой, требовательный стук в дверь кибитки. Еще не проснувшись, я было решила, что это Чим лягает дверь, требуя еще пива, но нащупав его, получила сонный ропот в ответ; Чим — единственное создание, из тех, что я знаю, кто может рыгать ментально. Похмелье Чима отозвалось горячим всплеском боли у меня в мозгу.

— *Ик. Джоэлла. Уйди.*

— *Кто стучит в дверь?*

— *Откуда мне знать? Иди и открой.*

Чим прервал контакт. Проклиная все на свете, я выползла из кровати и двинулась наощупь к двери, с треском ударившись локтем о буфет, когда пыталась натянуть платье. Стук, пожалуй, стал громче. Ничего страшного там быть не могло; даже застигнутый врасплох, Чим предупредил бы меня. Кибитку сотряс тяжелый удар, за которым последовала сочная мысленная ругань, так как Чим, врезался в стену, отправившись выяснять причину шума. Удивление отрезвило его.

— *Ну, выглядит как Ее Светлость.*

В этом я и убедилась, когда открыла дверь. Там, в предрассветной темноте стояла леди Элси, кутаясь от простуды в свой плащ, и дрожа не от холода, но от ярости. Она молча и пристально смотрела на меня в течение нескольких секунд. Когда она меня видела последний раз, я была высокой чародейкой, а не тощим ребенком со встрепанными волосами, только что поднятым с постели. Меня выдавали мои волосы; Элси узнала седую прядь. Ее губы сложились в гримасу, которую я однажды видела на лице убитого тролля.

— Обманщица! Мне следовало знать. Знаешь ли ты, что ты со мной сделала?

Меня это не особо волновало.

— Я продала вам заклинание. Оно сработало. Чего вам еще нужно?

— Лгунья! Надо было мне слушать истории менестрелей. Ведьмы

выполняют условия сделки только своим собственным вывернутым способом. Я должна была знать, что тебе нельзя доверять, тебе и твоему фальшивому единорогу!

Она ткнула рукой в Чима, который стоял рядом с кибиткой; сонный с похмелья, он не позаботился о своей личине рабочей лошади. Его рог вспыхнул от возмущения.

— *Не может даже узнать единорога, когда видит его. Та еще девственница.*

— *Заткнись. Это серьезно.*

— Заклинание прошло отлично, — попыталась я указать.

— Так-то оно работает, — зашипела Элси, — твой «единорог» отверг меня. Люди говорят о моем отце насмешливо, как я и надеялась. Эта толстая свинья Квайдж расторг помолвку, как я и хотела, но Таман...

Она привела себя в восхитительную ярость.

— Что Таман? — спросила я.

— Он *ударил* меня! — завизжала она. — Я пришла к нему после всего и он дал мне пощечину, назвав меня развращенной лживой сучкой, не лучше обыкновенной уличной девки...

— *Надежный парень,* — заметил Чим, — *разве не замечательная любовь?*

Игнорируя Чима, я постаралась поговорить с Элси, но ее уже понесло.

— Он сказал, я предала его, и я поклялась, что нет, но он не поверил мне, *никто* мне не поверит, и почему они это должны делать, когда единорог даже не дотронулся до меня, и теперь Таман не возьмет меня, ни один человек меня не возьмет, я погибла, и это твоя вина, и...

Я шлепнула ее разок прямо по губам. Она заткнулась, и ее зеленые глаза стали огромными как луна.

— Вы получили, что просили. Единорог отверг вас. Все это я гарантировала. Всё прочее — ваши проблемы.

Ее глаза зажглись чистейшим бешенством.

— Ты исправишь это, — завизжала она на меня, — ты заставишь Тамана полюбить меня снова, или я...

— Идите домой, — сказала я, захлопнув дверь у нее перед носом, и вернулась на кровать. Я собиралась соснуть еще часок или около того, а потом мы с Чимом убрались бы отсюда ко всем чертям. Я рухнула на койку и рывком натянула одеяло на голову.

Элси по-прежнему неистовствовала снаружи. Ее резкие крики пронизывали тонкие стены кибитки.

— Я скажу своему отцу, лорду Рональду! Я скажу ему, что в лесу ведьма! Он пошлет сюда стражников поймать тебя, и тебя *повесят!*

Я резко села на койке, как громом пораженная. Дело принимало нешуточный оборот. Даже в городах, охота за ведьмами лихорадочно вспыхивала время от времени, делая те края смертельно опасными для молоденьких незамужних женщин. И если лорд Рональд решится предпринять такую охоту, чтобы отмыть свою дочь от позора...

Я бросилась к двери. Элси приветствовала меня ухмылкой опытной интриганки.

— Ну хорошо, — рывкнула я на нее, — чего ты хочешь?

— Удовлетворения. Любви Тамана и публичного унижения отца. Исправь свою ошибку, или...

Мне определенно не нравился энергичный блеск ее глаз.

— Мы с тобой в одной лодке — несовершеннолетней девушке негоже вступать в сговор с колдуньей. За это преступление бичуют, если не вешают.

Леди Элси начала сосредоточенно изучать свои ноготки.

— Кто этому поверит? — сказала она. — Особенно, когда я заявлю, что именно колдунья отвратила от меня единорога.

Дважды черт побери... А я-то думала, что в ее возрасте девушки должны быть глупее.

— Ну, ладно, я подумаю, что можно сделать.

— До захода солнца.

— Если тебе нужны чудеса, иди к священнику. А я всего лишь обычная колдунья.

Элси подумала с минутку.

— Хоршо, до окончания праздника, завтра ночью, — снизошла она, — ты все исправишь, или я вернусь с отцовскими стражниками.

— *Ну что за прелестная молодая девушка,* — сказал Чим после ее ухода, — *наверное, у нее в роду были гарпии. Мне бы следовало ее затоптать.*

— Хорошо, что ты этого не сделал. У нас и так хватает проблем.

— *Так что же нам делать?*

— Что делать? Брать ноги в руки. Если мы сейчас снимемся, то сможем оказаться за пределами владений Рональда уже сегодня ночью.

— *А потом?*

— А потом... о дьявол! — я тяжело опустилась на ступеньки кибитки. — Ты прав. Эти люди сидели взаперти всю зиму. Они с удовольствием включатся в охоту на ведьм, чтобы поразвлечься. Допустим, мы убежим, и тогда они начнут вешать шлюх и старых вдов и любую женщину, которую поймают на дороге. Я не хочу брать такой грех на душу. Какие-нибудь другие идеи есть?

— *Мы могли бы поговорить с Таманом,* — серебристые глаза Чима засветились, — *ты могла бы сыграть роль Карающей богини.*

Я тяжело вздохнула.

— Чим, я *ненавижу* образ Карающей богини. Это дешевка. Кроме того, от этого у меня болит голова.

— *Ну, это еще что,* — сказал Чим, — *тогда можешь попробовать каково качаться в петле.*

Трижды черт побери. Я встала.

— Пойдем говорить с Таманом.

Особняк Редфальконов, когда его начали строить, задумывался как дворец. Вычурный и кричащий, задохнувшийся в обильном до безвкусицы орнаменте, он возвышался на пол-этажа над своими ближайшими соседями. В этом не было особой хитроумности, так как городской дом Редфальконов находился на краю богатой части города, почти совсем рядом с приземистыми, грязными лачугами бедняков. Дома же более состоятельных горожан надменно взирали на него с высоты своих крыш.

Чим и я в личинах пришли в город и провели день, исследуя подступы к дому Редфальконов. Когда ночь затемнила улицы, мы приступили к делу. Чим легко проплыл над высокой каменной стеной, хотя приземлиться мог бы и помягче.

— *Извини.*

— Он говорит «извини». Хорошо, что я не мужчина. Где спальня Тамана?

— *Она должна быть... ага!* — Чим затрусил к маленькому балкончику с двустворчатой дверью, запирающейся на щеколду. Стоя на цыпочках у него на спине, я смогла схватиться за позолоченные перила и с размаху запрыгнуть на балкон. Щеколда поддавалась простому заклинанию.

— *Крикни, если кто-нибудь появится,* — сказала я и скользнула внутрь.

Сэр Джеррод провел юность в армии и накопил достаточно военной добычи, чтобы купить себе земли и титул. Непривычный к богатству, он предпочитал делать все с размахом. Эта спальня была шириной в добрых две мили. По крайней мере, должна была быть, поскольку кровать с балдахином простиралась не меньше, чем на милю. Прямо в центре, высунув тонкий нос из-под покрывал, храпел Таман. Спасибо богам, там не было ни рабов или слуг, ни даже стражников, таящихся вокруг. Призывая свою магическую силу, я прокралась к кровати Тамана.

Создание образа Карающей Богини не так просто как наведение личины. Аура окружает все живые вещи, от драконов до обитателей дна в стоячем пруду. Заклинание делает ауру видимой обычному глазу; а если еще поднажать, то она станет еще ярче, так что можно сиять как луна или гореть как факел, смотря что вы предпочитаете. Однако сила, питающая это пламя, черпается из собственной энергии мага. Можно перегореть. К счастью, мне придется держать заклинание не больше минуты.

Я толкнула Тамана в плечо. Его храп прервался на вдохе, и Таман что-то пробормотал.

Запах перегара ударил мне в нос. Натянув одеяла на голову, он перевернулся на другой бок, по-прежнему бормоча. Тогда я пнула его в самое уязвимое место. Он резко дернулся, ловя ртом воздух, его красивое лицо было опухшим со сна.

— Что такое?..

Я подняла руки и углубила голос. Мое тело горело приковывающим взгляд золотым огнем.

— Я, Джозелла, защитница несправедливо обиженных женщин, пришла к тебе, Таман Редфалькон. Ты отказал невинной девушке. Леди Элси...

— А. Ей, — Таман потер небритую щеку и зевнул, — крошка Элси — чистое сердце. Холодная маленькая сучка.

— Ну — она любит тебя, Таман Редфалькон, и она...

— Она? Она... никого не любит. Разве что, пожалуй, того парня, который...

У меня руки опустились. Все шло не так.

— Это была уловка, чтобы расторгнуть помолвку с нелюбимым человеком, леди осталась девственной и верна тебе.

Таман изрыгнул грубое слово.

— Какая разница? Никто ей не поверит. Думал, я должен попасть в респек... респектабельные. Ты знаешь, через что нам пришлось для этого пройти? Только потому, что мама набивала бар напитками и цепляла парней в счастливые часы... «Это не для моих мальчиков», говорит мне отец. «Женись на леди. Хорошая семья. Хорошее воспитание. Никакого скандала. Много денег.» Так что я получаю? — Его пьяный визг перешел в бормотание самосожаления. — Чертова ледышка не разрешила мне даже поцеловать себя. Все время давала мне по морде. А сама уже и не девушка...

— Но она девственна. Единорог был заколдован. Это была хитрость...

— Ну так что? Здешний народ не скоро это забудет. Далеко ли я пойду, если свяжусь с ней? Если пришла убить меня, — вперед. Не сбегу.

И Таман перевернулся на живот, лег и отрубился, засопев в подушку. Четырежды черт побори!

О примирении с Таманом, кажется, и речи быть не могло из-за его озабоченности общественным положением. Не могла Элси и поискать убежища у своего бывшего суженого, потому что Квайдж покинул долину сыпя угрозами и оскорблениями. Интересно, когда меня повесят, шея сразу сломается, или же я покачаюсь какое-то время?

Ментальный рог Чима вонзился мне в мысли.

— *Выходи оттуда. Кто-то идет.*

Нет времени снять заклинание ауры. Я рванула к балкону... слишком поздно. Едва я достигла выхода на балкон, дверь в спальню отворилась. Показалась непокорная буйная копна одуванчиковых волос.

— Таман, ты не спишь? Мне почудилось, я услышал...

Клариен осекся и замолчал. Его рот округлился. Он упал на колени, отведя глаза в сторону.

— Благословенная Госпожа, — прошептал он.

Просто чудесно. В висках запульсировала тупая боль. Теперь еще и это.

— Ты не должен бояться меня, дитя мое. Возвращайся в постель.

— Госпожа... — Я почувствовала, каких усилий стоило Клариену заставить свой голос не дрожать. Он едва сдерживался, чтобы не убежать. Глаза Клариена были зажмурены.

— Ос... осмелюсь ли я попросить...

— *Выслушай его*, — сказал Чим в моем сознании, — *возможно, это окажется полезным.*

Я не согласилась, но сейчас прыгать через перила было поздно. Я позволила заклинанию ауры погаснуть.

— Говори, дитя.

— Это не для меня. Есть... есть девушка, дочь лорда долины... она была опозорена, Госпожа, и никто не защитил ее, ни ее отец, ни даже мой брат, который добивался ее любви. Если бы Вы помогли мне, Госпожа...

Я приоткрыла дверь, готовая бежать.

— Что я могу сделать для тебя, дитя мое?

— Принеси ей весточку. Скажи... скажи ей, что она любима; она не должна отчаиваться; это все пройдет. Можно не называть моего имени. Только пусть она знает, что у нее есть друг.

План возник у меня и Чима одновременно. Мы оба представляли себе, что план этот не особенно хорош, но какого черта. Я позволила балконной двери, качнувшись, закрыться.

— Я могу сделать лучше, дитя мое. Я знаю желание твоего сердца. Иди в лес на северной окраине долины, откуда тропинка приведет тебя к кибитке. Там живет колдунья.

Остальное вы, верно, и сами знаете. Я сама слыхала, как эту историю или ее версии рассказывали в землях далеко от счастливых владений лорда Рональда. Но скорее всего, истории целиком вы не знаете. Разрешите мне дорисовать картину.

Спустилась ночь, ясная, но холодная, последний укус зимы перед тем, как весна полностью вступит в свои права. Плотники соорудили помост на краю луга. В его основе рабы положили картонные шутихи, предмет гордости профессиональных магов, которые стоили больших

денег и обычно запускались только для королей. Показ фейерверка планировался в завершение свадьбы Элси и Квайджа. Лорд Роннальд сел на кресло, сбоку от него, поджав губы сидела леди Элси. Третье кресло, предназначенное для нового зятя Рональда, зияло своей пустотой. Люди указывали пальцами не востребованное место, подталкивали друг друга локтями и гудели.

В час после наступления полной темноты лорд Роннальд дал волшебнику знак начинать. Первая ракета поднялась, разбрасывая искры, и сгорела высоко над головами огненным цветком. Толпа зааплодировала.

— Алая, как кровь девственницы, — заметил кто-то рядом с помостом, что вызвало новый взрыв одобрения. Лорд Роннальд сидел застыв как камень, но его глаза отмечали каждого, кто хлопал, для будущей расправы.

Поднялись еще три ракеты, — золотая, голубая и зеленая. Четвертая послала дождь серебра, пролившегося на публику. Зрители ахнули и задохнулись от восхищения — все, кроме мага, который не приносил с собою никакого серебра. Вздохи восторга перешли в крики изумления.

Из серебряного дождя пришло серебристое создание, так же похожее на лошадь, как обезьяна на человека, его шелковистая грива и львиный хвост волновались на легком ветерке, спиральный рог блистал как звезда. На спине единорога сидел красивый юноша в одежде принца. У юноши было лицо Клариена Редфалькона.

Единорог с наездником шагнули в толпу и двинулись прямо к помосту. Люди расступались перед ними как волны, держась от единорога подальше. Только волшебник подался вперед, желая коснуться; взмах рога убедил его оставить эту идею. Никто другой и не старался помешать единорогу подняться к помосту, где он остановился перед лордом долины и его дочерью.

Глаза лорда Рональда вылезли из орбит; он силился что-то сказать, но безрезультатно. Единорог проигнорировал его и обернулся к Элси. И тут, перед собравшимися младшими дворянами и простым людом долины, единорог изогнул свою стройную тонкую шею и упокоил свою голову на коленях леди Элси, доказывая вне сомнения ее непорочность. Они стояли так только один момент; потом единорог отступил назад, и его прекрасный наездник протянул свои руки. Элси, как зачарованная, поднялась и позволила юноше увлечь себя на спину единорога. Лорд Роннальд тоже поднялся и обрел, наконец, голос. Брызжа слюной, он завопил что-то о ублюдочных ворах Редфальконах. Единорог взмахнул рогом ещё один раз, и в мундире лорда Рональда, чуть пониже горла, появилась огромная дыра. Рональд упал назад на свое сиденье, выпучив глаза и скуля. Даже не больше взглянув на него, единорог спустился с помоста, щелканье его раздвоенных копыт звучало в тишине как барабан. Он достиг земли и поскакал прочь через расступающуюся массу ошеломленных зевак.

Это история, которую рассказывают в тавернах, очевидцы, или их друзья, или троюродная сестра чьей-то матери. Что они не видели, так это невыносимо потную действительность под чарами. Чертовски тяжело удерживать черты лица другого человека на своих собственных. Одежда Клариена не подходила мне, и штаны все время соскакивали. Но труднее всего было затягивать Элси на спину Чима. Со стороны это было изящным скольжением изнеженной леди, но тянуть её было не легче, чем бочку с песком. Чим уже задыхался под двойным грузом.

— *Могу ли я помедленнее теперь?* — попросил он.

— Подожди, пока не попадем в лес, — Леди Элси, охваченная глубоким очарованным сном, развалилась на моих коленях и почти соскользнула набок. Я сбросила заклинание личины, чтобы сконцентрировать силы.

— Надо было подготовить ее к этому, — прорычала я.

— *Отнесем это на наш счет. Нет смысла испытывать нашу удачу.*

Деревья закрыли нас, и Чим перешел на рысь.

— *Готова ли кибитка к путешествию?*

— С вечера. Давай соединим влюбленных.

Мы достигли нашего лагеря без приключений. Клариен как мы его и оставили, дремал на попоне под деревом. Бедный ребенок, никто даже не рассказал ему о сонных зельях, а то бы вкус чая, которым я напоила его сегодня вечером показался ему странным. Пока Чим впрягался в кибитку, я укрыла одеялом леди Элси поблизости от Клариена и натянула свою одежду, оставив одежду Клариена аккуратно сложенной в кучу рядом с ним. Я отсалютовала паре, и мы с грохотом выбрались с полянки на заброшенную грязную дорогу.

Рассвет застал нас за много миль, достаточно далеко от границ лорда Рональда и, как я надеюсь, вне его досягаемости.

— Хорошо бы нам не делать привала до полудня для верности, — сказала я, — думаешь, сможешь продержаться?

— *Нет проблем,* — ответил Чим, — *хотя я по-прежнему думаю, что мы сыграли с бедным Клариеном скверную шутку.*

Двадцать световых лет спустя

Бестселлер, с 1972 года издававшийся 17 раз, переведенный на ряд языков Европы, ставший классикой американской литературы, роман Анайи «Благослови меня, Ультима» наконец-то впервые на русском языке!

Миф и современность, ведьмы и божества, наследие ацтеков и конкистадоров, сиюминутность и вечность — все сплавлено здесь в единый, неповторимый поток повествования, где переплелись фантастика и реальность...

Вместе с Ультимой, таинственной индейской целительницей, мы вновь вступаем в мир Рудольфе А. Анайи, чародея современной мексикано-американской прозы (см. новеллы «Послание Инки» («Сверхновая» № 1-2, 1996), «Деревня, которую боги выкрасили в желтый цвет».

Рудольфо А. Анайя
Благослови меня, Ультима¹⁰

Con Honor Para Mis Padres

Первая

Ультима пришла жить к нам в то лето, когда мне почти сравнялось семь. Когда она пришла, краса равнин раз вернулась перед моими глазами, и журчащие воды реки запели под гул вращения земли. Волшебное время детства остановилось, и пульс ожившей земли вдохнул ее таинство в мою живую кровь. Она взяла меня за руку, и безмолвные, волшебные силы, которыми она владела, сотворили красоту из грубых, пропеченных солнцем льяносов, из зеленой речной долины и синей чаши небес, что была обителью солнца. Мои босые ноги почуяли дрожь земли, а тело затрепетало в волнении. Время застыло, поделившись со мною всем, что прошло, и всем, что должно прийти...

Позвольте мне начать с начала... Я говорю не о том начале, что скрывалось в моих снах и историях, которые нашептывали о моем появлении на свет, о родне отца и матери, и о трех моих братьях, — но о том начале, что пришло вместе с Ультимой.

Чердак нашего дома был поделен на две небольшие комнаты. В одной спали мои сестры, Дебора и Тереза, я же спал в маленькой каморке у двери. Деревянные ступени, скрипя, уводили вниз, к узкому коридору, шедшему на кухню. С верха лестницы мне открывалось средоточие нашего дома — кухня, где хозяйкой была моя мать. Оттуда довелось мне увидеть искаженное ужасом лицо Чавеса, когда тот принес весь об убийстве шерифа; наблюдать бунт моих братьев против отца; и многократно поздними ночами видел я Ультиму — как она возвращается с равнин, где собирала травы, которые могут рвать лишь при свете полной Луны чуткие пальцы целительницы-курандейры.

Тихо-тихо лежал я той ночью в постели, слушая, как отец и мать говорят об Ультиме.

— *Esta sola*, — говорил мой отец, — *ya no queda gente en el pueblo de Las Pasturas*¹¹.

Он говорил по-испански, а деревня, которую он назвал, была ему домом. Всю жизнь отец был вакеро, служа призванию столь же древнему как приход испанцев в Нуэво-Мехико. Даже после того, как богатые ранчери и белые тегасцы — тегане пришли и огородили прекрасные равнины-льяносы, они подобные ему продолжали работать там думаю, потому, что лишь на этих обширных пространствах земли и небес могли они ощутить волю, которой жаждала их душа.

— *Que lastima!*¹², — отвечала моя мать, и я знал, что ее проворные пальцы трудятся над салфеткой, которую она вышивает тамбуром для большого стула в гостиной, *sala*.

Я услышал ее вздох, и она, должно быть, вздрогнула тоже, представив, как одиноко живет Ультиме в запустении широких равнин. Мать моя была не жительницей льяносов, а дочерью фермера. Она не способна была постичь красоту равнин и понять грубых мужчин, проводивших полжизни в седле. После моего рождения она убедила отца оставить Аас Пастурас и привезти семью в Гуадалупе, где, как она говорила, нам откроются возможности пошире и где есть школа. Переезд принизил

11 Она одинокая. Нет у нее родичей в деревне Лас Пастурас (исп.).

12 Какая жалость!

моего отца в глазах товарищей, других вакеро с равнин, которые накрепко пристали к своему вольному образу жизни. Домашним животным в городе не достало места, и отцу пришлось продать свое небольшое стадо, но продать лошадь он не решился и потому отдал ее своему доброму другу Бенито Кампосу. Но Кампос не смог удержать животное в загоне, потому что каким-то образом лошадь оказалась под стать хозяину, так что ей дали свободно пастись, и ни один вакеро с равнин не подумал бы набросить лассо на этого коня. Казалось, будто кто-то умер, и они отводили глаза от призрака, что бродил по земле. Все это задевало отцовскую гордость. Он все реже виделся со старыми друзьями. Работать он ходил на трассу, а по воскресеньям, после получки, выпивал с артелью в салуне «Длиннорогий Бык», но так и не сблизился с мужчинами из городка. На выходные льянеро прибывали в городок за припасами, и старые друзья вроде Бонни и Кампоса или братьев Гонзалес приходили повидаться. Тут, пока они пили и беседовали о днях былых глаза моего отца загорались. Но едва солнце на западе окрашивало облака оранжевым и золотым, вакеро садились в свои грузовички и отправлялись домой, а мой отец оставался пить в одиночестве долгой ночи. В воскресное утро он вставал очень хмурым и жаловался, что приходится рано отправляться к мессе.

— Всю жизнь она служила людям, а теперь люди рассеялись, их гонит, словно перекатипole, ветер войны. Война высасывает всех досуха, — мрачно проговорил отец, — она уводит молодежь за море, а их семьи угоняет в Калифорнию, где есть работа...

— Аве Мария Пуриссима¹³ — мать творила в воздухе распятие во имя трех моих братьев, ушедших на войну, — Габриэль. — обращалась она к отцу. — Негоже, чтобы Ла Гранде — Достойнейшая — оставалась в старости одна...

— Нет, — согласился отец.

— Когда я вышла за тебя и отправилась жить в равнины, и заводить семью, я не выжила бы без помощи Ла Гранде. Ах, то были тяжкие годы...

— То были славные годы, — возразил отец. Но мать не поддержала спора.

— Нет семьи, которой она не помогла бы, — продолжала мать — никакой путь не казался ей длинным, она шла до конца, чтобы вырвать кого-нибудь из губительной пасти, и даже бураны с равнин не преграждали пути туда, где, она знала, ждут ее, чтобы облегчить роды...

— *Es verdad*¹⁴, — кивал мой отец.

— Она помогала мне при рождении сыновей, — и тут, я знал, глаза ее поднимались на миг к отцовым. — Габриэль, мы не можем позволить ей доживать последние дни в одиночестве...

— Нет, — согласился отец, — не таков обычай нашего народа.

— Велика честь предоставить кров для Ла Гранде, — прошептала моя мать. Она называла Ультиму «Ла Гранде» из почтения. Это означало, что женщина полна годами и мудростью.

— Я уже отправил с Кампосом весь о том, чтобы Ультима пришла к нам жить, — сказал удовлетворенно отец. Он знал, как порадует это мою

13 Славься, Пречистая Дева (исп.).

14 Правда (исп.).

мать.

— Я рада, — нежно промолвила она. — Быть может, нам удастся хоть чем-то оплатить те милости, что оказала Ла Гранде столь многим.

— А дети? — спросил отец. Я знал, отчего выражает он озабоченность по поводу меня и сестер. Ультима была целительницей, женщиной, понимавшей толк в травах и снадобьях предков, способной чудотворно исцелять больных. И я слыхивал о том, будто Ультима могла отводить проклятья, насылаемые ведьмами, bruias, что она может снимать порчу, которую ведьмы наводят на людей, чтобы те хворали. И из-за этой своей власти целительницу часто воспринимали превратно, а порой подозревали в том, будто она сама занимается колдовством.

При мысли этой меня охватила дрожь, в сердце вошел холод. Народные преданья наполнились рассказами о порче, насылаемой ведьмами.

— Она помогла им появиться на свет, и не может принести моим детям ничего, кроме добра, — отвечала мать.

— Esta bien¹⁵, — зевнул отец, — наутро я отправлюсь за нею.

Вот так и решилось, что Ультима придет к нам жить. Я знал, что отец и мать поступают хорошо, предоставив Ультиме кров. Было обычаем заботиться о престарелых и хворых. В семейном тепле и мире всегда находилось место еще для одного человека, будь он другом или чужаком.

На чердаке было тепло, и пока я тихо лежал, вслушиваясь в звуки отходящего ко сну дома, и повторяя про себя «Богородицу», я вступил во время снов. Как-то я рассказал матери о своих снах, и она ответила, что они — видения от Бога, и она счастлива, от того что собственным ее видением было, что я вырасту и стану священником. После этого я не рассказывал ей больше своих снов, и они остались внутри меня навсегда...

В этом сне я летал над волнистыми холмами льяносов. Душа моя странствовала по темной равнине, пока не приблизилась к кучке хижин из кирпича-сырца. Я узнал деревеньку Лас Пастурас, и сердце мое возликовало, в одном окошке за глинобитной стеной был свет, и видение сна повлекло меня к нему, чтобы стать свидетелем рождения младенца.

Я не различал лица матери, отдыхавшей после родовых мук, зато мог видеть престарелую женщину в черном, что опекала новорожденного, от которого шел пар. Проворно она завязала узелок на пуповине, связывавшей младенца с кровью матери, затем быстро наклонилась и перекусила ее зубами. Вернув извивающегося младенца, она уложила его рядом с матерью; затем вернулась убрать постель. Все простыни были брошены в стирку, но заботливо она завернула ненужную часть пуповины и послед, возложив сверток у небольшого алтаря, к подножью Девы. Я почувствовал, что вещи эти еще предстоит куда-то доставить.

И вот людям, терпеливо ожидавшим во тьме, разрешили войти и поговорить с матерью, и преподнести младенцу подарки. Я узнал братьев матери, моих дядей из Эль Пуэрто де Лос Лунас. Они вступили внутрь с подобающей важностью. Терпеливая надежда жила в их черных, задумчивых глазах.

Этот станет одним из Луна, — сказал старик, — он станет земледельцем, и сохранит наши традиции и обычаи. Быть может, Бог благословит нашу семью, и он будет священником.

И, выражая свою надежду, они потеряли черной землей с речной долины лобик ребенка, и окружили ложе плодами своего урожая, так что в маленькой комнатке разнесся запах свежих стручков чилийского перца и кукурузы, спелых яблок и персиков, тыкв и зеленой фасоли.

Тут безмолвие разорвал гром копыт; с криками и револьверной пальбой домик окружили вакеро, а когда вошли внутрь, они смеялись, пели и пили.

— Габриэль, — вскричали они, — у тебя прекрасный сын! Из него выйдет славный вакеро! — Они передавали фрукты и овощи, окружавшие кровать, а вместо них водрузили седло, седельные одеяла, бутылки виски, новое лассо, сбрую, ноговицы-чапаррехос, да старую гитару. Они стерли след земли со лба младенца, потому что негоже мужчине быть связанным землею, но подлежит быть свободным от нее.

То были родичи моего отца, вакеро с равнин. Они были неистовыми, буйными людьми, бродягами по бескрайнему равнинному морю.

— Нам пора вернуться к себе в долину, — заговорил старик, глава земледельцев. — Нам нужно взять с собой кровь, что осталась после родов. Мы схороним ее на своих полях, чтобы обновить их силу, и увериться, что дитя последует нашему образу жизни. Он кивнул старой женщине, чтобы та передала ему сверток у алтаря.

— Нет! — вскричали вакеро. — он останется здесь! Мы сожжем его, и пусть ветры льяносов развеют прах.

— Это святотатство, — развеять кровь человеческую над неосвященной землей, — прозвенели голоса земледельцев. — Младенцу следует воплотить мечту матери. Он должен прийти в Эль Пуэрто и возглавить в долине род Луна. Кровь Луна крепка в нем!

— Он — Марес! — вскричали вакеро. — его предки были конкистадорами, мужами мятежными, словно море, что они пересекли, и столь же вольными, как земля, что они покорили. Он — отцовской крови!

Проклятья и угрозы наполнили воздух, появились пистолеты, и противники изготовились к битве. Но столкновение было остановлено старой женщиной, принявшей ребенка.

— Прекратите! — и мужчины затихли. — Я извлекла этого младенца на свет божий, и потому мне надлежит скрыть послед и пуповину, что прежде связывала его с вечностью. И лишь мне ведома будет его судьба.

Видение стало блекнуть. Открыв глаза, я услышал, как отец заводит снаружи грузовичок. Мне хотелось отправиться с ним, хотелось повидать Лас Пастурас, увидеть Ультиму. Поспешно я оделся, но опоздал. Грузовичок, попрыгивая, уже мчался вниз по козьей тропе, что вела к мосту, на трассу.

Как обычно, я оглянулся, поглядев вниз по склону нашего холма, на зелень у реки, поднял взгляд и оглядел городок Гуадалупе. Колоколенка церкви возвышалась над крышами домов и деревьями. Я сотворил перед собой знак креста, единственное здание, которое спорило с церковью, возвышаясь над домами, была школа. Этой осенью я пойду в школу.

Сердце упало, при мысли о том, что я покину свою мать и отправлюсь в школу, теплая, дурнота волной подкатила к горлу. Чтобы избавиться от нее, я побежал к клетке, что держали мы у molino, чтобы кормить живность. Я дал еды кроликам еще ночью, и люцерны у них было достаточно, поэтому я только поменял им воду. Разбросал немного зерна голодным курам и поглядел на невообразимую суматоху, когда петух кликнул всех клевать. Я подоил корову и пустил пастись. Весь день она

будет кормиться вдоль дороги, где трава густа и зелена, а к ночи вернется. Она была послушная, и мне редко приходилось бегать за нашей коровой, чтоб пригнать домой вечером. Позднего времени я боялся, потому что она могла уйти в холмы, где порхали в сумерках летучки, и лишь стук собственного сердца отдавался в ушах на бегу, и в одиночестве мне становилось грустно и страшно.

Я подобрал три яйца в курятнике и возвратился завтракать.

— Антонио, — улыбнулась мать, принимая яйца и молоко, — иди завтракать.

Я сидел напротив Деборы и Терезы и ел свое атоле¹⁶ с горячей тортильей¹⁷, намазанной маслом. Говорил я мало. С сестрами почти совсем не разговаривал. Они были старше и очень дружны между собой. Обычно сестры проводили целые дни на чердаке, играя в куклы да хихикая. Их дела мало меня занимали.

— Ваш отец отправился в Лас Пастурас, — воскликнула мать. Он поехал, чтобы привезти Ла Гранде. Руки у нее были все белые от муки; она месила тесто. Я пристально следил за ними. — А когда он вернется, я хочу, чтобы вы, дети, вели себя как должно. Не годится вам позорить своих отца и мать...

— Ее и в самом деле зовут Ультима? — спросила Дебора. Такая уж она была, всегда задавала взрослые вопросы.

— Вам следует обращаться к ней «Ла Гранде», — ровно заметила мать. Поглядев на нее, я подивился — верно ли, что эта женщина — роженица из моего сна.

— Гранде, — повторила Тереза.

— А правда, что она ведьма? — спросила Дебора. Ах, тут-то она и получила по заслугам! Я видел, как мать рванулась было, но потом сдержала себя.

— Нет! — сказала она с упреком. — Нельзя говорить об этих вещах! О, где только вы понабрались этих замашек! — Глаза ее наполнились слезами. Она всегда плакала, когда ей казалось, что мы поддаемся обычаям отца, обычаям рода Марес. — Она — женщина учения, — продолжала мать, и я понял что у нее нет времени прерываться и плакать, — она много потрудилась на благо всех жителей деревни. О, я никогда не пережила бы тех тяжких лет, если б не она — так что окажите ей почет. Это честь для нас, что она приходит под наш кров, ясно?

— Si, mama¹⁸, — ответила Дебора не слишком охотно.

— Si, mama, — повторила Тереза.

— А теперь бегите да выметите комнату в конце коридора. Комната Евгения... — я услышал, как прервался ее голос.

Прошептав молитву, она перекрестилась; белая мука оставила на ней следы, четыре точки креста. Я знал — она печальна от того, что трое братьев моих на войне, а Евгений младший из них.

— Мата, — хотел я заговорить с ней. Мне хотелось знать, кто была та старая женщина, что перерезала пуповину младенца.

— Si. — Обернувшись, она поглядела на меня.

16 Кукурузная каша (исп.).

17 Кукурузная лепешка (исп.).

18 Да, мама (исп.).

— Когда я родился — там была Ультима? — спросил я. — *Ay dios mio*¹⁹! — вскричала мать. Подойдя к месту, где я сидел, она провела рукой по моим волосам. От нее пахло теплом, как от хлеба. — Откуда у тебя такие вопросы, сынок? Да, — улыбнулась она, — Ла Гранде приходила помочь мне. Она присутствовала при рождении всех моих детей...

— А был ли там кто-нибудь из моих дядей из Эль Пуэрто?

— Конечно, — отвечала она. — Мои братья всегда были рядом в пору нужды. Они всегда молились, чтоб я благословила их...

Я не расслышал ее, потому что слушал звуки из своего сна, вновь переживая его. Теплые кукурузные хлопья снова вызвали в желудке чувство тошноты.

— И брат отца тоже был, и родичи Марес, и их друзья вакеро?..

— Ай! — вскричала она. — Не говори мне об этих никчемных Марес и их друзьях!

— Случилась драка? — спросил я.

— Нет, — отвечала она, — глупый спор. Они хотели затеять драку с моими братьями — только на это их и станет. Называют себя вакеро, а сами — негодные пьяницы! Воры! Вечно в пути, словно цыгане, вечно таскают семьи по стране, точно бродяги...

Сколько помню, всегда негодовала она по поводу этого семейства Марес. Мать считала деревню Лас Пастурас прекрасной, привыкла к одиночеству, но никогда не могла принять ее обитателей. Она оставалась дочерью фермера.

А сон сбывался. Все было так, как я видел. Ультима знала.

— Но ты будешь не такой, как они, — затаив дыхание, она остановилась. Поцеловала меня в лоб. — Ты будешь предводителем своего народа, а быть может — священником, — она улыбнулась. Священником, подумалось мне. Такова ее мечта. Мне предстоит служить мессу по воскресеньям, как отцу Барнесу в городской церкви. Мне предстоит выслушивать исповедь молчаливых обитателей долины и приводить их к святому причастию.

— Может быть, — сказал я.

— Да, — улыбнулась мать, нежно обнимая меня. Аромат ее тела был сладок.

— Но тогда, — прошептал я, — кто же выслушает мою?

— Что?

— Ничего, — отвечал я. Ощувив холодный пот на лбу, я понял, что должен бежать и избавиться от сна. «Я пошел к Хасону», — заявил я поспешно и проскользнул мимо матери. Выбежав из двери кухни, помчался прямо мимо загонов со скотиной к дому Хасона. Слепящее солнце и чистый воздух освежили меня.

С этой стороны реки стояло только три дома. Склон холма поднимался полого, восходя к холмам, заросшим можжевельником, Мескитом и кедровником. Дом Хасон стоял дальше от реки, чем наш. На тропе, что вела к мосту, жил толстый Фио со своей красавицей-женой. Фио работал вместе со моим отцом на трассе. Они были добрыми друзьями и пили вместе.

— Хасон! — позвал я, появляясь у двери их кухни. Я бежал быстро и запыхался. На пороге появилась его мать.

19 Ах, боже мой! (исп.).

— Jason no esta aqui²⁰, — сказала она. Все люди старшего возраста говорили только по-испански, да и я сам понимал только по-испански. Лишь в школе обучали английскому.

— Londe esta?²¹ — спросил я.

Она указала на реку. На северо-запад, за ветку железной дороги, в темные холмы. Через эти холмы текла река, там были старые индейские земли и святые кладбища, — рассказывал мне Хасон. Там, в старой пещере, жил его Индеец. По крайней мере, все звали его «индеец Хасона». Он был единственным индейцем в городке, и разговаривал только с Хасоном. Отец Хасона запрещал сыну говорить с индейцем, он бил его, пытался всячески держать Хасона в разлуке с таким знакомым.

Но Хасон упорствовал. Хасон не был плохим парнем, он просто был Хасоном. Тихим и задумчивым, но порой без всякой причины становился буйным, громкие звуки яростно рвались из его горла. Порой и я ощущал то же, что и Хасон — мне хотелось кричать и плакать; только я всегда сдерживался.

Заглянув в глаза его матери, я заметил, как они печальны. «Спасибо», — сказал я и вернулся домой. Ожидая, пока отец возвратится с Ультимой, я работал в саду. Каждый день я должен был работать по саду. Каждый день я отвоевывал у каменистой почвы холма несколько футов земли, годной для обработки. Земля льяносов была тяжела для земледельца, добрые земли лежали вдоль реки. Но моей матери хотелось иметь сад, и я работал, чтобы порадовать ее. У нас уже росло немного чилийского перца и помидоры. То был нелегкий труд. От вечного выгребания камня кровоточили пальцы, и казалось, что на квадратный ярд почвы выходит по тачке чистого камня, который приходилось свозить к стенке, служившей забором.

В ярко-синем небе стояло раскаленное солнце. Тень от облаков не появится до полудня. Пот прилипал к моему смуглому телу. Я услышал звук грузовичка, и обернулся поглядеть, как взбирается он по пыльной козьей тропе. Отец возвращался с Ультимой.

— Мама! — позвал я. Мать выбежала наружу, за ней следом — Дебора с Терезой.

Я боюсь, — слышался взвизг Терезы.

— Нечего бояться, уверенно заявила Дебора. Мать говорила, что в Деборе слишком много от крови Маресов. Глаза и волосы у нее были черные; к тому же она всегда была слишком порывистой. Она провела уже два года в школе и говорила только по-английски. Она обучала и Терезу, и половину из того, что она говорила, я не понимал.

— Madre de Dios²², да ведите же себя пристойно! — выбранила их мать. Грузовичок остановился, и она бросилась встречать Ультиму.

— Buenos días le de Dios Grande²³, — вскричала мать, улыбаясь, обнимая и целуя старую женщину.

— Ай, Мария Луна, — улыбалась Ультима. — Добрый день во славу

20 Хасона нет здесь (исп.).

21 Где он? (исп.).

22 Матерь божья! (исп.).

23 Добрый день, во имя Господне (исп.).

Господа и тебе и твоей семье. — Ее волосы и плечи скрывал черный платок. Лицо было коричневым и в сильных морщинах. Улыбка обнажала ее коричневые зубы. Я припомнил свой сон.

— Идемте, идемте, — мать выталкивала нас вперед. Приветствовать старших было в обычае. — Дебора! — позвала мать. Дебора выступила вперед и взяла сморщенную руку Ультимы.

— Buenos días, Grande, — улыбнулась она, и даже слегка поклонилась. Потом мать вытолкнула Терезу и велела той приветствовать Почтеннейшую. Мать моя просто сияла. Приличное поведение Деборы удивило ее, но порадовало, ибо о семье судят по ее воспитанникам.

— Что за славных дочерей вы вырастили, кивнула Ультима матери.

Ничего приятнее этого она не могла услышать. С гордостью поглядела она на отца, что стоял, опираясь на грузовичок, наблюдая за этим знакомством.

— Антонио, — промолвил он только. Я выступил вперед и принял руку Ультимы. Заглянув в ее ясные карие глаза, я содрогнулся. Пусть лицо ее было старым и сморщенным, глаза оставались ясными и искрились, точно глаза ребенка.

— Антонио, — улыбнулась она. Взяла мою руку — и я ощутил силу вихря, что пронесся мимо. Взгляд ее охватил окружающие холмы и благодаря ему в нем я впервые заметил дикую красу наших холмов и магию изумрудной реки. Ноздри мои задрожали, когда я ощутил, как песнь пересмешников да гул кузнечиков сливаются с пульсом земли. Четыре страны света, протянувшись по равнинам, сошлись на мне, и слепящее солнце зажглось в душе. Песчинки у ног, и солнце, и небо вверху, словно стали единым, странным, целостным бытием.

Слезы подступили к горлу, мне захотелось кричать и взлететь от той красоты, что я обрел.

— Антонио, — я почувствовал, что мать подталкивает меня. Дебора захихикала, потому что сама она все сделала верно, а я, который был материнской надеждой и радостью, стоял беззвучно.

— Buenos días le de Dios, Ultima, — пробормотал я. В глазах ее я прочел свой сон. Я увидел ту старуху, что приняла меня из материнского чрева. И я понял, что ей ведома тайна моей судьбы.

— Антонио! — мать потрясло, что я назвал гостью по имени, вместо того, чтобы величать Почтеннейшей. Но Ультима подняла руку.

— Пусть будет так, — улыбнулась она. — Это последний из детей, что я приняла из твоего чрева, Мария. Я знаю, что между нами появится близость.

Мать, начавшая было бормотать извинения, замолкла. — как пожелаешь, Гранде, — кивнула она.

— Я пришла, чтобы провести здесь остаток своих дней, Антонио, — сказала мне Ультима.

— Ты никогда не умрешь, Ультима, — ответил я. — Я стану беречь тебя. — Она отпустил мою руку и засмеялась. Тут отец сказал:

— Pase, Grande, pase. Nuestra Casa es su casa²⁴. Слишком жарко стоять на солнце...

— Si, Si, — встрепелась мать. Я проводил их глазами.

Отец взял на плечи большой саквояж из синей жести, хранивший,

24 Проходи, Почтеннейшая, проходи. Наш дом — твой дом (исп.).

как я позже узнал, все земное имущество Ультимы, черные платья и шали, что она носила, и волшебство ее ароматных целительных трав.

Когда Ультима проходила мимо, я впервые уловил тонкий запах трав, что всегда сопутствовал ей. Много лет спустя, после того как Ультимы уже не было, а я вырос, порой ночами мне чудилось, будто ко мне доносится ее аромат в прохладных ветерках ночи.

И еще — с Ультимой явилась сова. Той ночью я впервые услышал ее на ветвях можжевельника, за окном комнаты, где расположилась Ультима. Я знал — это ее сова, потому что другие совы с льяносов не подбирались так близко к дому. Сначала это тревожило меня, как и Дебору с Терезой. Я слышал, как ни шептались там за перегородкой. Дебора уверяла Терезу, что не оставит ее, а потом взяла сестру на руки и укачивала до тех пор, пока обе не заснули.

Я ждал. Я Был уверен: отец встанет и застрелит сову из старого ружья, которое он держал на стене кухни. Но он не сделал этого, и я принял его решение. Из многих старинных историй я знал, что сова — одно из обличий ведьмы, и потому крики их ночной порой вызвали в душе страх. Но только не сова Ультимы. Ее нежный зов напоминал песню, и обретая ритм, хранил покой залитых лунным светом холмов, и убаюкивал наш сон. Казалось, песня ее говорила о том, что она пришла охранять нас.

Той ночью мне снилась сова, и сон мой был сладок. Святой покровительницей нашего городка была Дева Гвадалупская. От нее городок получил свое имя. во сне я видел, как сова Ультимы подняла Деву и на своих широких крыльях отнесла ее на небо. Потом она воротилась и, собрав души всех детей из Чистилища, понесла их тоже на небеса.

И Дева улыбалась доброте совы.

Вторая

Ультима легко вошла в ритм нашей повседневной жизни. В первый же день, надев фартук, она принялась вместе с матерью готовить завтрак, потом вымела дом, а позже помогла матери стирать белье в старой стиральной машине, которую они вытащили наружу в тень молодых вязов, где было прохладнее. Казалось, она жила здесь всегда. Мать была счастлива, потому что теперь ей было с кем поговорить, и не нужно было дожидаться воскресенья, когда ее подруги-горожанки придут по пыльной дороге в sala повидаться с ней.

Рады были Дебора с Терезой — оттого, что Ультима выполняла много той домашней работы, которая обычно выпадала им, и у них оставалось достаточно времени, чтобы посидеть на чердаке, вырезая бесконечные гирлянды бумажных кукол, которых они одевали, давая им имена, и, что всего удивительнее, заставляли говорить.

Был доволен и отец. Теперь у него появился еще один собеседник, с которым можно было поделиться своей мечтой. А мечтой моего отца было собрать вокруг себя всех сыновей и отправиться на запад, в страну заходящего солнца, к виноградникам Калифорнии. Но война разлучила его с тремя сыновьями, и это ожесточало его. Субботними вечерами он нередко перебирал лишку, и тогда отдавался воспоминаниям о былом, выплескивая гнев свой на город, стоявший на той стороне реки; город, отнимавший у человека волю; и, случалось, плакал, оттого, что война разрушила его сон. Горько было видеть слезы отца, но я понимал их, потому что иногда человеку дозволено плакать. Даже мужчине.

Было хорошо и мне с Ультимой. Вместо мы бродили в льяносах и по берегам реки, собирая травы и корни для ее снадобий. Она называла мне имена растений и цветов, кустов и деревьев, зверей и птиц; но всего важнее — от нее я узнал, что есть красота дневной поры, как и ночи, и что есть гармония в реке и в холмах. Она научила меня слышать сокровенность земных мук, и чувствовать себя в единстве с наполняющим ее временем. Дух мой рос под ее заботливым оком.

Меня пугала устрашающая сила реки, что была ее душой, но с Ультимой я постиг, что дух мой имеет долю в духе всей природы. И все же невинность, заключенная в отъединенности нашей семьи, не могла длиться вечно, и городские заботы начали долетать к нам через мост и входить в мою жизнь. Сова Ультимы послала весть, что спокойное время на нашем холме подходило к концу.

Была субботняя ночь. Мать уже приготовила нам чистое платье для субботней мессы, и мы легли рано, потому что всегда чуть свет отправлялись к мессе. Дом затих, и во мглу одного из моих снов ворвался упреждающий крик совы. Тотчас же я вскочил, сквозь маленькое оконце всматриваясь в темную фигуру человека, изо всех сил бежавшей к дому. Кто-то бросился к двери и забарабанил в нее.

— Марес! — кричал он. — Марес! Andale, nombre!²⁵

Я испугался было, но тут же узнал голос. То был отец Хасона.

— Un momento!²⁶ — услышал я ответный крик отца. Он возился с фонарем.

— Andale, hombre, andale! — взывал отчаянно Чавес, — mataron a mi hermano²⁷.

— Ya vengo²⁸ — отец отворил, и перепуганный Чавес ворвался внутрь.

Я услышал, как в кухне застонала мать: Ave Maria Purisima? mis hijos²⁹; она не слыхала слов Чавеса, и оттого решила, будто гость принес недобрые вести об ее сыновьях.

— Чавес, que pasa?³⁰ — тот весь дрожал, отец обхватил его руками.

— Брат мой, брат, — рыдал Чавес, — он убил моего брата!

— Pero que dices, hombre?³¹ — вскричал отец. Он втащил Чавеса в гостиную и поднял фонарь. Свет выхватил дикие, испуганные глаза Чавеса.

— Габриэль, — вскричала мать, появившись на пороге, но отец отстранил ее.

Он не хотел, чтоб она увидела чудовищную маску страха на лице гостя.

25 Пошли брат! (исп.).

26 Минутку! (исп.).

27 Пошли, парень пошли — убили моего брата! (исп.).

28 Иду! (исп.).

29 Пресвятая Дева, дети мои! (исп.).

30 В чем дело? (исп.).

31 Да что ты говоришь? (исп.).

— С детьми все в порядке, это что-то в городке — дай ему напиток.

— Lo mato, lo mato³², — повторил Чавес.

— Возьми себя в руки, друг, расскажи, что случилось? — отец сильнее затряс Чавеса, и рыдания стихли. Тот принял стакан с водой, отпил немного и заговорил.

— Ринальдо только что передал — мой брат мертв, — выдохнул он и привалился к стене. Брат Чавеса был шерифом в городке. — Матерь божья! Кто? Как? Чавес упал бы, не поддержи его отец. — Лупито! — вскричал Чавес. Его лицо прорезали глубокие морщины. Тут свет упал на его левую руку — я увидел в ней ружье.

— Хесус, Мария и Хосе, — молилась моя мать.

Отец застонал и оперся на стену. — Ах, этот Лупито, — затряс он головой — война отняла у него разум...

Чавес частично овладел собой. — Бери ружье, пойдем на мост...

— На мост?

— Ринальдо велел нам встретиться там — чертов псих подался к реке...

Отец молча кивнул. Он пошел в спальню и вернулся в куртке. Пока он в кухне заряжал ружье, Чавес поведал, что знал.

— Только что брат закончил обход, — задыхался он, — и сидел в кафе у автобусной остановки, пил кофе, ни о чем не тревожась, — а этот гад подошел к нему и без слов выстрелил в голову, — он снова затрясся, пересказывая эту историю.

— Может, тебе лучше подождать здесь, а, друг? — спросил отец, утешая.

— Нет! — вскричал Чавес. — Я должен идти. Он был мне братом!

— Отец кивнул. Я видел, как он встал рядом с Чавесом и положил руку ему на плечо. Теперь и отец был при оружии. Я знал — он стрелял из ружья только по осени, забивая свиней. Теперь люди ополчались на человека.

— Габриэль, будь осторожен, — крикнула мать, прежде чем отец с Чавесом исчезли во тьме.

— Si, — отозвался он. Хлопнула наружная дверь. — Держи дверь на запоре! Мать пошла к двери и накинула щеколду. Мы никогда не запирали дверей, но сегодня в воздухе носилось нечто неведомое и страшное.

Может быть, оно-то и погнало меня в ночь, вслед за отцом и Чавесом к мосту — или, быть может, тревога, что я испытывал за отца. Не знаю. Я выждал, пока мать ушла из sala, потом оделся и проскользнул вниз. Поглядев вдоль коридора, я заметил, что вдали мерцает свечка. В эту комнату никогда не входили, иначе как при воскресных гостях, или когда мать брала нас читать спасительные молитвы за братьев, ушедших на войну. Я знал — она и сейчас молится у алтаря. Я знал — она будет молиться, пока не вернется отец. Я скользнул из кухни в темноту ночи.

Было прохладно. Я потянул носом воздух: в нем стоял привкус осени. По козьей тропе я помчался во всю прыть, пока не завидел впереди две черные тени — Чавеса с отцом.

В темноте мы прошли дом Фио, потом высокий можжевельник, растущий на спуске, что вел с холма к мосту. Даже сюда доносилось

смятение, царившее на мосту. По дороге я боялся, что меня обнаружат, ведь мне не следовало быть тут. Отец будет очень сердит. Чтобы избежать этого, я взял вправо, и меня поглотили темные речные заросли. Я продирался сквозь густой подлесок, пока не вышел к берегу. Оттуда, где я стоял, мне открылись слепящие лучи света, направляемые возбужденными людьми. Мне были слышны их лихорадочные громкие распоряжения. Поглядев налево, у начала моста я увидел, как отец с Чавесом бегут к центру смятения посередине моста.

Глаза мои уже освоились с темнотой, и потому слабый отблеск заставил обернуться и взглянуть в заросли тростника над бегущей водой, всего в нескольких метрах от меня. От того, что я увидел, застыла в жилах кровь. Скорчившись в тростниках, наполовину скрывшись в илистой воде, виднелась фигура Лупито, человека, убившего шерифа. Блестел пистолет, который он держал в руке.

Я сильно испугался, оттого что наткнулся на него так внезапно; но падая на колени от страха, я, должно быть, вскрикнул, потому что он повернулся и поглядел прямо на меня. В тот же миг луч света пал на него и осветил лицо, искаженное безумием. Не знаю, заметил ли он меня, или его ослепил свет, но я углядел кривую усмешку. Покуда жив, не забыть мне этого дикого взгляда, подобного взгляду загнанного зверя.

В тот же миг кто-то закричал с моста: «Вот он!» И тут все огни сошлись на скорченной фигуре. Он вскочил, и я увидел его ясно, словно днем.

— Айи-и-и! — раздался леденящий кровь вопль, отозвавшийся эхом по реке. Люди на мосту не знали, что делать. Они застыли, в оцепенении глядя вниз на безумца, размахивавшего пистолетом. — Айи-и-и! — вскричал тот снова. То был крик гнева и боли, от него все переворачивалось внутри, мучительный вопль человека ворвался в мирную зеленую тайну моей реки, и великая сила реки глядела из теней и дальних глубинных недр, пока я следил оттуда, где лежал, скорчившись на берегу.

— Солдат-японец, солдат-японец, — кричал он. — я ранен. — Эй, помощи-ка мне, — взывал он к людям на мосту, восходящий от воды парт дымился в свете огней. Все казалось кошмаром.

Вдруг он вскочил и побежал, разбрызгивая воду, ко мне. Огни преследовали его. Он рос на глазах, я слышал его прерывистое дыхание, вода под ногами хлестала мне в лицо, и я подумал, что он наступит на меня. Потом, столь же быстро, как мчался в мою сторону, он повернулся и снова исчез во тьме речных тростников. Огни шарили повсюду, но не могли его обнаружить. Некоторые из них скользили по мне, и я трепетал, что меня увидят, или, что еще хуже, приняв за Лупито, подстрелят.

— Он ушел, гад! — закричали с моста.

— Айи-и-и! — пронесся снова вопль. То был вопль, которого я не понимал, но я уверен — не понимали его и люди на мосту. Человек, которого они выслеживали, ушел за пределы разума, он стал диким зверем, и они боялись его.

— Дьявол! — слышались мне их проклятья. Потом на мост въехала машина с сиреной и мелькающими красными огнями. То был Вихиль, полицейский, патрульный нашего городка.

— Чавес умер, — услышал я его крик. — У него не было никаких шансов выжить. Мозги разнесло взрывом... — воцарилось молчание.

— Мы должны убить его! — вскричал отец Хасона. Голос его был

полон ярости, гнева и отчаяния.

— Я должен привести вас к присяге, — начал было Вихиль.

— К черту присягу! — закричал Чавес. — Он убил моего брата!

Мужчины молчаливо соглашались с ним.

— Вы выследили его? — спросил Вихиль.

— Мы только что видели его, но упустили...

— Он там, — добавил кто-то.

— Это же зверь! Его нужно пристрелить, — кричал Чавес.

— Да! Да! — соглашались мужчины.

— Пойдите-ка, — голос отца. Я не слышал того, что он сказал, из-за шума. Все время вглядывался я во тьму реки, ища Лупито. Наконец, я нашел его — примерно в сорока футах в стороне, скорченного в тростниках, как прежде. Прежде ночь была только прохладной, теперь она стала холодной, и я весь дрожал. Я разрывался между страхом, заставлявшим меня трепетать, и желанием помочь бедняге. Но двигаться я не мог, только следил за происходящим, пригвождённый к месту.

— Марес прав, — услышал я рокошующий голос на мосту. В свете огней я различил фигуру Нарсисо. В городке жил только один человек такого роста, с таким голосом. Я знал, что Нарсисо был одним из старейшин из Лас Пастурас, и что он был добрым другом отца. Они часто вместе пили по субботам, а раз-другой он бывал у нас в доме.

— *Pog Dios, hombres!*³³, — вскричал он, — давайте же будем людьми! Там ведь человек, а не зверь. Там Лупито. Вы все его знаете. Знаете, что с ним сделала война.

Но мужчины не желали слушать Нарсисо. Думаю, оттого, что был он городским пьяницей, и говорили, будто никогда не сделал ничего полезного.

— Ступай похмелись, оставь мужское дело мужчинам! — насмехался один из них.

— Он убил шерифа в трезвом уме, — добавил другой. Я знал, что все восхищались шерифом.

— Я не пью, — возражал Нарсисо. — Это вы жаждете испить крови. Вы потеряли разум.

— Разум! — отпарировал Чавес. — А зачем он застрелил моего брата? Вы знаете, — обратился он к мужчинам, — брат никому не сделал зла. А сегодня обезумевший зверь подкрался сзади и отнял у него жизнь. Это что, разум? И зверя надо убить!

— *Si, Si*, — в голос вскричали все мужчины.

— По крайней мере, дайте поговорить с ним, — умолял Нарсисо. Я знал, что мужчине с льяносов нелегко идти на мольбу...

— Да, — добавил Вихиль, — быть может, он сдастся...

— Как же, станет он слушать! — выскочил вперед Чавес. — Он там, внизу, и по-прежнему с пистолетом, из которого застрелил моего брата! Пойдите, как же! Толкуйте! — Я словно видел, как Чавес выкрикивает все это в лицо Вихилью, а тот безмолвствует. — Вот какой разговор он понимает, — повернувшись, он выстрелил через перил моста. Отгремев, звуки выстрелов стоном пронеслись вниз по реке. Слышно было, как пули с плеском входят в воду.

— Стойте! — вскричал Нарсисо. Схватив ружье Чавеса, он удержал

его рукой. Чавес вырывался, но Нарсисо был слишком огромен и силен.

— Я поговорю с ним, — сказал Нарсисо. Он оттолкнул Чавеса. — Я разделяю твою горе, Чавес, — сказал он, — но одного убийства на сегодня довольно. Людей, должно быть, убедила его искренность, потому что они отошли и замерли.

Склонившись над бетонным парапетом, Нарсисо закричал во тьму.

— Эгей, Лупито! Это я Нарсисо. Это я, паренек, твой «компадре»! Послушай, друг — дурное дело свершилось этой ночью, но если мы поведем себя достойно, мы порешим его — дай только мне сойти вниз да потолковать с тобой. Лупито. Я помогу тебе...

Я взглянул на Лупито. Тот следил за всеми, кто стоял на мосту, но теперь, едва Нарсисо заговорил с ним, я увидел, как голова его свесилась на грудь. Он словно раздумывал. Я стал молиться, чтобы он послушал Нарсисо и чтобы гневные, отчаявшиеся люди на мосту не допустили греха смертоубийства. Ночь безмолвствовала. Мужчина на мосту ждали ответа. Слышался лишь плеск воды в реке.

— Амиго! — взывал Нарсисо. — Ты ведь знаешь, я твой друг, и хочу помочь тебе, парень. — Он тихонько засмеялся.

— Эй, Лупито, помнишь, всего несколько лет назад, перед тем как уйти на войну, помнишь, впервые пришел в «Восемь Шаров» сыграть самую малость. Помнишь, я сказал тебе, что Хуан Ботас чуть-чуть метит тузов табачной жвачкой; а он — то думал, ты совсем желторотый, да только ты обыграл его! — Он вновь рассмеялся. — То были славные времена, Лупито, перед войной! А теперь нам надо решать это злое дело... Но здесь есть друзья, они помогут тебе —...

Я видел, как затряслось напряженное тело Лупито. Приглушенный, горестный крик вырвался из его груди и слился с плеском воды в реке. Голова его медленно раскачивалась, и мне казалось, он, должно быть, думал и боролся с собой — сдаться ему или остаться гонимым, но вольным. Затем, как спущенная пружина, он вскочил, подняв пистолет прямо вверх. Вспыхнул огонь и громом отдался выстрел. Но стрелял он не в Нарсисо, не в людей на мосту. Лучи фонарей нашли его.

— Вот Вам и ответ! — возопил Чавес.

— Он стреляет! Стреляет! — Вскричал другой голос. — Он обезумел!

Пистолет Лупито прогремел снова. И опять — не в людей на мосту. Он стрелял, привлекая их огонь!

— Стреляйте же! Стреляйте же! — вскричал кто-то на мосту.

— Нет, нет! — шептал я сквозь стиснутые зубы. Но было уже поздно. Испуганные люди отозвались, нацелив ружья с моста. Раздался одиночный выстрел, потом последовал залп, словно из пушки, словно раскат грома в летние грозы.

Немало выстрелов поразило цель. Я видел, как Лупито, подброшенный пулями, упал навзничь, потом поднялся и, хромя и крича, пустился к берегу, где лежал я.

— Благослови... — казалось, вскричал он и тут раздался второй залп с моста, но на сей раз он прозвучал, словно хлопанье крыл, словно голуби, взмыв, закружились, ища гнездовья на церковной крыше. Потом Лупито упал ничком, все выгребая и выгребая руками, на берег из святых вод реки, прямо передо мною, хотел протянуть руки и помочь, но оцепенел от ужаса. Он взглянул на меня; лицо его было омыто водой, истекало горячей кровью, но уже было оно смуглым и мирным, сникая на прибрежный песок. Станный, клокочущий звук вырвался из его горла, и

он затих. Вверху, с моста, взмыл громкий общий крик. Мужчины уже бежали к краю моста, чтобы, спустившись, взять человека, чьи безжизненные пальцы впились в мягкий, мокрый песок прямо передо мною.

Повернувшись, я побежал. Черные речные тени обступали меня, пока я неслился к спасательным родным стенам. Ветви хлестали и резали лицо, лозы и корни хватили за ноги, в безумном бегстве я тревожил покой уснувших птиц, и их хриплые крики и хлопанье крыльев неслись мне навстречу. Ужас ночной тьмы никогда не был для меня полнее, чем в ту ночь. Еще услышав первый выстрел, я стал молиться вслух, и не перестал, пока не достиг дома. Снова и снова в уме моем проносились слова покаянной молитвы. Я еще не был знаком с катехизисом, и не был еще у святого причастия, но мать обучила меня уже Покаянию. Ее следовало читать после исповеди священнику или в качестве последней, предсмертной молитвы.

Слышал ли ее Бог? Стал бы слушать? Видел ли моего отца на мосту? И куда отлетела на крыльях душа Лупито? Или ее унесло вниз по реке к плодоносным долинам, на поля моего дяди?

А священник мог бы спасти Лупито. Ах зачем только моя мать мечтает о том, чтоб я стал священником! Какою властью смог бы я смыть пятна крови с нежных вод реки? Кажется, тут я заплакал, потому что, выйдя из речных зарослей, и направляясь к холмам, я впервые услышал собственные рыдания.

И тогда-то раздался крик совы. Задыхаясь, между рыданиями, я застыл, вслушиваясь в ее песню. Колотилось сердце, грудь болела, но едва я расслышал уханье совы Ультимы, в лунном ночном свете ко мне сошел покой. Долго стоял я неподвижно. Я понял, что сова была со мною всю ночь. Она следила за всем, что происходило на мосту. И весь кошмарный, темный страх, владевший мною, внезапно исчез.

Я поглядел на дом, который возвели на холме, на поросшем можжевельником холме, мой отец и братья; он стоял в тишине и мире, в синеве ночи. Небо сверкало миллионами звезд; светил рогатый месяц Девы, серп Луна, родичей моей матери. Мать станет молиться за душу Лупито.

Вновь позвала сова, и дух Ультимы охватил меня, вдохнув силы. Обернувшись, я поглядел за реку. Кое-где в городке светились огни. В лунном свете я различал колокольню, крышу школы, а дальше в стороне — блеск городской водонапорной башни. Я услышал приглушенный вой сирены, и понял, что сейчас мужчины вытаскивают Лупито из речных вод.

Илистые воды реки навсегда отныне запятнаны кровью — навеки, навеки, навеки...

Осенью мне придется идти в городскую школу, а через несколько лет я начну брать уроки катехизиса при церкви. Дрожь сотрясала тело. Все болело от хлестких веток речных кустов. Но куда больнее было оттого, что я впервые стал свидетелем смерти человека.

Отец не любил городка и его обычаев. Когда мы еще только перебрались из Лас Пастурас, мы снимали в городке домик. Но каждым вечером он глядел за реку, на эти голые, пустынные холмы, пока наконец, не откупил пару акров земли и не начал строиться. Все называли его безумцем, говоря, что дикий, каменистый холм не даст плодов, и мать была сильно разочарована. Ей хотелось купить землю у реки, где земля

была плодородной, где хватало вдоволь *воды* овощам и деревьям. Но отец победил в споре, чтобы оказаться поближе к своим льяносам, потому что холм наш на самом деле давал начало льяносам, отсюда они протирались, насколько хватало глаз, до Лас Пастурас и дальше.

Мужчина из городка убили Лупито. Но сам он убил шерифа. Говорили, будто это война свела его с ума. Молитвы о Лупито слились с молитвами о моих братьях. Так много мыслей проносилось в голове, что я почувствовал звон в ушах, усталость и тошноту. Я пробежал остаток пути и тихонько проскользнул в дом. Ухватившись в темноте за перила лестницы, я почувствовал, как теплая рука сжала мою. Подняв взгляд в испуге, я увидел смуглое, морщинистое лицо Ультимы.

— Ты знала! — прошептал я. Мне было ясно — она не хотела, чтобы слышала мать.

— Si, — отвечала она.

— А, сова... — выдохнул я. Ум мой искал ответа, но тело до того устало, что колени подкосились, и я упал ничком. Как ни мала и хрупка была Ультима, у нее хватило сил поднять меня на руки и отнести к себе. Она опустила меня на свою постель и потом, при свете маленькой мерцающей свечки, смешала в жестяной кружке один из своих травяных настоев, подержав над огнем, согрела и дала мне выпить.

— Они убили Лупито, — вымолвил я, проглатывая снадобье.

— Я знаю, — кивнула она — приготовив другое лекарство и омыла порезы на моем лице и ногах.

— Он попадет в ад? — спросил я.

— Об этом не нам судить, Антонио. Недуг войны не вывели из него, и он не ведал, что творил...

— А люди на мосту? Мой отец?

— Мужчины поступают так, как должны, — ответила она. Ультима сидела рядом на постели, голос ее успокаивал, а напиток, что она дала мне, клонил в сон. Дикое, пугающее возбуждение, владевшее моим телом, начало спадать.

— Обычаи мужчин темны, и их нелегко познать, — услышал я ее слова.

— А я их познаю? — спросил я веки словно наливались свинцом.

— Ты многое познаешь, и увидишь многое, — услышал я ее далекий голос. Я почувствовал, как меня накрывают одеялом. Мне стало спокойно в теплой неге этой комнаты. Снаружи завела сова свою песнь, вопрошая мрак, и я уснул.

Но и в глубоком сне меня обступили видения. Я увидел трех моих братьев. Увидел такими, как до расставания, перед войной — казалось это было давным-давно. Они стояли у дома, что сняли мы в городке, и глядели за реку, в холмы льяносов.

— Отец говорит — город крадет нашу волю, говорит, что нам следует возвести за рекой крепость, на одиноком холме пересмешиков, — кажется, первым заговорил Леон, он был старшим, и голос его всегда имел печальный оттенок. Но в густой дымке сна я не мог быть в этом уверен.

— На сердце у него тяжесть, с тех пор, как мы переехали в город, заговорил второй; предки его были из рода Марес, мужи моря; то были конкистадоры, чья воля не знала узды.

Теперь говорил Эндрю! Эндрю! Я расслышал точно, потому что голос

был хриплым, под стать его плотному крепкому телу.

— Отец говорит, что воля дикого коня — в крови у Маресов, и взгляд их всегда устремлен на запад. Отцы его вышли из вакеро, и оттого он считает, что и мы станем мужами льяносов. Третий голос, я уверен, принадлежал Юджину.

Мне хотелось прикоснуться к ним. Я жаждал их близости. Вместо этого я заговорил.

— Нам всем нужно сойтись вокруг нашего отца, — услышал я собственный голос. Его вещий сон — скакать на запад в поисках новых приключений. Он строит дороги, что тянутся к самому солнцу, и по этой дороге мы должны пройти вместе с ним.

Братья нахмурились.

— Ты — из рода Луна, — вскричали они в один голос, и по воле матери тебе предстоит стать земледельцем-священником!

Голуби пришли напиться в спокойствии речных омутов, крики их звучали грустью во мраке моего сна.

Братья смеялись.

— Ты всего лишь дитя, Тони, ты — вещий сон нашей матери. Оставайся и спи под воркованье голубей, пока мы перейдем могучую Реку Карпа, чтобы воздвигнуть отцовский замок среди холмов.

— Я тоже пойду! — вскричал я вслед трем темным фигурам. Я подниму илистые воды реки, благословляя наше новое жилье!

Вдоль по реке разнесся, наполняя долину, мучительный вопль одинокой богини. От этого протяжного плача в жилах мужчин стыла кровь.

Это плакальщица, Ла орона, — вскричали в страхе братья, — это старая ведьма, что рыдает на речных берегах, жаждая крови подростков и мужчин!

Ла орона жаждет души Антонио-о-о-о-о-о-о...

— То — душа Лупито, — вскричали они в страхе, — осужденная скитаться по реке ночами, потому что воды ее унесли его душу!

Лупито жаждет благословения-а-а-а-а-а-а...

— Нет! Ни то, ни другое! — вскричал я. Вскинул черную рясу священника на плечи, затем воздел руки над головой. Вокруг меня клубился туман, а когда я заговорил, вспыхнули искры.

— Это сила реки!

— Спаси нас, вскричали братья и потянулись ко мне.

Я воззвал к силе реки, и она позволила моим братьям перебраться, вместе с плотницким инструментом, чтобы воздвигнуть наш замок на холме.

Я слышал, как позади нас мать моя стенала и плакала, ибо с каждым солнечным циклом сын ее становился старше...

(Продолжение следует)

Translated into russian...

ДЭН СИММОНС. «ГИПЕРИОН» («Hyperion», 1989) Роман / Пер. с англ. А.А.Короткова, Н.А.Науменко. Под общей редакцией Н.А.Науменко. — Серия «Координаты чудес». — М.: АСТ, 1995. - 672 с.).

ДЭН СИММОНС. «ПАДЕНИЕ ГИПЕРИОНА» («The Fall of Hyperion»,

1990). (Роман / Пер. с англ. С.В.Силаковой, Н.А.Науменко. Под общей редакцией Н.А.Науменко. — Серия «Координаты чудес». — М.: АСТ, 1996.- 640 с.).

ДЭН СИММОНС. ЭНДИМИОН («Endymion», 1996) (Роман / Пер. с англ. К.М.Королева. — Серия «Координаты чудес». — М.: АСТ, 1996.- 688 с.).

Впервые очутившись в мире, созданном воображением Дэна Симмонса, чувствуешь себя весьма неуютно. Не хватает воздуха и света. Мрак, всеобщее равнодушие и жестокость царят на этих страницах. И вряд ли то обстоятельство, что страницы эти исполнены некоего холодного подобия красоты и гордого изящества, может искупить для любителей *harry end'ов* погружение в атмосферу неотвратно приближающейся беды — всеобщей катастрофы — вопреки наружному благополучию выведенной в романах цивилизации будущего, имеющей доступ ко всей накопленной предыдущими поколениями информации и возможность мгновенно перемещаться с планеты на планету (нуль-Т); где книжные магнаты и модные писатели живут в домах, расположенных сразу в нескольких мирах.

Скупое и расчетливое в «Гиперионе»³⁴ рассыпаны неясные упоминания о Бродягах — космических кочевниках, Шрайке — мстительном сверхсуществе, иногда, якобы, исполняющем желания (действительно, может быть, он их исполняет, но каким-то шутовским образом, за всем этим стоит какая-то дьявольская насмешка), и Гробницах Времени (которые «начинают открываться», и еще неясно, к чему это приведет), создавая причудливый узор Эпохи Конца, на столетия отстоящей от нашего времени.

Предвосхищают ужас неотвратимой грядущей бойни, межзвездного Апокалипсиса знаки, переданные из будущего, и строки стихов, рвущиеся в мир из-под пера поэта; опасность исходит от самых безобидных на первый взгляд и самых соблазнительных предложений — так что в конце концов вздыхаешь с облегчением, обнаружив, что всеобщее разрушение не столь уж страшно, а некоторые, казалось бы, безвозвратно погибшие герои вновь оживают.

Но не тем хорош Дэн Симмонс, что сюжет его романов как-то особенно заковырист.

В какой-то момент, ухватив общую структуру «Гипериона», отмечаешь подчеркнутую непретенциозность этой самой структуры. Это шесть исповедей участников паломничества к Шрайку, призванного, на первый взгляд, неизбежную катастрофу предотвратить, но такого же безнадёжного, как и действия облеченного властью Альтинга, и вооруженного сверхмощным оружием флота ВКС. В эти вставные новеллы вплетены дневники, юношеские воспоминания... Таким образом «Гиперион» сразу же опрокидывается в прошлое, основные события доведены лишь до прихода паломников в долину Гробниц Времени. Конфетка, которой поманили, обещана лишь во второй части, в «Падении Гипериона», и, чтобы получить удовольствие от чтения «Гипериона», приходится заранее смириться с непрерывными ретардациями и отвлечениями от основной линии — противостояния Гегемонии, то есть

34 В 1989 году «Гиперион» получил премию «Хьюго».

планет Великой Сети и Бродяг.

Такое построение романа (недаром в начальной главе «Гипериона» поминаются «Кентерберийские рассказы» Чосера), по всей видимости, должно вызвать законное уважение и подчеркнуть серьезность намерений самого автора, который пользуется столь скромными средствами, чтобы нарисовать масштабную картину жизни всего человечества, расселившегося по Галактике. Но это достоинство «Гипериона» лично для меня не является решающим, тем более, что оно имеет и свою оборотную сторону.

Во-первых, временами рассказчик в Дэне Симмонсе берет верх над романистом — и тогда отдельные ответвления сюжета становятся слишком самодостаточными, искусственно привинченными к основному корпусу. Это касается, например, главы «Вспоминая Сири», первоначально бывшей отдельной повестью, опубликованной Симмонсом в 1983 году. Лучше бы так отдельной повестью ей и оставаться... Линия священника («Человек, который искал Бога») на первый взгляд тоже требует к себе большего внимания и кое-что теряет, оказываясь в составе романа. Но свое полное развитие она получает в третьем романе цикла, в «Эндимионе», где уже новые герои бесстрашно вступают в борьбу с теократическим межпланетным государством Ордена, продуктом того самого дьявольского искушения бессмертием, что предоставляет своему хозяину паразит-крестоформ из первого романа.

Философские построения Дэна Симмонса увлекательны сами по себе, но порой оставляют впечатление стрельбы из пушек по воробьям, ибо наиболее изысканные ходы мысли автора и героев (скажем, Бог отнял у Авраама сына, заставив признать высшей ценностью спасение своей собственной души — совсем не по Кьеркегору; или идея о принципиальной амбивалентности творчества, когда равновероятно и то, что поэт всего лишь отображает зло мира в своих творениях, и то, что монстр рожден именно его вдохновением) не оказывают в конечном счете реального влияния на само действие, которое развивается по законам иного жанра, приводимого в действие пружиной интриги, а не метафизическим ветерком. Сомнения Сола Вайнтрауба обречены оставаться сомнениями, путь Северна ведет в пустоту, растворяя в общем потоке всеобщего разрушения без остатка все догадки касательно настоящего устройства бытия... Кому-нибудь может даже показаться, что не любит Дэн Симмонс своих героев, с холодным интересом вивисектора нанизывая их на ветви Древа Боли, как мясо на шампуры. То, что Дэн Симмонс — мастер короткой формы, доказывают престижные премии, но нам от этого не легче³⁵...

Во-вторых, уже вторая часть тетралогии, «Падение Гипериона», с необходимостью разрушает структурную замкнутость первой, отнюдь не расширяя то внутреннее романное пространство, что уже сформировано «Гиперионом», и даже снижая местами тот эмоциональный накал, что является, по-моему, основным преимуществом романа первого. Надо

35 Премия журнала «Локус» (Locus Awards) 1990 г. за лучшую короткую повесть «Entropy's Bed at Midnight» («Ложь Энтропии в полночь»; кстати, в том же году читатели «Локуса» признали лучшим SF романом «Падение Гипериона», а годом раньше — «Гиперион»); премия имени Брэма Стокера (Bram Stoker Award) 1992 г. за лучший авторский сборник «Prayers of Broken Stones» впрочем, насколько мне известно, рассказы Симмонса еще не публиковались на русском языке

отдать должное, «Падение» все же гораздо динамичнее и насыщеннее событиями, но в этом ему состязаться с большинством романов такого рода³⁶ смешно, не в этом его преимущество...

Кстати сказать, в отличие от «Гипериона», «Падение» все же не получило «Хьюго», лишь побывав в 1990 г. в числе лидеров.

Как легко было бы предположить, остался незамкнутым и «Эндимион», лишь в самом начале пообещав разрешение всех загадок и сюжетных линий — но здесь уже в полной мере вступают в действие законы СЕРИИ.

Герои Дэна Симмонса затеряны в перенаселенном мире будущего, каждый из них по-своему одинок, и их путь по стремительно пустеющим дорогам Гипериона только переводит это одиночество из плана метафизического в план чисто материальный. Они теряются, снова находятся, учатся любить и уважать друг друга. Их души, выгоревшие среди непонимания, отчужденности, жестокости цивилизации, стремительно ведомой к концу волей строящих своего собственного Бога искусственных разумов (ИскИнов из так называемого Техно-Центра), открываются навстречу дружбе и проникаются ответственностью за судьбы всего человечества. Личная месть и личная страсть уступают напору Истории, стремительно вторгающейся на пятачок долины Гробниц Времени.

Исподволь автор подводит нас к истокам крушения сконструированной им цивилизации. Все поры ее (как пространство между порталами нуль-сети ИскИнами), забиты эгоизмом, пошлостью и самодовольством, нежеланием понимать Других и пренебрежением Красотой — будь то красота отточенной поэтической строки или живые острова и разумные дельфины Мауи-Обетованной.

Мир, где никому не нужно подлинное творчество, обречен и не имеет больше права на существование. Эту нехитрую истину каждый из героев Симмонса постигает по-своему, за болью потерь, сквозь мучения и предательства стремясь увидеть то Будущее свободно развивающихся личностей, которое приближает каждый их шаг. Имя замечательного английского поэта Джона Китса становится особой эмблемой, паролем, связывающим времена. Умерший среди равнодушия и ханжества поэт, «эпохи до Хиджры» волею фантаста оживает в технократическом мире и ведет нас, как новый Вергилий, по стремительно сужающимся кругам этого нового Ада, изведавшего «чистую поэзию боли».

Главное, в чем преуспел Дэн Симмонс, — это выражение ощущения настоящего художника, поэта, священника, воина, живущих в такой необъятной Стране Дураков с кучей электронных штучек, где люди лишены обычного человеческого тепла и, по сути, не нужны друг другу.

Две вещи — Красота и Боль — это то, что приходит у Дэна Симмонса на смену почти отсутствующим в его мире Добру и Справедливости, это то окончательное и непреложно авторитетное для всех разуверившихся и всячески обделенных судьбою, против чего не поспоришь и с чем волей-неволей приходится считаться, как с новым всемирным законом. Шрайк несет с собой Боль — и, следовательно, он реален. Поэмы Мартина Силена прекрасны — следовательно, они обладают своей собственной силой. Поэт считает, что это он породил или вызвал чудовище, но именно

36 Имеется в виду жанр технотриллера.

стихи позволяют на мгновение уменьшить невыносимую боль — и тем самым вступить в особое единоборство, происходящее в иной, чем битвы полковника Кассада, плоскости; у Мартина Силена свои счета с Повелителем Боли, по которым он заплатит в «Эндимионе», его проклятые стихи звучат и века спустя в душе мятежного героя, разоблачая ясную, но лишенную красоты картину мироздания, сконструированную Орденом. В этом своя особая метафора, отсылающая к Бодлеру («Les Fleurs du Mal»)³⁷, Китсу, Йейтсу и еще многим, тем, кто был до и после них, возводя единый Храм, не ведающий относительности всех прочих истин. Поэзия, Творчество — как парение над Бездной, как поиски все более изысканных страданий в невиданной человеческой гордыни носителей «обнаженного сердца».

О «Гиперионе» я впервые узнал из статьи ныне покойного писателя и переводчика Александра Щербакова, опубликованной в «Интеркоме» N 1 (3) за 1992. Там же сообщалось и об осуществленном первом переводе первого романа (где он, кстати, тот перевод?). После этого оставалось только с нетерпением ждать самой книги. Конечно, не все из обещанного мэтром сбылось наяву. И мало что, честно говоря, роднит романы Дэна Симмонса со Стругацкими, неужто, в самом деле, Бродяги похожи на Странников, а сверхнаркотик флэшбэк — это тот самый знаменитый слег?! И в «Падении Гипериона» не обнаружилось обещанной сложнейшей и тщательно прописанной системы миров, планет... Результат сочинения романа с помощью компьютерных сетевых графиков оказался не столь уж впечатляющим, знаем мы романы и покруче, возьмите того же Желязны или Френка Херберта... А в Дэне Симмонсе подкупает иное: мудрость отшельника со Скалистых гор, постигшего сущность Красоты и Боли. Только, помнится, еще Федор Михайлович (Достоевский) горевал о людях, которые «провозгласили, что страдание есть красота, ибо в страдании лишь мысль. Они воспели страдание в песнях своих»³⁸. Что ж, будем благодарны за возвращение к этой мысли.

В послесловии к «Эндимиону», написанном переводчиком Кириллом Королевым, утверждается, что герои фантастики пассионарны все без исключения. Конечно, это не так. Все гораздо сложнее. И номинальное применение к творчеству автора, которое в данный момент привлекает внимание публики, модной терминологии вряд ли что-то объяснит.

Не всегда, как известно, то, что собрало в свое время за рубежом множество премий, оказывается интересным для нашего читателя. Здесь тот самый случай, когда роман с удовольствием читаешь по-русски. Совсем недавно соавторы перевода «гиперионовской» дилогии получили премию «Странник». Правда, можно заметить стилистическую разницу, внесенную переводчиками в три романа Симмонса. Язык «Падения» в отличие от «Гипериона» [«...Три недели в большом доме-дереве под гнувшимся стволом дерева-мачты, дельфины-пастухи, сопровождавшие нас, словно почетный эскорт, тропические закаты, превращавшие каждый вечер в чудо, звездный балдахин над нами по ночам и фосфоресцирующая кильватерная струя — тысячи переливающихся вихрей, словно вобравших в себя сияющее великолепие созвездий...» — с.583] выглядит не столь

37 Название самой знаменитой книги Бодлера переводят на русский язык как «Цветы Зла», но «le mal» по-французски — это и зло, и боль, и беда.

38 «Сон смешного человека». Собр. соч. т.14, с. 135-136.

цветистым, но строгим и даже холодноватым, а в «Эндимионе» еще меньше метафоричности и изящества, но он энергичнее, чем первые два романа (ср.: «Разреженный воздух снаружи буквально искрился. Небо над головой было, как везде на Гиперионе, лазурным, однако над южной стеной каньона уже мерцало марево.» — с.126). Но может быть так и надо, ведь повествование в «Эндимионе» ведется от лица простого парня, выходца из пастушеского клана первопоселенцев Гипериона.

Остается только надеяться, что в недалеком будущем мы будем иметь возможность прочесть и четвертый роман — «Восход Эндимиона», который только издается сейчас на английском...

Максим Борисов

Инвариант

Продолжаем публикацию глав книги А. де Токвиля, находящейся в центре дискуссий в современной Америке. Предыдущие главы:

Предисловие к журнальной публикации. Введение. Гл.1. Внешние очертания Северной Америки. — № 4, 1994; Гл. II. Происхождение англоамериканцев и как оно сказалось на их будущем. — № 5, 1994; Гл. III. Общественный строй англоамериканцев, Гл. IV. О принципе народовластия в Америке. — № 6, 1994; Гл. V. Необходимость изучить происходящее в отдельных штатах, прежде чем перейти к описанию управления всем Союзом. — № 1-2, 1995; Гл. VI. Судебная власть в Соединенных Штатах и ее влияние на политическое устройство общества; Гл. VII. О федеральной конституции. — № 4,5-6 1995; Часть вторая. Гл. I. На чем основывается утверждение, что в Соединенных Штатах страной управляет народ. Гл. II. О партиях в Соединенных Штатах. Гл. III. О свободе печати в Соединенных Штатах. Гл. IV. О политических объединениях в Соединенных Штатах. — № 1-2, 1996; Гл. V. О демократическом правительстве в Америке. — № 3-4, 1996; Гл. VI. Реальные преимущества демократической формы правления для американского общества. — № 5-6, 1996; Гл. VII. — О всевластии большинства в Соединенных штатах и его последствиях. — № 7, 1996.

Алексис де Токвиль (1805-1859)

Демократия в Америке³⁹

Глава VIII

ЧТО СДЕРЖИВАЕТ ТИРАНИЮ БОЛЬШИНСТВА В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

ОТСУТСТВИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

Большинство не может все делать само. — Его суверенную волю в общинах и округах выполняют должностные лица.

Ранее я выделил два вида централизации: правительственную и административную.

³⁹ Публикуется по изданию: Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. — М., Прогресс, 1992.

Перевела Ирина Малахова.

В Америке существует только первая, вторая несвойственна этой стране.

Если бы американская государственная власть имела в своем распоряжении оба вида правления и к своему праву всем командовать присоединила бы способность и привычку все исполнять самой; если бы, установив общие принципы правления, она стала вникать в детали его осуществления в жизни и, определив главные нужды страны, дошла бы до ограничения индивидуальных интересов, тогда свобода была бы вскоре изгнана из Нового Света.

Но в Соединенных Штатах большинство, у которого часто вкусы и наклонности деспота, пока не владеет самыми совершенными средствами тирании.

Американское правительство всегда занималось только небольшим количеством тех внутренних проблем своих республик, значимость которых привлекала его внимание. Оно никогда не пыталось вмешиваться во второстепенные дела своих штатов. У него даже и намерения такого не было. Большинство, став почти абсолютным, не увеличило функций центральной власти, оно лишь сделало ее всемогущей в пределах отведенной ей сферы деятельности. Деспотизм может быть крайне тяжелым, но он не может распространяться на всех.

Как бы ни увлекали большинство в государстве собственные страсти, с каким бы пылом оно ни бросалось на реализацию своих собственных проектов, оно не сможет добиться того, чтобы везде одновременно и одинаковым образом все жители страны подчинились его желаниям. Издавая приказы, центральное правительство, отражающее его волю, вынуждено полагаться на исполнителей, которые часто от него не зависят и деятельность которых оно не может постоянно направлять. Муниципалитеты и администрация округов, как подводные камни, сдерживают и рассекают волну народной воли. Если закон носит притесняющий характер, свобода отыщет выход в самом исполнении закона, и большинство не сумеет вникнуть в детали и, осмелюсь сказать, в глупости административной тирании. Оно и не представляет себе, что может это сделать, так как у него нет целостного представления о размерах своей власти. Ему известны лишь его природные силы и неведомо, до какой степени умение может развить их.

Следующая мысль заслуживает внимания: если когда-нибудь демократическая республика, подобная Соединенным Штатам, появится в стране, где абсолютная власть уже установила, узаконила и сделала привычной административную централизацию, скажу откровенно, что в такой республике деспотизм будет гораздо невыносимее, чем в любой абсолютной монархии Европы. Только в Азии можно найти что-нибудь подобное.

О ЗАКОННОСТИ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ И КАК ОНА СЛУЖИТ ПРОТИВОВЕСОМ ДЕМОКРАТИИ

О том, как полезно исследовать свойства законности. — Легисты призваны сыграть серьезную роль в зарождающемся обществе. — Деятельность легистов развивает у них аристократический образ мыслей. — Случайности, воздействующие на их образ мыслей. — С какой легкостью аристократия объединяется с легистами. — Какую пользу деспот мог бы извлечь из деятельности легистов. — Чем объясняется, что

легисты образуют тот единственный аристократический слой в обществе, который способен соединяться с демократическими слоями. — Особые причины, благодаря которым мысли английского и американского легистов облекаются в аристократическую форму выражения. — Адвокаты и судьи составляют американскую аристократию. — Какое влияние оказывают легисты на американское общество. — Как дух законности проникает в легислатуры, администрацию и в конце концов прививает народу некоторые черты, свойственные административной власти.

Когда познакомишься с американским обществом, изучишь его законы, то видишь, что власть, данная здесь законооведам, их влияние на правительство служат сегодня самой мощной преградой нарушениям демократии. Это, на мой взгляд, является следствием какой-то общей причины, которую полезно рассмотреть, ибо она может снова появиться в каком-нибудь другом месте.

В средние века легисты великолепнейшим образом способствовали распространению власти королей. В последующие времена они приложили все усилия, чтобы ограничить эту власть. В Англии они тесно объединились с аристократией; во Франции они проявили себя как ее злейшие враги. Возникает вопрос; не ведут ли себя служители закона, повинаясь внезапным и временным побуждениям, или они все-таки, сообразуясь с обстоятельствами, следуют свойственной им интуиции, которая всякий раз и определяет их действия? Я хотел бы пояснить эту мысль, поскольку, может быть, легисты призваны сыграть первую роль в зарождающемся политическом обществе.

Люди, специально изучавшие законодательство, приобрели благодаря этим трудам привычку к порядку, определенный вкус к формальностям, пристрастие к точному, последовательному выражению мыслей. Это, естественно, делает их противниками революционного духа и необдуманных страстей, свойственных демократии.

Специальные знания легистов, полученные ими при изучении законодательства, обеспечивают им особое положение в обществе; в среде образованных людей они составляют привилегированный класс. Подтверждение своему превосходству они находят ежедневно в своей профессии: они специалисты в очень нужной области, в которой немногие разбираются; они выступают в качестве арбитров при разрешении конфликтов между гражданами, и привычка направлять к определенной цели слепые страсти выступающих на судебном процессе сторон выработала у них презрительное отношение к толпе. К этому добавьте, что они естественным образом составляют сословие. Все это не означает, что между ними существует полное согласие и что сообща они двигаются к единой цели. Но совместная учеба и единство методов в работе делают их единомышленниками, а общий интерес может объединить и их волю.

В глубине души законоведы таят некоторые аристократические вкусы и привычки. Как и аристократы, они обладают безотчетной склонностью к порядку, чтут формальности; как и аристократия, они испытывают крайнее отвращение к действиям толпы и тайно презирают народное правительство.

Я вовсе не хочу сказать, что эти природные наклонности служителей закона так сильны, что могли бы их прочно объединить. У законоведов, как и вообще у людей, на первом месте свой собственный, и особенно

сиюминутный, интерес.

В некоторых странах служители закона не могут добиться на политическом поприще такого же успеха, как в обычной жизни; можно быть уверенным, что в таком обществе они станут активными проповедниками революции. Однако нужно посмотреть, где кроется причина, толкающая их к разрушениям или к переменам, — в стойком предрасположении к этому или же тут все дело случая. Законоведы действительно внесли значительный вклад в свержение французской монархии в 1789 году. Остается узнать, почему они это сделали: потому ли, что изучали законы, или потому, что не могли участвовать в их составлении?

Пятьсот лет назад английская аристократия стояла во главе народа и говорила от его имени; сегодня она поддерживает трон и выступает на стороне королевской власти. Между тем аристократия по-прежнему обладает свойственными ей одной склонностями.

Нужно остерегаться переносить на все сословие качества отдельных его представителей.

Во всех свободных странах, какой бы ни была форма их правления, законоведы всегда в первых рядах существующих партий. То же самое можно сказать и об аристократии. Во главе почти всех демократических движений, в тот или иной период волновавших мир, стояли дворяне.

Ни одно элитное сословие никогда не сможет удовлетворить всех своих честолюбивых устремлений; в его среде всегда больше талантов и страстей, чем возможностей их применения. И там всегда можно встретить значительное число людей, не умеющих быстро сделать карьеру, пользуясь привилегиями сословия, и тогда они избирают другой путь, чтобы выдвинуться: они начинают резко выступать против привилегий этого сословия.

Я не утверждаю, что наступит время, когда все законоведы проявят себя друзьями установленного порядка и врагами любых перемен, так же как я не стану утверждать, что всегда, во все времена большинство легистов ведут себя именно так.

В стране, где им удастся беспрепятственно занять то высокое положение, которое принадлежит им по праву, они станут в высшей степени консервативными и антидемократичными.

Как только аристократия закроет законоведам доступ в свое сословие, они тут же перейдут в стан ее врагов, тем более опасных, что, будучи менее богатыми, чем она, и не входя в правительство, они не зависят от нее в своей работе, а по уровню образования считают себя равными ей.

В тех же случаях, когда аристократическое сословие выражало готовность поделить часть своих привилегий со служителями закона, оба класса легко объединялись и оказывались, если можно так выразиться, членами одной семьи.

Я также склонен думать, что любому монарху было бы несложно сделать из служителей закона самых надежных поборников своей власти.

Ведь между законоведами и исполнительной властью несравненно больше естественной близости, чем между ними и народом, хотя законникам случалось участвовать в свержении власти. Больше естественной близости также между аристократами и королем, чем между аристократами и народом, хотя известны неоднократные случаи объединения высших классов общества с народом для борьбы против

власти короля.

Законоведы всему предпочитают порядок, а самая надежная гарантия порядка — это власть. Не нужно забывать и о том, что, хотя они и ценят свободу, законность они ставят выше ее, тирания внушает им меньше страха, чем беззаконие, и, если инициатором ограничения свободы выступает законодательная власть, их это вполне устраивает.

Полагаю, что тот монарх, который перед лицом надвигающейся демократии решил бы ослабить судебную власть в своих владениях и уменьшить политическое влияние законоведов, совершил бы большую ошибку. Он выпустил бы из рук основу своей власти, чтобы удержать ее подобие.

Я не сомневаюсь также в том, что самое полезное для него — это ввести законников в правительство. Деспотизму, опирающемуся на силу, они, возможно, сумеют придать черты справедливости и закона.

Демократическое правительство благосклонно относится к политической силе легистов. Как только богач, аристократ и монарх будут изгнаны из правительства, законоведы с полным правом займут их места, ибо это единственные просвещенные и умелые люди, которых народ может избрать помимо своих представителей.

Если говорить о вкусах и склонностях, то служителям закона, естественно, близки аристократия и монарх, но забота о выгоде так же естественно склоняет их к народу.

Итак, легисты принимают демократическое правительство, не разделяя его наклонностей и не перенимая его слабостей, что вдвойне способствует укреплению их силы благодаря демократии и над демократией.

В странах демократического правления народ не питает недоверия к легистам, поскольку знает, что им выгодно служить делу демократии; он их выслушивает без гнева, так как не подозревает их в вероломстве. И в самом деле, служители закона вовсе не имеют намерения свергнуть демократическое правительство, они лишь стараются направить его деятельность по тому руслу, которое ему не свойственно, и теми средствами, которые ему чужды. Законники связаны с народом своим происхождением и своими интересами, а с аристократией их связывают привычки и вкусы; они — естественное связующее звено между теми и другими, нить, их объединяющая.

Сословие служителей закона — единственное аристократическое сословие, которое без усилий может влиться в демократию и соединиться с ней успешно и надолго. Мне известно, какие недостатки свойственны аристократии, однако я сомневаюсь, что демократия сможет долго управлять обществом, и я не могу поверить, что в наше время республика может надеяться сохранить себя, если влияние, оказываемое законоведами, не будет возрастать пропорционально утверждению власти народа.

Аристократические черты сословия законоведов гораздо сильнее выражены в Соединенных Штатах и Англии, чем в какой-либо другой стране. Это зависит не только от эрудиции английских и американских легистов, но и от самого законодательства и от того места, которое занимают толкователи закона в своих странах.

И в Англии, и в Америке сохраняется законодательство, опирающееся на прецеденты; и в той, и в другой стране законники заимствуют свои суждения в документах, составленных в соответствии с

законами отцов, и принимают решения, ссылаясь на эти же документы.

В этом содержится источник еще и другого воздействия на образ мышления законоведа и, следовательно, на развитие общества.

Английский или американский служитель закона доискивается, что же было совершено, а французский законовед старается определить, каковы были намерения; для одного цель — аресты, для другого — мотивы преступления.

Когда вы слушаете английского или американского правоведа, вас удивляет, что он очень часто ссылается на мнения других и редко высказывает свое собственное; прямо противоположное вы услышите от французского правоведа.

Когда французский адвокат соглашается вести даже самое маленькое дело, он начинает с построения своей собственной системы идей, оспаривает даже основные принципы закона и так ведет защиту к поставленной цели, что суд в конце концов выносит решение перенести на туазу (1,949 м) межевой столб на территории оспариваемого наследства.

Отречение от собственного мнения, свойственное английским и американским правоведам, в угоду мнению отцов, своеобразная рабская зависимость, в которой содержатся собственные мысли, придают их сознанию привычную неуверенность и рождают у них неизменные склонности. Все эти качества мы находим у законников Англии и Америки в большей степени выраженными, чем у их коллег во Франции.

Законы, которые сегодня существуют во Франции, часто трудны для понимания, но каждый может их прочитать, и, наоборот, нет ничего менее понятного и менее доступного для простого человека, чем законодательство, основанное на прецедентах. Потребность в служителях закона в Англии и в Соединенных Штатах, высокое мнение об их образованности все более отделяют их от народа, и в конце концов они образуют отдельный класс. Во Франции законовед — это ученый. Служитель закона в Англии или в Америке в какой-то степени напоминает жрецов Египта, как они, он — единственный толкователь тайной науки.

Положение, занимаемое служителями закона в Англии и в Америке, оказывает существенное влияние на их привычки и мнения. Английская аристократия, заботливо привлекавшая в свои ряды всех, у кого было хоть некоторое, природой данное сходство с ней, немало сделала для правоведа, чтобы повысить их значительность и их власть. В английском обществе легисты не относятся к высшему свету, но они вполне удовлетворены своим общественным положением. Они как бы составляют младшую ветвь английской аристократии, и они любят и уважают старших, не имея их привилегий. Английские легисты примешивают к той пользе, которую они извлекают, будучи благодаря своей профессии близки к аристократии, аристократические идеи и вкусы того общества, в котором они живут.

Поэтому в Англии особенно часто можно встретить тот законченный тип правоведа, который я стремлюсь нарисовать: он уважает законы, но не столько потому, что они хороши, сколько потому, что они старые; и если он решается их немного изменить, чтобы привести в соответствие с теми переменами, которые со временем происходят в обществе, то прибегает ко всякого рода ухищрениям, дабы убедить себя в том, что его дополнения к наследию отцов способствуют развитию их мысли и

обогащают их труды. Не надейтесь заставить его признать, что он внес нечто новое в эти труды, он дойдет до абсурда, прежде чем признает себя виновным в столь великом преступлении. Именно в Англии родился этот дух законности, безразличный к существу дела, в центр внимания ставящий только букву закона; решения, диктуемые им, скорее будут лишены здравого смысла и неизменными, чем не соответствующими букве закона.

Английское законодательство напоминает старое дерево, на котором благодаря усилиям законовевов появились самые разные побеги. Это, однако, оставляло надежду, что, хотя они будут давать разные плоды, их листва, смешавшись, прильнет к почтенному старому стволу.

В Америке нет ни аристократов, ни интеллектуалов, и народ не доверяет богатым. Таким образом, законовевы здесь образуют высший политический класс и самую интеллектуальную часть общества. Следовательно, всякие нововведения привели бы их только к потерям, вот откуда их консерватизм, дополняющий профессиональную склонность к порядку.

Если бы меня спросили, какое место в американском обществе занимает аристократия, я бы не колеблясь ответил: только не среди богатых слоев населения, которые ничем не объединены. Место американской аристократии в среде адвокатов и судей.

Чем больше размышляешь о Соединенных Штатах, тем больше убеждаешься в том, что сословие законовевов служит в этой стране самым мощным и, можно даже сказать, единственным противовесом демократии.

И именно в Соединенных Штатах понимаешь, насколько законность своими достоинствами и даже своими недостатками способна нейтрализовать пороки, свойственные народному правлению.

Стоит американскому народу поддаться страстям или увлечься какими-нибудь идеями, законники незаметно дают ему почувствовать, что следует либо умерить свой пыл, либо вовсе отказаться от своих действий. Их аристократические наклонности втайне противостоят его демократическому характеру, а их преувеличенное уважение к старине идет вразрез с его любовью к новому, узость их взглядов не соответствует широте его замыслов, а их пристрастие к формальностям не сочетается с его пренебрежительным отношением к установленному порядку, и, наконец, их привычка действовать неспешно входит в противоречие с его пылкостью.

Для воздействия на демократию у сословия законовевов есть очень эффективный орган — суды.

Судья — это служитель закона, любовь которого к стабильности подкрепляется не только склонностью к порядку и правилам, усвоенным при изучении законов, но прежде всего своим положением: в Соединенных Штатах судьи избираются пожизненно. Знание законов уже обеспечило ему более высокое положение по сравнению с другими, политическое влияние ставит его в особое положение, благодаря которому у него появляются черты, свойственные привилегированным классам.

Американский судья имеет право признать закон неконституционным, поэтому он постоянно причастен к политической жизни страны. Он не может заставить народ принять тот или иной закон, но он может заставить его повиноваться принятым законам и не

противоречить самому себе.

Мне известно, что в Соединенных Штатах существует скрытая тенденция к уменьшению власти судей; согласно конституции большинства штатов, правительство по требованию обеих палат может лишить судей их места. По некоторым конституциям судьи *избираются* на короткий срок. Осмелюсь предсказать, что подобные новшества рано или поздно приведут к пагубным последствиям, когда однажды станет ясно, что покушение на независимость судей — это не только удар по юридической власти, но по самой демократической республике.

Впрочем, не следует думать, что в Соединенных Штатах дух законности сосредоточен исключительно в судах, он распространяется далеко за их пределы.

Правоведы, составляющие единственное сословие просвещенных людей, которым народ доверяет, занимают, естественно, большую часть государственных должностей. Они работают в легислатурах, возглавляют административные учреждения; они оказывают огромное влияние на формирование законов и их исполнение. Законоведы, впрочем, вынуждены уступать напору общественного мнения, но нетрудно определить, как бы они поступали, если бы были свободны. Американцы, внесшие столько нового в свои политические законы, в гражданские внесли очень незначительные изменения, да и те с трудом, хотя именно гражданские законы входят в острое противоречие с общественным устройством страны. Это происходит от того, что по части гражданского права большинство постоянно вынуждено полагаться на законоведов, а американские служители закона сопротивляются нововведениям.

Французу странно слышать сетования американцев на негибкость и предубеждения законников их страны, которые дают себя знать всякий раз, когда дело касается чего-то уже устоявшегося.

Влияние, оказываемое духом законности, распространяется здесь дальше обозначенных мною пределов.

В Соединенных Штатах практически нет такого политического вопроса, который бы рано или поздно не превращался в судебный вопрос. Вот откуда у политических партий появляется необходимость в своей повседневной полемике пользоваться и идеями, и языком, заимствованными у правоведов. Большинство государственных деятелей — это настоящие или бывшие правоведы, в свою работу они приносят свойственные им обычаи и образ мыслей. Существование суда присяжных приобщает к этому все классы. Дух законности, родившись в учебных заведениях и судах, постепенно выходит за эти пределы, проникает во все слои общества, до самых низших, и в итоге весь народ целиком усваивает привычки и вкусы судей.

В Соединенных Штатах законоведы не представляют собой силы, внушающей страх, их едва замечают, у них нет собственного знамени, они легко приспособляются к требованиям времени, не сопротивляясь, подчиняются всем изменениям социальной структуры страны. А между тем они проникают во все слои общества, обволакивают его полностью, работают изнутри, воздействуют на него помимо его воли. И все кончается тем, что они лепят это общество в соответствии со своими намерениями.

СУД ПРИСЯЖНЫХ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ

Суд присяжных — одно из проявлений народовластия, и его следует рассматривать в ряду всех законов, вытекающих из народовластия. — Как избирается суд присяжных в Соединенных Штатах. — Влияние, оказываемое судом присяжных на формирование национального характера. — Его воспитательное значение для народа. — Каким образом суд присяжных способствует укреплению влияния судей и распространению духа законности.

В своем повествовании я естественным образом дошел до американского судопроизводства и, чтобы завершить эту тему, хочу специально остановиться на суде присяжных.

В суде присяжных следует различать юридическое учреждение и политическое учреждение.

Если ставить вопрос о том, до какой степени суд присяжных, в особенности по гражданским делам, помогает вершить правосудие, то, признаюсь, ответ на него, утверждающий только его полезность, окажется спорным.

Суд присяжных был учрежден в малоразвитом обществе, где на его решение выносились лишь несложные вопросы, касающиеся голых фактов; привести его в соответствие с требованиями высокоразвитого общества — задача нелегкая, ибо общества выросло интеллектуально и духовно и взаимоотношения людей значительно усложнились.

В данном разделе я ставлю себе главной целью рассмотрение суда присяжных с политической точки зрения, любой другой путь увел бы меня далеко от избранной темы. Что же касается суда присяжных как судебного учреждения, то об этом я скажу лишь несколько слов. Когда англичане учредили суд присяжных, они представляли собой полуварварский народ. С тех пор они стали одной из самых просвещенных наций мира, и их приверженность суду присяжных возрастала по мере развития у них просвещения. Они вышли за пределы своей территории, распространились по всему миру. Они образовали колонии, независимые государства, основная часть нации сохранила монархию. Часть из тех, кто покинул страну, создали мощные республики. И повсюду англичане оставались верны суду присяжных. Повсюду они либо вводили его, либо спешили восстановить. Такой судебный орган, который заслуживает одобрения великого народа на протяжении веков, который неизменно возрождается во все периоды развития цивилизации, во всех странах, при всех правлениях, не может быть чужд духу справедливости⁴⁰.

40 Если говорить о полезности суда присяжных как судебного органа, можно привести множество других аргументов, и среди них следующие.

Вводя присяжных в число заседателей суда, можно без ущерба уменьшить число судей, а это принесет свою выгоду. Когда судей очень много, ежедневный уход из жизни кого-либо из них открывает вакансию для живущих. Честолюбие судей, естественно, постоянно накалено, это ставит их в зависимость от большинства или от того, кто назначает судей на вакантные места получается так, что карьера в судебных органах строится по тому же принципу, что и получение званий в армии. Такое положение дел противоречит нормальной деятельности судебных органов и намерениям законодательной власти. Пусть судьи избираются пожизненно, чтобы быть независимыми в своей деятельности; но как малозначима эта их независимость, если они сами добровольно становятся ее жертвой.

Когда судьи многочисленны, среди них встречается немало некомпетентных.

Однако оставим эту тему. Ибо рассмотрение суда присяжных только как судебного органа очень сузило бы его значение. Оказывая огромное влияние на ход судебного процесса, он еще большее влияние оказывает на судьбу самого общества. Таким образом суд присяжных — это прежде всего политический институт. И чтобы оценить его, нужно стать именно на эту точку зрения.

Под судом присяжных я подразумеваю группу граждан, выбранных наугад и временно облеченных правом судить.

Суд присяжных, используемый для борьбы против преступлений, представляет собой учреждение, в высшей степени способствующее укреплению республиканской формы правления, и вот почему.

По своему составу суд присяжных может быть аристократическим или демократическим в зависимости от того, к какому классу принадлежат присяжные. Но поскольку при существовании такого суда реальное руководство обществом находится в руках граждан или какой-либо части граждан, а не в руках правителей, он, безусловно, является республиканским учреждением.

Силой можно добиться лишь временных успехов, на смену ей вскоре приходит понятие права. Правительство, которое способно побеждать врагов только силой, не может существовать долго. Политические законы окончательно закрепляются благодаря уголовному законодательству. Если же уголовное законодательство не служит укреплению политического устройства общества это последнее рано или поздно разрушается. Поэтому настоящим хозяином в обществе является тот, кто творит суд над *преступниками*. А при существовании суда присяжных судьей становится сам народ или по крайней мере один класс граждан. Таким образом, благодаря суду присяжных реальное управление обществом оказывается в руках народа или данного класса⁴¹.

В Англии присяжными могут быть только аристократы, поскольку аристократия и создает законы, и следит за их применением, и судит за нарушение законов. Это стройная система, ведь Англия — аристократическая республика. В Соединенных Штатах все то же самое распространяется на весь народ. Каждый американский гражданин может избирать, быть избранным и может быть присяжным⁴². Суд присяжных в том виде, в каком он существует в Америке, представляет собой такое же прямое и крайнее следствие принципа народовластия, как и всеобщее избирательное право. И то и другое с одинаковой силой

Настоящий судья должен быть незаурядным человеком. Для достижения той цели, которую ставит перед собой правосудие, нет ничего хуже полуграмотных судей.

С моей точки зрения, лучше доверить судьбу судебного процесса неспециалистам-присяжным во главе с умным, знающим судьей, чем отдать его в руки судей, большинство из которых плохо знает юриспруденцию и законы.

41 Однако надо сделать одно важное замечание.

Учреждение суда присяжных в самом деле дает народу преимущественное право контроля за действиями граждан, но оно не дает ему возможности осуществлять этот контроль поголовно и тиранически.

Когда абсолютный монарх приказывает своим слугам судить преступника, судьба обвиняемого, можно сказать, предопределена. Что же касается суда присяжных, то благодаря своему составу и независимости он сохраняет шанс для оправдания.

42 Прим, автора см. в конце главы.

служит всевластию большинства.

Все государи, желавшие полной независимости своего могущества, стремившиеся направлять развитие общества по своей воле и пренебрегавшие его требованиями, упраздняли или ограничивали суд присяжных. Тюдоры бросали строптивых присяжных в тюрьму, а Наполеон поручал их подбор своим людям.

Хотя большая часть вышеизложенного кажется очевидной, не все понимают важность суда присяжных. Больше того, многие у нас имеют о нем лишь смутное представление. Например, когда обсуждают, кто должен входить в состав присяжных, ограничиваются спорами о просвещенности и способностях присяжных, как будто речь идет о чисто судебном учреждении. В действительности же при таком подходе упускают из виду главное: суд присяжных представляет собой прежде всего политическое учреждение, его надо рассматривать как одну из форм суверенной власти народа. Его надо либо полностью отвергнуть, если отвергается народовластие, либо привести в соответствие с другими законами, учреждающими это народовластие. Суд присяжных объединяет представителей народа, которым поручено обеспечить исполнение законов, так же как парламент объединяет тех, кто создает законы. Для того чтобы управление обществом было устойчивым и единообразным, необходимо, чтобы изменения в списках избирателей влекли за собой изменения в списках присяжных. Именно это должно быть главной заботой законодателей, все остальное — второстепенно.

Я глубоко убежден, что суд присяжных — это прежде всего политическое учреждение, и поэтому, когда его действие распространяется на гражданские дела, я склонен рассматривать его с той же точки зрения.

До тех пор пока законы не опираются на нравы, они ненадежны, поскольку нравы — это единственная долговечная и крепкая сила, которой обладает какой-либо народ.

Когда суд присяжных судит лишь уголовных преступников, народ видит его деятельность только изредка и в отдельных случаях. Он привыкает обходиться без него в повседневной жизни и рассматривает его как одно из средств достижения справедливости, но отнюдь не единственное⁴³.

Если же суд присяжных рассматривает и гражданские дела, то все сталкиваются с его деятельностью на каждом шагу, он затрагивает интересы каждого, и каждый стремится ему помочь. В результате он становится обычным явлением в повседневной жизни, человеческое сознание привыкает к форме его деятельности, и можно сказать, что он начинает олицетворять идею справедливости.

До тех пор пока деятельность суда присяжных ограничена уголовными делами, он в опасности, но как только она распространяется на гражданские дела, ему не страшны ни время, ни усилия людей. Если бы было так же легко изгнать суд присяжных из обычаев англичан, как из законов, он был бы полностью упразднен при Тюдорах. Следовательно, гражданские свободы в Англии сохранились главным образом благодаря существованию суда присяжных по гражданским делам.

43 Такая точка зрения становится еще более распространенной, если суд присяжных рассматривает лишь некоторые уголовные дела.

Какова бы ни была сфера действия суда присяжных, он обязательно оказывает большое влияние на национальный характер, которое заметно растет по мере того, как действие суда все больше распространяется на гражданские дела.

Суд присяжных, и особенно суд присяжных по гражданским делам, отчасти прививает всем гражданам образ мыслей, свойственный образу мыслей судей, а ведь именно это наилучшим образом подготавливает людей к свободной жизни.

Он распространяет во всех классах общества уважение к решению суда и понятие права. Без этих двух вещей любовь к независимости превращается в страсть к разрушению.

Он на практике показывает всем людям, что такое справедливость. Принимая участие в суде по делу своего соседа, каждый помнит о том, что и ему в свою очередь, возможно, придется иметь дело с судом. И это действительно так, особенно когда речь идет о суде присяжных по гражданским делам. Ведь мало кто опасается то его когда-либо обвинят в уголовном преступлении, но каждому может случиться участвовать в судебном процессе.

Суд присяжных учит каждого человека отвечать за свои действия, а без этой мужественной позиции невозможно воспитать политическую порядочность.

Он облакает каждого гражданина чем-то вроде судебной власти, внушает всем, что у них имеется определенный долг по отношению к обществу, что они участвуют в его управлении. Вынуждая людей заниматься не только своими собственными делами, он противостоит индивидуальному эгоизму, губительному для общества.

Суд присяжных удивительно развивает независимость суждений и увеличивает природные знания народа. Именно в этом и состоит, по моему мнению, его самое благотворное влияние. Его можно рассматривать как бесплатную и всегда открытую школу, в которой каждый присяжный учится пользоваться своими правами и ежедневно общается с самыми образованными и просвещенными представителями высших классов. Там он на практике постигает законы, которые становятся доступными его пониманию благодаря усилиям адвокатов, мнению судьи и даже страстям сторон. Думаю, что практический ум и политический здравый смысл американцев объясняется главным образом тем, что у них уже в течение длительного времени гражданские дела разбираются судом присяжных.

Не знаю, приносит ли пользу суд присяжных тяжущимся, но убежден, что он очень полезен для тех, кто их судит. Это одно из самых эффективных средств воспитания народа, которыми располагает общество.

Все вышесказанное можно отнести ко всем народам, но есть вещи, которые касаются только американцев и вообще демократических обществ.

Я уже говорил о том, что в демократических странах законоведы, а также судейские чиновники представляют собой единое аристократическое сословие, способное умерять народные порывы. Эта аристократия не обладает никакой материальной силой и может оказывать воздействие только на умы людей. Ее основные возможности заключены именно в суде присяжных.

В уголовных процессах, когда общество вступает в борьбу с одним

человеком, присяжные склонны смотреть на судью как на пассивный инструмент власти и могут не доверять его мнению. Кроме того, в уголовных процессах всегда рассматриваются простые факты, оценка которых не требует ничего, кроме здравого смысла. В этой области судья и присяжные равны.

В гражданских процессах дело обстоит совсем иначе. В них судья выступает как бескорыстный посредник между интересами тяжущихся. Присяжные доверяют ему и с уважением выслушивают его мнение, так как он обладает в подобных делах знаниями и опытом, которых они лишены. Именно он напоминает им различные аргументы, которые перепутались у них в памяти, указывает им путь в процедурных лабиринтах, ясно очерчивает факты и подсказывает ответы на правовые вопросы. Его влияние почти не имеет границ.

Необходимо, наконец, сказать, почему меня не убеждают аргументы в пользу неспособности присяжных судить гражданские дела.

В гражданских процессах, во всяком случае, тогда, когда речь не идет о каком-либо поступке, суд присяжных являет собой лишь видимость судебного органа.

Присяжные лишь объявляют приговор, который на деле выносится судьей. Присяжные освящают его авторитетом общества, которое они представляют, а судья выносит его, сообразуясь с разумом и законами.

В Англии и Америке судьи оказывают на ход уголовных процессов такое воздействие, о котором французские судьи не могут и помыслить. Причина этого различия вполне понятна: английские и американские судьи добиваются авторитета, ведя гражданские процессы; им не нужно его завоевывать, они просто используют его в другой сфере деятельности.

В некоторых случаях, как правило самых важных, американский судья имеет право выносить приговор единолично⁴⁴. Тогда он попадает в то же положение, в котором всегда находится французский судья. Однако он обладает значительно более высокой моральной силой: ведь все помнят о его роли в суде присяжных, и его решение пользуется почти таким же авторитетом, как и решение общества, высказываемое присяжными.

Влияние судей распространяется далеко за пределы судов. В мирных развлечениях частной жизни, в политической деятельности, в общественных местах и законодательных ассамблеях американцы привыкли смотреть на судей как на людей, превосходящих их по интеллекту. Их авторитет, проявляющийся сначала в суде, начинает затем воздействовать на умы и даже души тех, кто вместе с ними принимал участие в процессах.

Суд присяжных, который, казалось бы, ограничивает права судебных чиновников, на самом деле является основой их господства. Наибольшим могуществом судьи располагают в тех странах, где часть их прав принадлежит народу.

Именно благодаря суду присяжных американскому судебному ведомству удастся распространять то, что я называю духом законности, на самые широкие слои общества.

Таким образом, суд присяжных, будучи наиболее верным средством

44 Федеральные судьи почти всегда единолично решают вопросы, которые непосредственно касаются управления страной.

осуществления власти народа, в то же время наилучшим образом учит народ пользоваться своей властью.

Примечания автора

* Федеральная конституция определила функции и статус жюри присяжных заседателей в судах Союза аналогично тому, как отдельные штаты установили их для своих судебных органов. Более того, Союз не вводил никаких собственных правил, соблюдение которых было бы необходимо при избрании своих составов жюри. Федеральные суды пользуются обычным составом тех присяжных заседателей, списки которых каждый штат приготовил для своих собственных нужд. Таким образом, с целью узнать теорию суда присяжных в Америке необходимо изучить законы отдельных штатов.

С целью усвоить принципы, которые лежат в основе функционирования американского суда присяжных, я копался в законах штатов, расположенных далеко друг от друга. Вот отдельные общие идеи, которые можно было почерпнуть в процессе того изучения.

В Америке все граждане, имеющие право голоса, могут быть присяжными заседателями. В штате Нью-Йорк тем не менее установлено некоторое несущественное различие между этими двумя правами, имеющее в определенном смысле значение, прямо противоположное нашим законам, а именно: можно сказать, что в штате Нью-Йорк число избирателей значительно превосходит число присяжных заседателей. В целом истинно утверждение о том, что в Соединенных Штатах правом участия в жюри, как и правом избирания депутатов, обладают все граждане, однако возможность осуществить эти права доступна отнюдь не всем.

Ежегодно группа из городских или окружных должностных лиц, в Новой Англии называемая select-men, а в штате Нью-Йорк — supervisor, в Огайо — trustees, в Луизиане — шерифами церковных приходов, выбирает в каждом округе определенное число граждан, которые имеют право быть присяжными заседателями и которые, на их взгляд, обладают необходимыми для этого качествами. Эти должностные лица, будучи в свою очередь выборными, не вызывают никаких подозрений; полномочия их очень широки и весьма независимы, как и в целом власть всего руководства республики, и говорят, что они часто пользуются ими, особенно в Новой Англии, для того чтобы избавляться от недостойных или негодных присяжных заседателей.

Имена избранных таким образом присяжных передаются в окружной суд, и там из всего списка наугад подбирается состав Жюри присяжных заседателей для каждого конкретного процесса.

К тому же американцы всеми способами постарались сделать присяжных доступными для народа, а их обязанности как можно менее обременительными. Поскольку число присяжных очень велико, каждому из них приходится заседать не чаще одного раза в три года. Заседания проводятся в окружных центрах, причем их округа примерно равны нашим. Таким образом, не присяжный заседатель должен отправляться в дальний путь, чтобы заседать в суде, как это бывает во Франции, а сами судебные разбирательства проводятся неподалеку от его дома. И наконец, расходы заседателей компенсируются либо из казны штата, либо за счет тяжущихся сторон. Как правило, они получают по доллару в день (5

франков 42 сантима), не считая оплаты дорожных расходов. В Америке участие в заседаниях жюри присяжных все еще рассматривается как обязанность, но обязанность не слишком обременительная, которой подчиняются без особого труда.

****** Пристально рассматривая состав и роль жюри присяжных заседателей в английском гражданском суде, вы с легкостью обнаруживаете, что присяжные там постоянно находятся под контролем судьи.

Решение присяжных заседателей по гражданским и уголовным процессам обычно содержит в одном простом высказывании как констатацию фактического состояния дела, так и юридическую его оценку. Например, некий Питер заявляет, что он купил дом. Это — констатация факта. Истец возражает ему, заявляя, что продавец не имел права продать этот дом. Жюри ограничивается вынесением приговора, согласно которому дом признается собственностью Питера, оценив таким образом и фактическую, и юридическую стороны вопроса. Введя институт присяжных заседателей в процесс судебного разбирательства по гражданским искам, англичане отнюдь не склонны признавать их решения непогрешимыми. Таковыми считаются только их решения по уголовным делам, причем лишь тогда, когда приговор был оправдательным.

Если судья считает, что присяжные, вынося решение по гражданскому делу, неверно применили закон, он может отвергнуть данное решение и потребовать, чтобы они вновь обдумали свой вердикт.

Если судья подтверждает их приговор, никак его не комментируя, дело еще не считается окончательно решенным: существует несколько способов обжаловать это решение. Основной путь — подача прошения о том, чтобы судья аннулировал приговор и созвал новый состав жюри присяжных заседателей. Следует сказать, что подобные просьбы выполняются редко и не более одного раза.

Cyberspace

Пол ди Филиппо Плюмаж из перьев пегаса⁴⁵

Жду письменных откликов. Сначала информация о том, что было пятнадцать лет назад. Строго говоря, дело обстояло так: в то время, если вам нужен был персональный компьютер, вы собирали его сами. На столе, вместо компьютера, стояла коробка для входящих бумаг, на коленях, вместо компьютера лежала кошка, а в кармане, вместо компьютера, еще водились деньги. Билл Гибсон писал первый набросок «Джонни Мнемоника» гусиным пером, и журнал «Подключись» назывался «Телиграф-Мансли» — ежемесячник «Телеграф».

Участок Сети, в который я ежедневно входил, был обособленным «болотом». Пользуясь терминами возрастной психологии, можно сказать, что он напоминал зародыша с еще несформировавшимся мозгом. Если у

45 © Paul di Filippo. Plumage of Pegasus. F&SF, 1990.
Перевела Наталья Магнат.

киберпространства есть задворки, этот участок был, как государственное жилье, выстроенное на отшибе, рядом со свалкой радиоактивных отходов.

Два Ай-Би-Эм 370 обычных размеров располагались в полуподвале, который снимал мой наниматель, «Синий крест Синего щита Род-Айленда». Компьютеры обслуживали сотню глухих терминалов, разбросанных по трем зданиям наряду с перфовводами и накопителями информации на магнитной ленте.

Правда, у нас была примитивная электронная почта. Можно было посылать сообщения. Совместно пользоваться файлами. Вычерчивать и восхищаться потрясающими графиками, построенными из буквенных символов; эти графики походили на визуальную поэзию, которой мы баловались в средней школе. Другими словами, в нашем распоряжении были все прелести современной Сети, только в зачаточном состоянии, разве что кроме вирусов, огромных счетов за телефон и просмотра вклеек из «Пентхауса».

Но как мы пользовались этим чудесным источником? Электронная почта в основном состояла из посланий отдела материально-технического снабжения, вопрошающих нас, переутомленных программистов, почему мы не уничтожаем файлы, к которым мы не имели доступа в течение года, и таким образом не освобождаем драгоценное дисковое пространство? Или порой к нам поступал призыв начальства взяться за дело и соответствовать целям двоичного кодирования или воспеть хвалебную песнь последнему повышению жалованья.

При такой рабочей обстановке не удивительно, что большинство сообщений касались не особенно вдохновляющих предметов. Но и личные послания едва ли способствовали воспитанию нравственности. По большей части это были сплетни о том, кто с кем спит, замечания о внешнем виде, тряпках и жратве, которую подают ко второму завтраку в служебной столовой.

Иначе говоря, это заменяло обычный треп, ради которого моим сослуживцам надо было сдвинуться с места и пройти несколько шагов по ковру от своих располагающих к ожирению загончиков до моего. Все один к одному, кроме дурного запаха изо рта, перхоти да крошек от печенья. Впрочем, недостаток возмещался во время обеденного перерыва.

Боюсь, что этот жизненный опыт навсегда подпортил мое мнение о Сети и о том, что она может предложить. И сколько я ни перевидал с тех пор новых, расчудесных версий, мне мое так и не изменилось.

Киберпространство заполняют люди. И, как любой носитель информации, оно содержит только то, что в него вложили. А что интересует большинство людей — сами знаете.

Кто из системных операторов с кем спит, замечания о внешнем виде, тряпках и жратве, которую подают ко второму завтраку в компьютерной игре для многих пользователей. И если компьютерная графика не то же самое, что старая чертова конкретная поэзия, то я метафизик и мистик Джордж Герберт⁴⁶.

Расхожую фразу ранней компьютерной эпохи «Мусор введешь, мусор выведешь» в последнее время, как будто, подзабыли, хотя «МВ-МВ» легко могло бы стать путеводным знаком на столбовой дороге информации.

Тем не менее, я все время относился к достоинствам рекламируемой

46 Герберт Дж. (1593–1633) — английский поэт «метафизической школы».

на каждом шагу Сети, как преступник-луддит. Пока недавно не прочитал, что теперь существует некая группа поддержки (еще бы, 90-е годы!) для пострадавших от цифровых ЭВМ.

Называется клуб Карандашного Грифеля, основатель Билл Гендерсон, глава издательства «Тележка-Пресс». Члены Клуба твердо выступают против электронной почты, факсов и автоответчиков и характеризуют себя как «рытвину на столбовой дороге информации». Они приветствуют любую форму «прямого человеческого общения», и с ними можно связаться по почте а/я 380, Уэйнскотт, Нью-Йорк, 119757.

Только поймите меня правильно. Я не мыслю себе жизни без компьютера и его возможностей обработки живого слова. Перефразируя старый военный лозунг, единственный способ лишить меня моего верного «Коммодора», это вырвать его из моих мертвых пальцев. Но я и впрямь склоняюсь к тому, что старомодное прямое человеческое общение гораздо ценнее своего оптико-волоконного опосредствованного эквивалента.

Исходя из этого, позвольте вам предложить вместо того, чтобы десять раз на дню связываться по компьютерной межрегиональной сети с «Приключениями Спока», воспользоваться десятью главными альтернативами:

10. Нанесите визит зубному врачу.

Классический опыт человеческого общения один на один.

9. Съездите на кон.

Классический опыт человеческого (?) общения один больше, чем на один.

8. Выпейте в баре.

Если бы «Будем здоровы!» кричали в киберпространстве, разве было бы столько энтузиазма? И только представьте себе, сколько понадобилось бы мегабайт, чтобы удержаться в пределах нормы.

7. Покатайтесь на велосипеде.

Эй, настоящие деревья выглядят точно, как фракталы!

6. Сотворите образчик почтового искусства.

Доводилось ли вам получать по Сети конверт, который набит перьями, хлопущками и обрезками ногтей, а также украшен написанными цветными карандашами непристойностями?

5. Поплавайте в океане.

Никаких начальных расходов!

4. Сыграйте/Послушайте живую музыку.

Инженеры, специалисты по виртуальной реальности только лет через двадцать смогут воспроизвести атмосферу, характерную для вашего клуба. Требуются миллионы лишь на то, чтобы повторить в точности аромат разлитого пива и текущих уборных.

3. Подойдите в кино с кем-нибудь подходящего пола.

Объяснения излишни.

2. Пригласите свою спутницу (спутника) домой на послекиношную чашечку кофе.

То же самое.

1. Остальное на ваше усмотрение.

Таким же образом.

Объявления

Любовь Лурье Гомеопатический метод лечения

Что же такое гомеопатический метод лечения? Это удивительный метод открыл в XVIII веке немецкий врач С. Ганеман. Гомеопатический метод лечения основан на назначении лекарств по методу подобия. Врач-гомеопат должен подобрать лекарство, описание токсикологической картины которого полностью соответствует болезни пациента с ее психическими, ментальными и физическими симптомами.

Как же подбирает врач гомеопатическое лекарство? Представьте, что врач вызван в семью, где два человека больны гриппом. У каждого из членов семьи грипп протекает по разному, картина гриппа у одного из пациентов будет похожа на отравление аписом (т. е. в его болезни будет преобладать отек кожи, слизистых оболочек), клиническая картина гриппа у другого пациента похожа на отравление аконитом (высокая температура, краснота кожных покровов, страх смерти). В обычной практике эти пациенты получают одинаковые назначения — сульфаниламидные препараты, десенсибилизирующие средства, рекомендации по режиму и диете.

Врач-гомеопат назначит каждому свое средство: больной *гриппом по типу аконита* получит аконит, по типу аписа — получит апис. Лекарства, подобранные по принципу подобия и данные в малых дозах, активизируют иммунные силы организма и фармацевтические фабрики организма начнут выработку своих антибиотиков, сульфаниламидных препаратов, десенсибилизирующих средств. Больной выздоровеет быстрее, у него не останется побочных явлений от действия лекарств.

Ну а если к врачу-гомеопату придет длительно и часто болеющий пациент? В этом случае в описание болезни всего организма войдут все события, которые человек пережил, т. к. любая психическая или физическая травма может стать причиной болезней и души, и физического тела.

Например: если женщина рассказывает врачу, что все ее болезни начались после рождения ребенка — это означает, что корень ее недугов находится именно в этом событии, назначенное ей гомеопатическое лекарство, в описании которого есть болезни возникшие после родов, освободит ее иммунитет и вылечит заболевания, казалось бы, не относящиеся к болезням половой сферы.

Или, если пациент говорит, что его головные боли, повышение артериального давления, раздражительность, нарушения сна,

образование камней в желчном пузыре началось после автомобильной катастрофы, которую он пережил несколько лет назад, то корень его недугов будет именно в этом событии и назначенная ему агница поможет избавиться от всех перечисленных недугов. В случае гомеопатического назначения лечится весь человек, уходит корень его болезней и вместе с ним все, что выросло из этого корня.

Токсикологические картины лекарств берутся из испытаний природных веществ в токсических дозах на организмах здоровых людей. Наши лечебники содержат большое количество описаний токсикологических портретов лекарств.

Гомеопатические лекарства приготавливаются из всех царств природы. Очень много лекарств пришло в гомеопатию из растительного царства — это фитотерапия. Много гомеопатических лекарств приготовлено из минералов, животных и их выделений, есть лекарства сделанные из выделений больного человеческого организма.

Лекарства назначаются в малых дозах и не могут повредить здоровью пациента. Кроме того, стоимость их значительно ниже стоимости обычных лекарств.

В нашей стране гомеопатический метод лечения был запрещен почти 50 лет и до последнего времени этим методом лечения пользовались в основном сотрудники 3 и 4 Управления нашей страны. В настоящее время появилась возможность назначать гомеопатические лекарства всем желающим лечиться этим методом. Год назад гомеопатия стала официальным направлением в медицине.

Лекарства, назначаемые по закону подобия, воздействуют на все уровни человека: это и физические проблемы и особенности характера — гомеопатическое лекарство может охватить весь спектр болезней данного больного, оно воздействует на причину болезни на ее корни.

Клиническая больница № 11 совместно с ведущими классическими гомеопатами нашей страны организовали Центр классической гомеопатии «СИМИЛИЯ». Генеральный директор Центра классической гомеопатии «СИМИЛИЯ» — Лурье Любовь Еремеевна, врач-гомеопат со стажем работы в гомеопатии 20 лет, в прошлом — хирург-онколог.

Центр Классической гомеопатии «СИМИЛИЯ» имеет три направления деятельности:

Поликлиника, в которой работает 15 высококвалифицированных врачей-гомеопатов.

Школа классической гомеопатии, которая существует восемь лет и подготовила более 3000 специалистов, работающих практически во всех регионах и городах нашей страны.

Издательство, которое специализируется на издании книг по гомеопатии и выпускает журнал классической гомеопатии «Гомеопатический вестник».

В нашем Центре открыт стоматологический гомеопатический кабинет. Гомеопаты-стоматологи с успехом лечат ранний детский кариес, рецидивирующий стоматит, красный плоский лишай слизистой полости рта, парадонтоз, лицевые невралгии. Использование метода Фолля позволяет подобрать правильный пломбировочный материал.

Врачи Центра классической гомеопатии «СИМИЛИЯ» обучались и постоянно повышают свою квалификацию у старейших гомеопатов нашей страны, а также в ведущих гомеопатических школах мира: Израильской школе гомеопатии, Академии классической гомеопатии в Греции у Дж.

Витулкаса и других школах.

Два раза в год гомеопаты из ведущих гомеопатических школ и клиник мира приезжают в «СИМИЛИЮ», где они ведут показательные приемы больных, читают лекции, разбирая самые сложные вопросы гомеопатической медицины.

Врачи «СИМИЛИИ» владеют подбором лекарств по методике Фолля, что позволяет определить правильность и целесообразность назначения аллопатических средств и во время приема гомеопатических лекарств значительно сократить количество обычных лекарств или вообще отменить их.

Наш адрес: Москва, ул. Двинцев, дом 6, Больница № 11, административный корпус.

Телефоны : 289-79-59 — регистратура, 289-43-70 — администратор, 473-55-52 — контактный телефон.

Internet

Киберпространство будущего

Internet сегодня — это международное объединение компьютерных сетей, насчитывающих более 40 миллионов пользователей во всем мире. Теперь уже нет сомнений, что это самая передовая и многообещающая информационная технология, активно входящая в нашу деловую и повседневную жизнь.

Ресурсы и возможности, которые предоставляет Internet своим пользователям, достойны описания во многих и многих томах, здесь же предлагается только их краткая характеристика, имеющая своей целью дать ответ на вопрос — почему сегодня нельзя полноценно жить и работать без доступа к Internet.

E-mail — электронная почта. Практически не осталось сегодня на Западе солидной фирмы, не имеющей электронного адреса, да и для частных лиц электронная почта становится такой же привычной как телефон. Пересылка деловой информации по E-mail быстрее, эффективнее и дешевле обычной «бумажной» почты, особенно если речь идет о международных сообщениях — ей неведомы границы и таможенные барьеры. Наряду с текстовыми документами, электронная почта позволяет пересылать и графику, и исполняемые коды — вообще говоря, любые файлы. Современные информационные технологии кодирования и электронной подписи делают электронную почту, пожалуй, самым защищенным от несанкционированного доступа способом передачи важной информации. Вероятность сбоя или порчи информации при пересылке практически равна нулю, а скорость передачи сообщений измеряется секундами.

С помощью электронной почты можно общаться не только с пользователями сети Internet, но и с пользователями любых других компьютерных сетей, более того, через специальные серверы-шлюзы можно передавать и принимать факсы, использовать телетайп, телекс и даже телеграф.

Talk-on-line! — «разговор» в режиме реального времени, аналог обычного телефонного разговора, за исключением того, что вместо телефонной трубки придется пользоваться клавиатурой и монитором компьютера. Но зато стоимость такого разговора в десятки раз ниже, чем тарифы на международные и междугородние телефонные переговоры.

USENET — система телеконференций. Телеконференции можно сравнить с тематическими газетами или журналами (в электронном виде, разумеется), публикующими письма всех своих читателей. Телеконференции позволяют заочно знакомиться с интересными людьми и постепенно узнавать кто есть кто в сетевом мире, задавать вопросы и получать на них ответы, участвовать в обсуждении различных событий. Большинство конференций ведется на английском языке, но есть и русскоязычные.

Существует более 3000 телеконференций, посвященных самым разнообразным темам — от научных изысканий, политики и бизнеса до проблем секса или кройки и шитья.

Некоторые телеконференции похожи на доски объявлений, где фирмы помещают рекламу и информацию о товарах, которые они продают. Это так называемые «коммерческие» конференции. Есть конференции, где публикуются текущие курсы валют. Есть конференции, которые содержат обзоры законодательства, аналитические обзоры разных отраслей экономики, дайджесты публикации в прессе, новости, поступающие напрямую от ТАСС и других информационных агентств.

Мир USENET огромен и многообразен. Ежедневные объемы движения информации в USENET измеряются сотнями мегабайт. Рано или поздно каждый находит свои островки в этом океане соответствующие его интересам.

IRC (Internet Relay Chat) — каналы для общения в режиме реального времени многих пользователей одновременно. IRC-каналы похожи на гибрид talk и телеконференций, а чем-то напоминают и переговоры в эфире радиолюбителей-коротковолновиков.

MUD (Multi-User Dungeon) — виртуальная реальность, ролевая игра, в которую могут играть сотни людей одновременно, создавая себе новую индивидуальность и вступая в существующий только на экранах их компьютеров альтернативный мир фантазий, мир со своими законами, заполненный волшебниками, драконами и нечистой силой. В отличие от обычных компьютерных игр, MUD использует не только компьютер, но и человека. Как «игровое поле», а участники MUD играют не с компьютером, а друг с другом, имея возможность общаться, заключать сделки, объединяться в союзы и даже «убивать» друг друга. Существуют и другие подобные игры, кроме того, сетевой мир не чужд и традиционным играм, таким как шахматы, шашки, го, карты.

FTP (файловые серверы) — архивы программного обеспечения. Как правило, подключившись к Internet, люди больше не нуждаются в покупке или в долгих поисках среди друзей и знакомых нужного программного обеспечения. Практически все существующие в мире программы можно найти на серверах сети и «скачать» на свой компьютер.

Telnet — удаленный доступ к компьютерам сети Internet. Можно соединиться, например, с суперкомпьютером «Cray», находящемся в Соединенных Штатах, и за несколько минут просчитать на нем сложнейшую вычислительную задачу, для выполнения которой на обычном персональном компьютере потребовались бы недели. С помощью telnet возможен доступ к удаленным базам данных, электронным библиотекам, а также к другим компьютерным сетям (CompuServe, Delphi, и др).

WAIS, Archie, Gopher, Veronica, X500, NetFind, Whols и т. п. поисковые системы, которые помогают ориентироваться в безбрежном океане информации и находить нужные документы, файлы, программы, базы данных, электронные адреса серверов или конкретных людей.

WWW (World-Wide Web) — «Всемирная паутина», последнее слово Internet-технологии использует графический интерфейс новой поколения, связывающий в единое целое текстовые документы, графические изображения, звук и даже видеосюжеты. Причем для пользователя уже не имеет значения, на каком именно из компьютеров сети находится та или иная информация, он может простым щелчком мыши за считанные секунды перейти от чтения текста на компьютере в Швейцарии к просмотру слайдов, расположенных на WWW-сервере в Австралии или даже в Антарктиде (это не шутка, исследовательская станция McMurdo в Антарктиде действительно имеет сеть компьютеров с выходом в Internet через спутник NASA).

Некоторые возможности WWW кажутся сошедшими со страниц научно-фантастических романов. Например, уже сегодня можно, пользуясь системами заказов разнообразных товаров и услуг, легким движением мыши купить книги, компакт-диски или программное обеспечение, а то и заказать себе пиццу с доставкой на дом! Такая служба есть в Калифорнии, а первая в России подобная система заказов в настоящее время создается нашей компанией. Еще одной новинкой в технологии WWW стали интерактивные карты (clickable maps), создающие иллюзию реального географического перемещения в информационном пространстве. Впрочем, лучше один раз увидеть.

Quasi West Ltd. Доступ к сети Internet в Москве

Москва, Воробьевы горы, Научный парк МГУ, корп. 7. Тел. (095) 247-62-08; E-mail: info@netclub.ru

Фантастически низкие цены в журнале фантастики!

Ежемесячный журнал «Сверхновая американская фантастика» — русское издание американского ежемесячника «Magazine of Fantasy and Science Fiction» — принимает заказы на размещение рекламы.

10-тысячный тираж «Сверхновой американской фантастики» ежемесячно распространяется по подписке и в розницу по всей территории России и ближнего зарубежья. Экземпляры журнала направляются и в США, поступают в крупнейшие библиотеки мира.

Мы особо приветствуем на своих страницах рекламу новых технологий, медицинской и вычислительной техники, средств связи, наукоемких товаров и услуг, а также тех, кто финансирует развитие

науки, вкладывает средства и оказывает спонсорскую помощь науке и образованию. Для этих рекламодателей предусмотрены специальные скидки.

Льготы предусмотрены и для КЛФ, и для книгоиздателей (возможен бартер).

Наши расценки на рекламу в одном номере журнала:

4-я страница обложки — 1.000 у.е. (цветная); 2-я и 3-я страницы обложки — 800 у.е.; 1 ч/б страница в журнале — 400 у.е.; 1/2 страницы — 250 у.е.

Для Вас — фантастическая реклама в журнале фантастики!

Подписной индекс «Сверхновой» — 45467 в каталоге «Книга-сервис».

* * *

Подписку осуществляет Агентство

КНИГА тел. (095) 129.72-12

СЕРВИС факс: (095) 129.01-54

РФ 117168, г. Москва Кржижановского, 14/1 Агентство «Книга-Сервис» обрабатывает 22 % информационного потока России на самых выгодных для Вас условиях!

ЛР № 063160 ОТ 14 12.1993 г.

Подписано в печать 27.12.96

Формат 60x84/16. Бумага газетная. Печать офсетная. Объем 12 п.л. Усл.п.л. 11,16. Тираж 3000 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии

ТОО «Полиграф» 123480, Москва, ул. Героев Панфиловцев, 24, тел./факс (095) 496-62-50